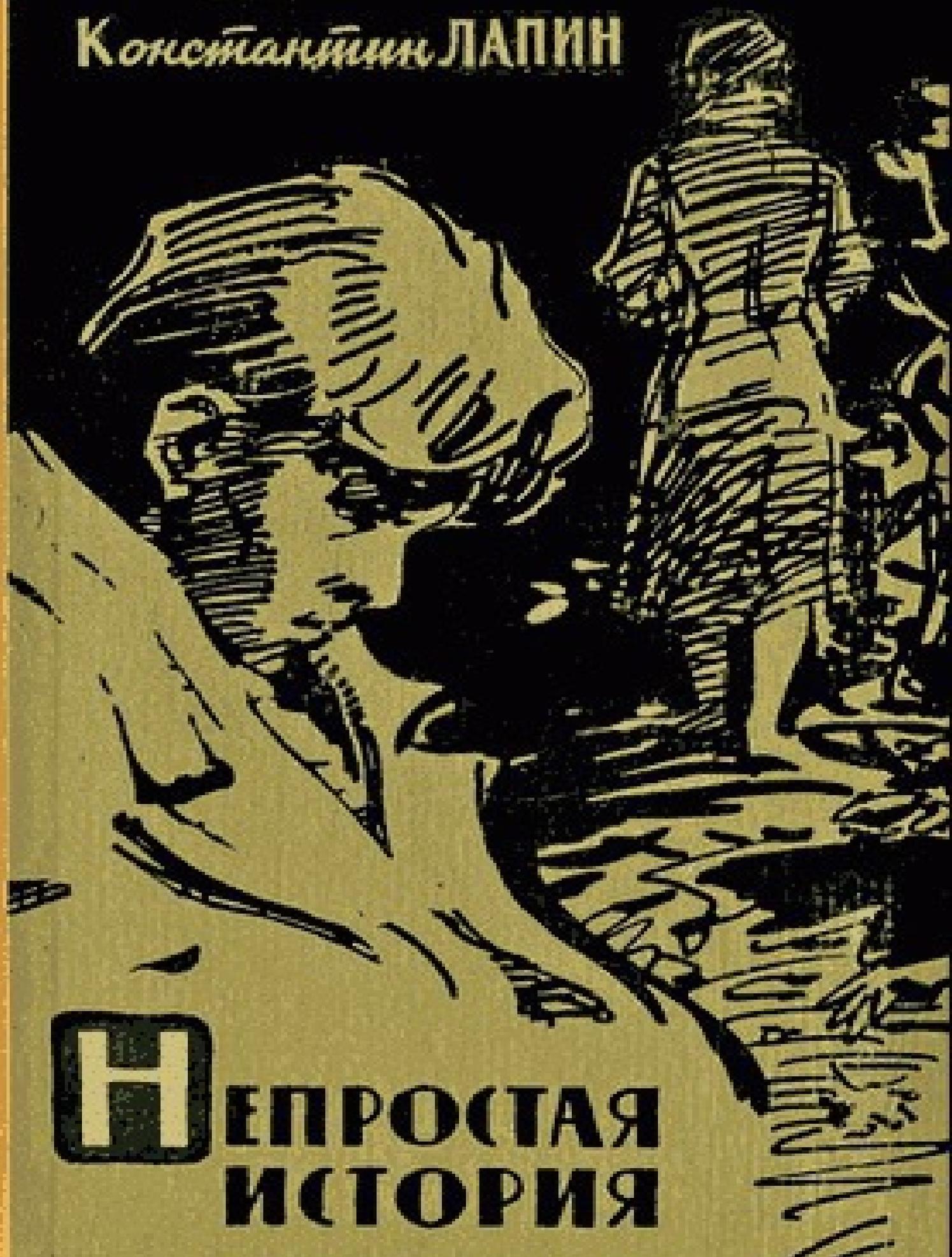


Константин ЛАПИН



**НЕПРОСТАЯ
ИСТОРИЯ**

...Повесть «Непростая история», над которой автор работал последние годы, носит известный автобиографический характер. Впервые она была опубликована в журнале «Знамя» (№ 5, 6 за 1958 год).

- - [Константин Лапин](#)
 -
-

Константин Лапин



Издательство ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1961

Константин Лапин

Непростая история



1

Кто бы мог подумать, что на улице Горького так чудесно пахнут расцветшие липы! А тишина такая, что слышно, как шуршит подгоняемая ветерком целлофановая обертка от мороженого. Кирилл придавил ее к асфальту. Его локоть коснулся руки девушки.

Лера подняла на молодого человека глаза — казалось, отблески веселой вечеринки еще пляшут в них.

— И долго мы будем играть в молчанку?

Очаровательная девушка! Удачно надумал он именно сегодня заглянуть к Лешке Шумову. Еще б ольшая удача ждала Кирилла, когда он полушутя, полусерьезно предложил Лере, с интересом слушавшей его стихи, побродить по ночной Москве.

— А я не только молчу, я еще раздуваюсь, как индюк, от гордости, что похитил вас.

— Я все равно собиралась уходить. Вы сами видели, как там было жарко и шумно...

Он перебил ее:

— А я одно видел: вы Джиоконда, которую надо украсть!

— И украли, — в тон ему продолжила Лера. — Что дальше?

Кирилл восторженно поглядел на нее, еще не смея, но очень желая поверить тому, что она и впрямь знает эти стихи. Маяковский был не просто его любимым поэтом. «Я из тех, кто не видал живого Маяковского и кто словом Маяковского живет», — писал он в своих школьных, наивно-подражательных стихах.

— То, что вы красивы, Лера, наверное, говорили многие. Но говорили ли, какая вы умница?

— И еще сколько! — Она церемонно поклонилась. — Но вы-то как раскусили меня так быстро?

— Думаете, это комплимент? Я не умею говорить комплименты. Я вообще никогда никому их не говорю.

Лера потрепала его по руке.

— Вы хороший, Кирилл. Я это поняла, как только вы появились у Шумова. И вам совсем ни к чему казаться еще лучше.

— К черту меня! Вы-то откуда взялись, Лера? Я сто лет знаю Лешку, почему я о вас ни разу от него не слышал? Почему не встречал вас у него?.. Вы пловчиха?

— Относительная. На работе организовался кружок плавания, Шумов — наш тренер.

— А где вы работаете?

— Это так важно?

— Можете не говорить. Но Лешка — мой школьный друг, и я завтра же могу узнать о вас все.

— Все? — насмешливо переспросила она. — А много ли он сам знает? То, что я работаю в таком-то учреждении и что никак не могу научиться выдыхать в воде, пlying кролем...

— У нас с вами намечается кое-что общее! — радостно отметил он. — Я тоже долго глотал водичку, осваивая кроль. И тоже тружусь в самой прозаической организации.

От удивления она даже приостановилась.

— Вы? Разве вы... не поэт?

— «Лишь в минуты нерабочие, под луной, с тобой и в прочие...» — ответил он моментальной импровизацией. — На одни стихи разве проживешь? Хлеб свой насущный я зарабатываю более надежным ремеслом — строительным.

— Бедный вы!

То, что она пожалела его, не понравилось Кириллу.

— Почему бедный? Мне совсем не плохо платят... Если б вы знали, что за чудо-работа у меня!..

Они проходили мимо белого толстостенного здания, глядящего темными окнами в переулок.

— А вы, Лера, историю этого дома знаете? Он стоял на улице Горького, мешая движению. И вот под стены подвели стальные рельсы, дом посадили на тележку и, словно спеленатого гиганта, перевезли на новое место. Разве не чудо? Но передвижка зданий — чепуха, мелочь в сравнении с тем, что мы, строители, сейчас совершаем...

И без перехода он начал читать вдохновенный монолог об улице-змее, о магазинах,

разинувших окна-рты, о людях, строящих новые города... Не в такую ли летнюю бессонную ночь поэт, бродя по Москве, пробовал на ощупь, проверял на слух и складывал в строки полновесные слова, как каменщик кладет из кирпича стены, которым стоять века?

Проходя мимо милиционера, Кирилл возвысил голос: очередное четверостишие имело непосредственное отношение к милиции. Постовой повернулся спиной к пешеходам; сколько раз в ночи он слышал: «...розовые лица, револьвер желт!»! Любой подвыпивший юнец читает эти стихи с таким энтузиазмом, словно только что самолично сложил их.

— «...Пойду направо, очень хорошо!» — закончила девушка, сворачивая за угол.

— Вы живете на этой улице?

— Нет. Это я продолжаю демонстрировать свою начитанность. В объеме все той же десятилетки.

Кирилл улыбался, ему все больше нравилась Лера.

Навстречу ходом шахматного коня — два шага вперед, один вбок — двигался подвыпивший гражданин в кепке.

— Эй, гуляка, дай закурить! — обратился он к Кириллу.

— К сожалению, не курю.

— А-а, сожалеешь?! Мож-жет, ты и не пьешь? — Схватив молодого человека за лацкан пиджака, пьяный почти повис на нем. — Мож-жет, ты вообще ангел, а не ш-шеловек, да?

Оторвав от себя его руки, Кирилл приподнял пьяного за плечи и отставил в сторону, как куль. Сила, переполнявшая его, искала выхода, он был бы только рад, если б представилась возможность оградить девушку от еще большей опасности.

— Идемте, Кирилл!.. Я не люблю пьяных скандалов, — молила Лера, сойдя на мостовую.

Но гражданин в кепке успел забыть о них, вступив в бесплодный поединок со светофором-автоматом. Едва он, нацелившись на зеленый огонек, достигал середины мостовой, как загорался разгневанный красный глаз, и гражданин, чертыхаясь, пятился назад, к спасительному тротуару, хотя улица была пустынна на всем своем протяжении.

Над домами поднялась узкая башня высотного здания в брусничках-фонариках, словно расцвеченная мачта океанского теплохода, непонятно как вплывшего в сутолоку городских строений.

— Вот бы где квартиру получить! — вздохнула Лера.

Кириллу вспомнилась статья одного архитектора, писавшего, что высотные дома не разрешат жилищного кризиса в Москве. Их назначение в другом. Каждый город, тем более столица, должен иметь свою характерную перспективу, высотный силуэт, видный отовсюду. В Париже это башня инженера Эйфеля, в Нью-Йорке — небоскребы, в старой Москве — былые сорок сороков церквей и колоколен.

Статью он помнил хорошо и сейчас увлеченно пересказывал ее содержание девушке. Лера вдруг перебила его:

— У вас, наверное, хорошая квартира.

— Обыкновенная. Мы с мамой и сестрой живем в коммунальной. Привычное для москвичей положение: мы вырастаем, а квартиры остаются прежними... А у вас?

— А у нас в квартире газ, — ответила девушка неопределенно. — Не будем говорить об этом.

— До того плохо?

— Я сказала: давайте не будем! — Лера насмешливо передразнивала чью-то чужую

интонацию, но Кирилл видел, что ей не до смеха. Меняя тему, она спросила: — Вы «Машиниста» видели?

Содержание итальянского фильма сразу же вызвало ожесточенный спор. Кирилл не мог понять, почему иные зрители, вот и Лера тоже, замечают, сколько комнат в квартире простого машиниста электропоезда, или то, сколько вина выпивают герои и какие красивые пейзажи в Италии, но не видят, не замечают главного, что хотели вложить авторы в свою картину. Страшная трагедия человека, оставшегося без работы, без своего места в жизни, проходит мимо их внимания.

— А «Рим в одиннадцать часов» видели? — горячился он.

— Еще бы! Пять раз смотрела... Там такие прелестные девушки! Говорят, не все они актрисы...

— Знаю. А то, что эти прелестные, как вы говорите, девушки готовы идти на все, чтобы получить скромное место машинистки, — это вам как показалось? Да у нас любая десятиклассница мечтает о большем!

— Мечтать можно о многом... Я, может, мечтаю об Италии.

— А сейчас это не такое уж несбыточное мечтание. Не скажу, в этом году, но в следующем... Хотите, подпишем с вами, Лера, дружеское соглашение: в следующем году вместе объехать на теплоходе вокруг Европы. С непременно заездом в Рим.

— Какое вы еще дитя, Кирилл! — Она вздохнула.

— Почему? Лешка Шумов — ровесник мой, а он только в этом году дважды побывал за границей...

— Так я ж не чемпионка по плаванию! И денег на заграничную поездку у меня нет. И не будет их через год... Конечно, я не знаю ваших возможностей...

— Молчу! Разговор об этом отложим до... до следующего года. Клянусь, я докажу вам кое-что! Во всяком случае, заставлю вас изменить свое мнение.

— Если вы к тому времени еще будете помнить случайно встреченную на какой-то вечеринке девушку.

Что ж, и в этом был свой резон. Он понимал, что словами тут ничего не докажешь. Вот когда выйдет его поэма... Кирилл намекнул на это грядущее событие, правда, весьма туманно, так как не хотел показаться ей хвастуном.

— Да, а где можно прочесть ваши стихи? — неожиданно любопытствовала Лера.

Он ждал подобного вопроса, но все же ее слова заставили молодого человека смутиться.

— Я печатался... э-э... кое-где. По радио меня недавно передавали. Все это пока несколько... гм!.. разрозненно. А вот мою большую вещь вы первая получите, это я вам точно обещаю.

— Я напомню вам, Кирилл, ваше обещание, когда станете знаменитым и важным.

Взвизгнув тормозами, у тротуара остановилась «Волга». Сидевший за рулем выглянул из машины. Блеснули белые зубы, полоска безукоризненного пробора в гладких волосах. Его спутница, совсем молоденькая женщина с ярко накрашенным ртом, раскуривала папироску.

— Привет, Малышев! Подвезти?

Хозяин машины радушно улыбнулся Кириллу и с интересом посмотрел на его девушку.

- Спасибо, Виктор Алексеевич! В такую ночь лучше пройтись!

— Добавьте: с такой милой спутницей. — Голова с безукоризненным пробором склонилась перед Лерой. — Всего вам наилучшего!

Машина отъехала.

— Наверно, только у поэтов бывают такие встречи. Кто этот эlegantный красавец? Тоже писатель?

— Виктор Алексеевич — инженер. Мы вместе работаем.

Кирилл не сказал только, что Виктор Алексеевич — его непосредственное начальство. Сегодня это ни к чему.

— А его дама мне совсем не понравилась.

И когда Лера успела рассмотреть ее? Кирилл даже не взглянул на женщину в машине.

Они вышли к набережной и облокотились на гранитный парапет. По Москве-реке плыл буксир с баржей, в ночной тишине далеко слышалось шумное дыхание двигателя. Огоньки бакенов мигали под мостом.

Кирилл рассказал, как в детстве бегал сюда с Лешкой ловить уклеек, как зимой скользил на лыжах по льду реки к трамплину на Ленинских горах.

— А вы, Лера, ходите на лыжах?

— Немножко. Мы с ребятами больше катались с круч на ледянках — знаете, что это такое?

— Приблизительно. В общем что-то из льда.

Лера рассмеялась.

— Сразу видно горожанина. Ледянка, простите, из навоза делается. Его накладывают в решето и поливают на морозе водой.

Он смотрел на девушку недоверчиво:

— И вы сами... накладывали?

— А что? Еще как! Правда, чаще кто-нибудь из ребят отдавал мне свою раскатанную ледянку.

Как он понимал их, этих неизвестных ему ребят! Он и сам отдал бы ей все, чего б она ни попросила. Всего несколько часов назад ничего не зная о существовании человека, и вот уже все в его жизни интересует тебя, кажется таким важным...

— Говорите, говорите, Лера! — взмолился Кирилл, когда девушка замолчала. — Из каких вы мест?

— А может, мне не хочется быть разгаданной в первый же вечер? Может быть, я хочу что-нибудь оставить и на потом?

Лера шутила, но ее шутку можно было понять и в том смысле, что она верит в их новую встречу, больше того — хочет этой встречи. Лучшего и желать нельзя. До чего ж эта девушка не похожа на провинциалку! Неужели год пребывания в столице сказывается? Только вот почему она, такая умная, не учится дальше?

— Потому что я, такая умная, как вы считаете, не набрала баллов. Провалилась на экзаменах в МГУ. С треском.

Кирилл уже жалел, что задал бестактный вопрос. Что он, собственно, знает о ней, о ее жизни? Кто он, чтобы спрашивать?.. И все же хотелось рассказать Лере, что на их стройку приходят точно такие же девушки, окончившие десятилетку и не попавшие в институт. Два-три месяца курсов, и их не узнать в комбинезонах штукатуриц и в спецовках крановщиц. Самые упорные занимаются по вечерам, через год они смогут держать в строительный... Да, такие же, как Лера, и все же не совсем такие. Ее он решительно не мог представить в спецовке или в комбинезоне. Стройка — не лучшее место для такой девушки.

- И почему это все пытаются наставить меня на путь истинный! — удивлялась Лера. — Сначала родители, потом дядя с теткой, начальство на службе, теперь вот вы. Наверное, у

меня вид такой несолидный. А я, честно говоря, даже не знаю, хочу ли учиться дальше. Мучиться еще пять-шесть лет, чтобы получать каких-то восемьсот рублей, почти столько мне и сейчас платят... Да еще зашлют куда-нибудь в глушь... Я говорю, наверное, глупости, вы не слушайте меня!

Кирилл смахивал ладошкой песчинки с каменного парапета в воду. Всплесков не было — песчинки слишком малы.

Девушка тихонько дотронулась до его плеча.

— Теперь вы презираете меня, да? Не надо меня презирать.

— И не думаю. Я рад, что познакомился с вами.

— И я.

Он повернулся к ней лицом, взял ее за плечи. Вот когда прижать ее к себе, поцеловать эти погрузневшие глаза... Неплохой был бы, кстати, переход от разговоров к делу.

— Что я хотел сказать вам, Лера? Если я сам не смогу быть полезен вам в чем-либо, знайте: у меня есть хорошие друзья. Они в лепешку расшибутся, чтобы сделать все возможное для меня или для моих знакомых. Больше я вам пока ничего не скажу.

Произнося свои неопределенно-обнадеживающие тирады, Кирилл и сам верил, что сможет многое сделать для нее. Ему хотелось верить в это. Теперь он знал точно, что девушке, несмотря на всю ее браваду, живется нелегко. Что ж, дайте только срок, она поймет, что значит иметь настоящего друга.

— Смотрите, смотрите, Кирилл! — воскликнула Лера, показывая за реку. — Луна за дом валится.

Над строениями на противоположном берегу скользило желтое пятнышко прожектора: там, на стройке жилого дома, работала ночная смена. Стрелы башенного крана, на котором был укреплен прожектор, не было видно, это создавало иллюзию второй луны на небе. Вынув блокнот, Кирилл записал что-то.

— Что вы пишете? — Девушка посмотрела через его плечо.

— Так, заготовка. Луна на земле, затмившая небесную, — в этом что-то есть... Ах, Лера, иногда так много хочется сказать, а нужных слов нет! Взять хоть этот башенный кран. Что такое кран? Механизм для подъема тяжестей. А когда он луну крюком подцепил — это уже поэзия... Я неясно выражаюсь?

— Мне кажется, я вас понимаю. — Она задумалась. — Хотите, я еще десяток сравнений придумаю? Даже лучших, чем это.

Лера тут же сравнила темную реку с крышкой концертного рояля, а волны от катера — с пассажирами невидимого пианиста. Он похвалил ее, но блокнота больше не вынул.

— Вам, Кирилл, никогда не хотелось улететь далеко-далеко? На Марс, например. Я часто старалась представить себе, какие они, марсиане. По-моему, очень спокойные, худощавые, с длинными лицами, с тонкими, бледными до синевы губами.

— Головы, как скафандр! — вставил Кирилл, вспомнив рисунок из какого-то научно-фантастического романа.

— Нет, нет! Голова тоже удлинённая... А по цвету — серо-голубые.

— С кем мне надо познакомить вас в первую очередь — это с Гришей, — вслух подумал он. — Это мой друг, художник.

Не слушая его, девушка продолжала:

— ...Знакомясь, они тихо дуют друг на друга, а чтобы узнать мысли другого, делают вот так. — Лера пожалала его руку у запястья, как врач, выслушивающий пульс.

Обняв девушку, Кирилл притянул ее к себе.

— Ого! — Она точно очнулась. — И вам часто удается так, сразу?..

— Почему часто? — Смутившись, он убрал руки.

— Уже вижу: не часто. Опыта нет.

Девушка явно смеялась над ним. Он был готов ругать себя: все-таки перешел от слов к действиям.

— А кому вы посвящаете свои стихи?

Кирилл только пожал плечами: пусть думает, что хочет. Если бы она знала, как смутное беспокойство выгоняет его вечерами на улицу, как, измерив шагами полстолицы, он, усталый, возвращается домой и пишет, пишет, пишет до рассвета... Кому он посвящает свои стихи? Никому!.. Многим...

— Многим — то же, что никому, — пробурчал он.

— И хуже вам казаться не к чему, Кирилл. Вы очень милый, честный и чистый мальчик.

Навстречу шла шеренга студентов, взявшихся под руки. Они пели: «Москва моя, ты самая, ты самая...»

— Вы такой, как они! — сказала Лера. — И я вам завидую. А у меня был трудный и скучный год. Меня уже ничто не веселит.

В этот момент она действительно показалась ему намного старше и печальнее. Черт его дернул вести себя с ней грубо! Еще неизвестно, что о нем подумала Лера.

— Давайте побежим! — предложила вдруг девушка.

Она схватила его за руку и потянула вперед. Через секунду Кирилл уже мчался по набережной, как призовой скакун, высоко поднимая ноги. Лера едва поспевала за ним.

— Стойте, умираю! — взмолилась она, останавливаясь. — Уф, не отдышаться!.. Зато хоть согрелась. Очень свежо у реки.

— Вы озябли, Лерочка? — с опозданием сообразил он.

Кирилл поспешно снял пиджак и накинул ей на плечи, как до него, наверное, проделали то же самое нынешней ночью тысячи более догадливых юношей.

— А домой не пора? Я не тороплю вас, Лера, но сейчас... — он поднес к глазам часы, — половина третьего.

— Ого! Домой я давно опоздала, а к Юльке — это подруга моя, я у нее иногда ночью — неудобно приходиться так поздно. Вам надоело ходить со мной?

— Что вы, что вы! — почти испугался он. — Будем гулять до рассвета, до трамваев...

Но тут у него возник иной план.

Переулками он вывел Леру в район Арбата. Над воротами светились номерные знаки. Он показал девушке старинный особняк с шестью облезлыми колоннами. Здесь некогда танцевал Пушкин со своей невестой, а сейчас жили потомки известного декабриста; одного из них Кирилл знал по литературному кружку при районной библиотеке. А в этом сером доме на третьем этаже жил знаменитый летчик-испытатель, мальчишки всего переулка сбегались смотреть, когда он по утрам садился за руль своей полугоночной машины.

— Вот так я знаю всех в нашей Слободке! — сказала Лера.

Ему ли не знать родных арбатских переулков, где прошло его пионерское детство, где он играл со сверстниками в Чапаева и в молодогвардейцев, а по вечерам, сидя на заборе, спорил до хрипоты: кем лучше быть — футболистом или архитектором? Позже, подрастая, он встречался с однокашниками на улице, в залах Ленинской библиотеки, в бассейне для плавания, и знал о каждом все, и ревниво следил за тем, кто из них больше успел.

По переулку промчался пустой грузовик, цепь билась о его борт. На востоке небо над домами порозовело.

- Я вам, Кирилл, так и не дала сегодня поспать.

— «Летом спать не полагается, сон — тягчайший из грехов», — начал было он, но девушка перебила:

— Я все-таки поеду к Юльке. Может, парадное не запирали.

Он повернул девушку к себе лицом: тени лежали под ее глазами, у губ прорезались две нитяные морщинки.

— Лерочка, нечаянно или нарочно, но так получилось, что мы вышли к моему дому. Идемте ко мне! Вы ж не боитесь меня?

Лера покачала головой. Нет, она его не боится, с какой стати ей кого-либо бояться, но идти под утро в чужой дом?.. Что подумает о ней мать Кирилла?.. Если они не поедут к Юльке, то можно посидеть где-нибудь в сквере на лавочке.

— Ведь э-это, — она зевнула, — так интере-ес-но. — Она зевнула еще раз и похлопала себя ладошкой по губам. — Да что это я разевалась сегодня? — И зевнула еще раз.

— Может быть, вам и не хочется спать, а мне перед работой непременно надо часок-другой соснуть. — Кирилл шлепнул себя ладонью по лбу, словно вспомнив что-то. — Есть еще вариант! Мне оставил ключ от своей квартиры один приятель! Вот! — Он покрутил на пальце английский ключ.

— А где он живет?

Ее вопрос, по сути дела, означал согласие.

— Совсем рядом, за углом.

Кирилл пошел вперед, показывая дорогу. Вот девушка оступилась, запрыгала на одной ноге, пробуя рукой, цел ли каблук.

— Слава богу, цел. Возьмите меня под руку, пожалуйста!

Только сейчас он сообразил, как Лера устала, прошагав сегодня столько километров по камням в своих модных босоножках. Не слушая ее протестов, он подхватил девушку на руки и понес по переулку, чувствуя руками тепло ее тела.

— Сумасшедший! — сказала Лера, когда он опустил ее перед семиэтажным кирпичным домом. — А если б кто увидел?

Кирилл хотел ответить ей, что увидевший лишь позавидовал бы ему, но не мог вымолвить ни слова: он задыхался. Лишь поднимаясь по лестнице на пятый этаж, он немножко отдышался.

Отперев дверь квартиры, Кирилл провел гостью по коридору — они оба тихо ступали на цыпочках.

— Не заденьте велосипед! — предупредил он шепотом.

В темноте он уверенно открыл еще одну дверь. В комнате, куда они вошли, было так светло, что можно было не зажигать света.

— Чистое белье в нижнем ящике шкафа. Во сколько вас будить?

— В половине восьмого... А разве вы?..

— Я пошел домой, — сказал он твердо. — Верните мой пиджак, и спокойной ночи! Вернее, доброго утра!..

За дверью он постоял минуту. Все было тихо. Он вырвал листок из записной книжки и, написав несколько слов, воткнул в замочную скважину.

На улице Кирилл постоял еще немного, раздумывая обо всем. Похоже, он свалил дурака,

оставив ее одну. Но если бы он остался, это походило бы на западню... Нет, это не по нем!

А деваться все же некуда. Ближе всех жил Лешка, но кто знает, как он отнесся к похищению Леры с вечеринки?.. Был еще Гриша, но до него не близко... Нет, идти некуда и незачем!

Ноги сами вынесли Кирилла на Арбатскую площадь. Женщина в комбинезоне накладывала трафарет с вырезанным в нем отверстием на мостовую, другая проводила кистью, и, оставив на асфальте белый ромб, они передвигались дальше. Электромонтеры, стоя на подъемной площадке грузовика, чинили троллейбусные провода.

Пожалуй, лучше всего посидеть на лавочке в сквере.

С Москвы-реки донесся низкий, надтреснутый гудок парохода. Удивительно, как далеко разносятся звуки на рассвете! И спать совсем не хочется!..

Но не успел Кирилл додумать эту мысль до конца, как задремал и вдруг клюнул, едва не упав со скамейки.

— К черту! — сказал он вслух. — Надо прилечь.

Хорошо бы растянуться на скамейке, но может пройти милицейский патруль, объясняй тогда, что ты не пьян. Кирилл оглянулся. За скамейкой рос невысокий, но очень густой кустарник, выстриженный аккуратным прямоугольником. Если прикорнуть за кустами, с дорожки его не увидят.

Земля была теплой, в носу запершило от пыли. Казалось, он только закрыл глаза, как чей-то мокрый язык лизнул его в нос. Кирилл присел: черный бродячий пес стоял над ним. Отогнав собаку, он накрылся пиджаком с головой и заснул, как провалился.

2

А Лера долго еще не ложилась. Сняв туфли, она бесшумно ходила по комнате, разглядывая фотографии на стенах. Вот Кирилл на стартовой стойке в бассейне: руки отведены до отказа назад, ладони вывернуты вверх, взгляд устремлен вперед — классическая поза пловца на старте. А вот он еще подросток — пухлогубый, смешной. Правой рукой обнимает за плечи молоджавую круглолицую женщину, а левой незаметно дергает за косичку девочку лет десяти, стоящую впереди. Наверное, его сестренка и мать. Славная семья! И сам он славный. Только чудак какой-то. Ну, куда он удрал из собственного дома?

Кирилл чем-то напоминал ей парней-одноклассников. Игорь Потехин, лучший гимнаст их школы и трубач ученического оркестра, тайком от своей матери учился готовить обеды: он решил жениться на Лере сразу после окончания учебы, забыв, правда, о «мелочи» — не спросил ее мнения на этот счет. Когда в вечерней тишине за садами слышались звуки грубы, то все слободские мальчишки знали: Игорь исполняет соло в ее честь. Второй Лерин друг, Петя Величко, начитанный, серьезный и скромный, еще в седьмом классе наколол большую синюю букву «Л» на руке. Сейчас Игорь в летном училище на Дальнем Востоке, мечтает прилететь за ней, когда получит офицерское звание. А Петя поступил в Горный институт в Сталино, все еще пишет ей, хотя, кажется, потерял надежду увлечь ее горным делом. Нет, она никуда не уедет из Москвы. И, уж конечно, не вернется в тихую Слободку под Харьковом.

Прошлой осенью, не выдержав экзамены на филологический факультет МГУ, Лера решила твердо: днем работать, вечерами готовиться в педагогический институт — туда,

говорят, поступить легче.

Родная тетя, у которой девушка временно поселилась, не торопила племянницу с устройством на работу. Бездетная, жившая в собственном домике под Москвой с мужем старше ее почти на двадцать лет, она радовалась возможности быть хоть чем-нибудь полезной Лере. Она баловала племянницу чем только могла. «Успеешь еще наработаться, — любила приговаривать тетя. — Когда же и погулять, как не в молодости!»

Дядя, всю жизнь проработавший механиком на фабрике и лишь недавно вышедший на пенсию, смотрел на все иначе. Он считал, что нынешняя молодежь, испорченная всеобщим образованием, избаловалась. Разве это дело, что детей рабочих на сорок первом году советской власти надо заново приучать к труду? Нет, только труд, причем труд физический, лежит в основе всех основ. А может быть, ему не давало покоя еще и то обстоятельство, что комнатку на втором этаже, где поселилась Лера, до приезда племянницы супруги сдавали на лето временным жильцам.

В учреждениях, куда Лера заходила по объявлениям, требовались квалифицированные машинистки, секретарши со стажем. Идти на завод простой работницей ей не хотелось. Без всякой надежды на успех она зашла однажды сентябрьским днем в какой-то главк на шумной столичной улице. В отделе кадров девушке неожиданно предложили временную работу: только что ушла в декретный отпуск сотрудница технического архива. То, что работа была временной, вполне устраивало Леру: значит, она сможет уволиться, если ей здесь не понравится. Предложенный оклад показался высоким, она ведь никогда еще не зарабатывала самостоятельно.

Лифт с непрерывно ползущими по шахте кабинами доставил Леру на третий этаж, где помещались технический архив и библиотека главка. Большая комната, в которой остекленными перегородками был выгорожен кабинет заведующего, казалась полутемной: ряды полок, заставленных до самого потолка папками с чертежами, справочниками, технической литературой, почти не давали доступа дневному свету. У окна за ящиками картотеки сидела блондинка неопределенных лет, старший архивариус Мария Михайловна. Она скептически отнеслась к появлению юной и привлекательной сотрудницы. «Ну, милочка, долго ты у нас не удержишься!» — говорил ее понимающий взгляд. Тем не менее она старательно вводила новенькую в курс дела, внушая ей с первого дня безмерное уважение к своему начальнику и богу Егору Никитичу Егорычеву.

Заведующий архивом поначалу показался Лере старым, болезненным человеком, ей даже стало жаль его. Маленького роста, с впалой грудкой и вытянувшимся вперед, как это бывает у горбунов, востроносым лицом, с насупленными бровками и щелочкой постариковски плотно сжатого рта, отчего казалось, у него вовсе нет губ, он хранил в себе, однако, запасы неистощимой энергии. Она прорывалась в стремительной, летящей походке, в резких жестах рук, которыми он подкреплял свою речь.

Большую часть дня Егор Никитич проводил за громадным, «министерским», как он с гордостью подчеркивал, столом, вырезанным эллипсом с той стороны, где он сидел. Егор Никитич считал, что материалы, которые требуются для работы, должны окружать сидящего, это будто бы концентрирует внимание и обеспечивает наивысшую производительность труда.

В отношении своей собственной персоны Егор Никитич был олицетворением скромности и непритязательности. Зимой и летом он ходил в сером костюме и сорочках того цвета, который называют «смерть прачкам» («На службе никто не должен выделяться ярким

костюмом или внешностью — пусть человека выделяет его работа!» — утверждал Егор Никитич). В нижнем ящике его стола хранились сатиновые нарукавники, которые заведующий надевал в начале рабочего дня, деревянные плечики для прорезиненного негнущегося плаща, мыло, полотенце, даже щеточка для рук (Егор Никитич был большой аккуратист). Позади его стула всегда кипел электрический чайник, а на столе в стакане дымился напиток, напоминавший по цвету деготь. («Чай — лучшее тонизирующее!» — утверждал Егор Никитич, хотя, глядя на его лицо нездорового коричневого оттенка, можно было сделать совсем другой вывод.)

Было у Егора Никитича любимое присловье, которого он частенько начинал разговор:

— Должен вас огорчить, Мария Михайловна, но эту карточку вам придется переписать.

Шифр книги проставлен, увы, не в той графе...

Или:

— Как мне ни грустно, но я должен огорчить вас, Валерия Павловна: почему не обработаны вчерашние поступления? Вы говорите, что их пока никто не требовал. Ну, а если бы потребовал?! Кое-кому архивный учет может показаться скучным делом, пустой формалистикой, хотя Зинаида Савельевна так не считала. — Он никогда не забывал поставить новенькой в пример сотрудницу, которую она временно замещала, так что скоро Лера не могла спокойно слышать это имя. — Позвольте рассказать — вы присаживайтесь, присаживайтесь, Валерия Павловна! — к чему привела такая «мелочь», как отсутствие грифа «секретно», на одной будто бы ничтожной бумаженции. Случилось это в бытность мою в Монголии...

В первые дни Лера делала эту ошибку: присаживалась на стул, когда начальство пускалось в нескончаемые воспоминания о своей работе в советском торгпредстве в Монголии, бывшей, судя по всему, вершиной его служебной карьеры. Позже она всячески старалась отвести разговор от опасных воспоминаний или попросту сбегала, ссылаясь на срочную работу.

— Боже, какой он, наверное, скучный дома! — пожаловалась она как-то Марии Михайловне.

— Егор Никитич?! — изумилась та. — Не спешите с выводами, милочка, вы мало знаете жизнь. Любая женщина была бы счастлива, имея такого образцового супруга, как Егор Никитич!

Лера с недоверием слушала ее: уж не шутит ли она? Но Мария Михайловна не любила шуток, особенно в служебные часы.

Работа в архиве не нравилась девушке, но она с готовностью выполняла поручения Егора Никитича и Марии Михайловны: она теперь знала, что даже такую работу не просто найти. По собственной инициативе девушка перебрала папки и книги на полках, стерев с них пыль тряпкой, что было особо отмечено и одобрено Егором Никитичем. Узнав, что девушка мечтает изучить машинопись, начальник стал диктовать ей несрочные бумаги. Любивший, чтобы его приказания исполнялись немедленно, он был снисходительным, когда Лера букровку за букровкой отбивала текст. Однако Егор Никитич не забывал подчеркнуть описки и заставлял девушку перепечатывать испорченную страницу. Что ж, для нее это лишняя практика! Специальность архивариуса вряд ли пригодится в жизни, а знание машинописи никогда не лишне.

Скоро после появления Леры по отделам главка прошел слух о хорошенькой «девушке из архива». Постоянные абоненты библиотеки находили, что она работает хуже Зины, и

девушке приходилось выслушивать нелестные замечания по поводу своей неосведомленности в технических вопросах или медлительности при поисках той или другой книги. В таких случаях на выручку спешила всезнающая Мария Михайловна, покидал свой кабинет Егор Никитич, не дававший в обиду новенькую. Но сотрудники помоложе были довольны переменой. Даже те, кто годами не пользовался архивом, все чаще стали требовать какие-то справочники и технические нормативы. Пока девушка искала на полках нужный материал, молодые люди с удовольствием рассматривали стройную фигурку архивариуса, которую нисколько не портил серый форменный халат, любовались аккуратными ножками, легко взбегавшими по складной лестнице за какой-нибудь синей папкой в верхнем ряду.

Егор Никитич, видя рост числа абонентов архива, довольно вышагивал по своему кабинету: вот, значит, и «сработала» недавно введенная им система предварительных опросов отделов о потребной литературе. Одно непонятно. Порою сотрудники берут всякую заваль, годами пылящуюся на верхней полке без движения, меж тем как свежие материалы на ту же тему, лежащие прямо на столе, под руками, не находят спроса. Что ж, очевидно, его метод не продуман до конца, нужны коррективы, чтобы вывести закономерность спроса.

Седые учрежденческие львы отпускали Лере испытанные комплименты, в карманах у них всегда оказывалась конфета «Мишка» или шоколадка для девушки. Молодые люди пытались завязать с ней знакомство, заводя разговоры на посторонние темы, но Лера не поддерживала их. Однажды лощеный референт начальника главка, сдавая книгу, «забыл» в ней какую-то бумажку: уголок ее выглядывал между страниц.

— Товарищ, вы что-то забыли! — спокойно сказала библиотекарьша, возвращая бумажку: она успела разглядеть, что это билет в театр на завтрашнее число.

— А если я не забыл, если я... — начал было референт.

Из кабинета заведующего стремительной походкой вышел Егор Никитич: в подобных ситуациях он непонятным образом всегда оказывался тут как тут. Взяв в руки возвращенную референтом книгу, Егор Никитич хотел полистать ее. Губы его сжались плотнее.

— Так, так... Не хочу огорчать вас, товарищ, но не объясните ли вы, как пользовались этими нормативами? — Он потряс в воздухе книжкой. — Ведь страницы... не разрезаны.

— Позвольте передать ваш запрос моему патрону? — не без ехидства спросил молодой человек, не лишенный находчивости. — Я брал книгу для него.

— П-позволяю! — храбро сказал Егор Никитич, заикаясь от волнения. — И учтите, пожалуйста: мы здесь не для м-мебели. Поэтому нечего отрывать моих сотрудников от исполнения их п-прямых служебных обязанностей.

Лера была всецело на стороне своего начальника, она-то помнила, сколько времени проискала для референта именно эту книжку. И когда молодой человек подкараулил ее во время обеденного перерыва в буфете, чтобы извиниться за свое поведение и, кстати, пригласить в Большой театр, она наотрез отказалась идти с ним.

Ее отказ признанному ухажеру непонятным образом стал известен сотрудникам главка. К прозвищу «девушка из архива» прибавилось определение: «неприступная». Кто-то пустил слух, что у Леры есть муж — молодой и очень ревнивый. А ей было безразлично, что о ней говорят. Лере не хотелось заводить знакомств в учреждении, где ее знают как какую-то «архивную крысу». Она не девчонка-секретарша, которую можно прельстить шоколадкой или билетами в театр. Да и как она могла пойти в оперу с модником референтом, когда у нее нет вечернего платья.

Леру пытались вовлечь в общественную работу — однажды она, выполняя получение

месткома, составила список сотрудников, желающих посмотреть новый фильм в кино «Форум». А сама в кино не пошла. Она уже смотрела этот фильм, а видеть примелькавшиеся за день лица не хотелось. Новых поручений Лере не давали, и сама она на них не напрашивалась, чувствуя себя временным жильцом в этом большом доме.

Егор Никитич не забыл случая с референтом. Не один час прошагал он по своему кабинету, скрестив руки на груди, как Наполеон перед Ватерлоо, пока не нашел выхода из положения. Отныне в карточку абонентов библиотеки были добавлены две новые опросные графы: «Для чего берется материал?» И вторая: «Пригодился ли взятый материал в работе?»

Одни сотрудники старательно отвечали на вопросы, другие писали коротко: «Для работы... Пригодился». Какой-то шутник и тут не удержался, написав в первой графе: «Для того, чтобы лишний раз взглянуть на «девушку из архива», а во второй: «Взглянул, остался доволен, работалось лучше!!!» Егор Никитич гремел, негодовал, потом умчался с крамольной карточкой куда-то по начальству. В конце концов он добился «отлучения» шутника на месяц от архива.

* * *

Пришла зима. Лера втянулась в размеренный ход жизни главка. Пробовала она брать на службу учебники, но занятия не шли на ум, что-нибудь постоянно отвлекало. К чему приохотилась Лера за этот год — это к чтению. Она читала везде — в электричке, в метро, на работе, пряча по школьной привычке книжку в стол при первом подозрительном стуке.

— Не сердитесь, милочка, но настоящего архивного работника из вас никогда не получится, — заметила ей как-то Мария Михайловна. — На что уж Зина не любила нашу работу, но и она не позволяла себе отвлекаться в рабочее время на чтение. — Вздохнув, она добавила: — А может, это к лучшему. Вы молоды, интересны, еще найдете свое место в жизни.

То же самое, хотя и другими словами, говорила Юлька — единственная московская подруга Леры. Девушки познакомились на экзаменах в университете, сблизило их то, что обе «срезались», но дальше судьбы подруг пошли врозь. Юлька нигде не работала, ее отец, полковник, выделял дочери пятьсот рублей ежемесячно, чтобы она могла заниматься английским и готовиться к новым экзаменам. Юлька не больно-то утруждала себя занятиями, предпочитая учебникам веселые вечеринки и всевозможные «походы» и «заходы» с друзьями. Как-нибудь на следующий год она попадет в рыбный или в пищевой, больше ей ничего не надо!

— Ты дура! — не раз выговаривала она Лере. — С твоей внешностью быть под началом какого-то червяка, рожденного ползать?!

Как многие некрасивые девушки, Юлька завидовала успеху подруги у мужчин. Она была уверена, что на месте Леры давно бы сделала себе карьеру в кино, даже если бы ей пришлось выносить ночные горшки за каким-нибудь стариком режиссером. Юлька пробовала знакомить подругу на своих субботних сборищах, «клубных днях», как не без гордости называла их хозяйка квартиры, с какими-то начинающими деятелями искусства, не известными никому, зато знающими по именам и уменьшительным кличкам решительно всех великих мира сего. Один из них — носатый, с усиками и большой плешью — в первый же вечер знакомства стал развивать перед Лерой весьма заманчивую перспективу ее работы

в студии, которую он организовывает. Девушка так и не узнала, открыл ли он свою студию: ей пришлось остановить такси среди дороги, так как носатый, вызвавшись проводить ее до дому, слишком рьяно начал применять на практике «метод физических действий», о котором так красноречиво разглагольствовал у Юльки.

Вот и сегодня у подруги дым коромыслом, в третий раз за вечер пускают «шапку по кругу», чтобы послать за вином.

Лео Тромбон, как его все звали (по паспорту Лев Трошкин), — губастый, круглолицый, страстно влюбленный в джазовую музыку студент сельскохозяйственного вуза — барабанил на пианино. Толстая подошва его горнолыжных ботинок отбивала такт по паркету, заменяя, по-видимому, ударные инструменты. Сколько бы ни стучали снизу разъяренные соседи, он не мог избавиться от своего излюбленного аккомпанемента, а хозяйка не желала в чем-либо ограничивать своих гостей.

Склонив львиную гриву к Лере, сидевшей рядом, Лео с пьяной меланхолией говорил девушке, что она ему нравится, давно нравится (они виделись всего второй раз!), чертовски нравится. Он не хочет употреблять такого избитого слова, как «любовь», ибо никакой любви в наш атомный век не существует. Существует лишь физиология, то есть нормальное влечение особей разного пола, нравящихся друг другу.

— Нравящихся? — ухватила за словечко Лера. — А если нет?

— Ну и носись со своей невинностью, как дурень с писаной торбой! — неожиданно разозлился Лео-Левка. — Юлька, где ты, папино сокровище? Налей-ка водяры и выпей со мной за наше общее бесславное будущее...

Никто не заметил, когда ушла обиженная Лера, никто не пошел ее провожать. А девушка, сидя в пустом вагоне электрички, кляла себя за то, что ходит к Юльке. Правда, та же Юлька могла неизвестно где раздобыть для подруги по дешевке модную сумку или заграничную кофточку, ссудить ее деньгами до получки. И не всегда она называла Леру дурой и провинциалкой, бывали другие, откровенные минуты, когда Юлька говорила совсем иное, гордясь своей не похожей на всех подругой, которую, наверное, ждет в жизни настоящее счастье.

* * *

Среди дня Егора Никитича вызвали в отдел кадров. Вернулся он озабоченный, но с видом победителя. Вызвав к себе в кабинет Леру, он издали начал разговор.

— Я давно присматриваюсь к вам, Валерия Павловна, и должен вас... обрадовать. — Девушка поразилась, услышав новое в устах своего начальника слово. — Да, я вполне доволен вами, точнее — почти вполне, — поправился Егор Никитич, превыше всего ценивший точность формулировок. — Это я не только вам говорю. Буквально четверть часа тому назад я высказал то же начальнику отдела кадров и кое-кому еще... повыше рангом. Вы очень выросли за последнее время. Вам теперь под силу большие дела!

Лера не могла сдержать улыбки: ну, какие большие дела могут совершаться в стенах архива?.. Нет, нет, пусть она не улыбается так недоверчиво, продолжал шеф, руководимый им архив уже одержал кое-какие победы и одержит еще! Он близок к тому, чтобы произвести настоящую революцию, точнее — переворот в архивном деле. И там, наверху, — в этом месте своей речи Егор Никитич устремил сухонький, как сучок, палец в потолок, хотя

над его кабинетом помещался всего-навсего буфет для сотрудников главка, — там, наверху, довольны его докладной запиской. Той самой, которую перепечатывала Валерия Павловна, внося свою посильную лепту в общее дело. Ему предложено расширить записку до статьи для «Архивного вестника». Не исключено, что со временем эта статья разрастется и в более серьезный труд...

Как всегда, когда девушка слушала речи Егора Никитича, ей было нестерпимо скучно, она сразу устала. Лера присела бы на стул, если б это не грозило еще большей затяжкой разговора.

— Перехожу к главному, для чего я вызвал вас, Валерия Павловна. Не скрою, решается ваша судьба...

«Ну, чего тянет? — злилась Лера. — Небось объявит о прибавке пятидесяти рублей к жалованью, он уже как-то намекал на это. Только в любом случае мне недолго здесь оставаться. На днях Марии Михайловне звонила та самая Зина, которую замещает Лера. Она родила, вот-вот должна приступить к работе...»

— Если помните, я не раз ставил вам в пример Зинаиду Савельевну, которая... гм!.. в общем сами все о ней знаете, — не закончил он из деликатности. — Должен сознаться: я кривил душой. Причем делал это вполне сознательно, так сказать, в воспитательных целях. На самом деле я не очень дорожил ею, как работником. Зинаида Савельевна болтала по телефону в рабочее время, курила тайком в архиве — в архиве, где столько ценных бумаг. Оставлю в стороне ее моральный облик. — Он взглянул на Леру из-под насупленных бровок, как видно, раздумывая: развивать ли столь щекотливую тему? — Разговор, понятно, не для девушки... С другой стороны, вы — взрослый, политически зрелый человек. Скажу прямо: хотя Зинаида Савельевна и ушла в декретный отпуск, факт ее брака официально не зарегистрирован. — Он широко развел свои сухие ручки. — Комментарии, как говорится, излишни... К чему я все это говорю вам, Валерия Павловна? А к тому, что, когда передо мною встала дилемма — вы или она? — я, не колеблясь, принял вашу сторону. И, скажу, не хвалясь, выиграл настоящий бой за вас в отделе кадров.

Лере стало не по себе. Значит, ее случайное появление в архиве лишит работы кормящую мать? Нет, этого она не может допустить. Но едва девушка раскрыла рот для возражений, Егор Никитич предостерегающе поднял руку.

— Знаю, заранее знаю, что вы хотите сказать. Вам жалко эту несчастную женщину и мать, не так ли?.. Это делает вам честь, Валерия Павловна. Но кто вам сказал, что ее уволят? Я первый не допущу этого! Зинаида Савельевна получит работу...

Без стука распахнулась дверь, в кабинет заглянула низенькая веселая толстуха со свалывшимися кудряшками на голове.

— Егор Никитич, можно?

— Вы, кажется, видите, Зинаида Савельевна: я занят.

— А я только на минутку... Распишитесь вот здесь! — Она протянула Егору Никитичу какую-то бумажку и подмигнула Лере. — Моя спасительница? Приветствую!

Лера вышла, чтобы не мешать последнему объяснению начальника со своей бывшей сотрудницей. У Марии Михайловны, поднявшейся к ней навстречу, было трагическое лицо.

— Это такой удар для Зины, такой удар...

Старший архивариус не успела договорить: из кабинета вылетела Зина, размахивая бумажкой.

— Ой, девки, какая я счастливая! — она бросилась на грудь к Марии Михайловне,

чмокнула в щеку Леру. — Если бы не вы, девушка, меня бы во веки веков не выпустили из этого омута. Подумать только, два года моей молодой, быстротекущей жизни прошли за этим уродом! — Нога в босоножке пнула стол, за которым теперь сидела Лера. — Попасть в секретариат — это ж пылкая мечта моей юности! — Она перешла на шепот. — Не то что наш Егор Занудыч, который проел мне все печенки своими моральями.

В восторге она закружилась по комнате, короткое платье раздувалось, открывая крепкие полные икры. Перед дверью кабинета Зина послала воздушный поцелуй невидимому начальнику, а затем, повернувшись спиной к двери, сделала другой, менее пристойный жест.

Нет, она решительно не походила на несчастную жертву!

Через несколько дней после появления Зины Егор Никитич сказал Лере, что должен поговорить с ней после работы «о чем-то важном». Она так растерялась, что не успела придумать предлога для отказа. И вот он, предусмотрительно дождавшись Леру на углу, вышагивает рядом, подлаживая к ее шагам свою стремительную походку. Серая шляпа едва не касается плеча девушки, при каждом шаге хрустит прорезиненный плащ. И все время он что-то говорит, говорит...

Он говорил о том, как доволен ею «по линии работы» и как его восхищает высокий моральный уровень Валерии Павловны. Он припомнил нахала-референта и какого-то престарелого комплиментщика из отдела капитального строительства, которого она поставила на место (Лера никак не могла вспомнить, кого он имеет в виду), восхитился тем, как ловко она на прошлой неделе вот на этом самом углу — Егор Никитич замедлил шаг у поворота — дала отпор некоему стилиажке.

Девушка с испугом покосилась на него. Да уж не шпионит ли за ней ее высоконравственный начальник? Действительно, на прошлой неделе очень милый, безукоризненно одетый и, судя по всему, воспитанный молодой человек, которого она не раз встречала, возвращаясь с работы, решил подойти к ней и попросил разрешения идти рядом. Он говорил так робко, так почтительно. И сразу отстал, когда она сказала, что не привыкла знакомиться на улице. Всю неделю она жалела о том, что ответила так сухо и что молодой человек был слишком робок.

Задумавшись, она не слышала, о чем спрашивает Егор Никитич. Ах, была ли она на перевыборном собрании месткома? Нет, не была! Она ведь еще даже не член профсоюза.

Бровки Егора Никитича поднялись. Какое упущение со стороны прежнего руководства месткома! Ему, как новому председателю — да, да, его выбрали предместкома единогласно! — нужно будет взять это на заметку.

Перед входом в вестибюль метро Лера протянула Егору Никитичу руку. Но он, кажется, решил быть джентльменом до конца. Вынув из кожаного кошелька билетную книжечку, он категорически не разрешил ей платить за проезд.

В переполненном вагоне Егор Никитич молчал, лишь грозно насупливал бровки, когда кто-нибудь из пассажиров толкал его спутницу. Он самоотверженно пытался принять толчки на себя, но что-то плохо у него это выходило.

Девушка надеялась, что хоть на вокзале он оставит ее в покое. Не тут-то было. Увидя, как он решительно направился к билетной кассе, она крикнула:

— Не надо, Егор Никитич! У меня сезонка.

— Должен вас огорчить, Валерия Павловна, но мне сегодня по пути с вами, — пошутил он, возвращаясь с билетом. — Не торопитесь, сейчас поймете все. Скажу только: я увязался за вами не в целях пошлого ухаживания.

В вагоне ему не удалось объяснить цели своей поездки: густая толпа разъединила их. Лера была рада этому. Из рта Егора Никитича пахло луком.

— И это всегда так? — спросил он, выходя за девушкой в Подрезково. — Эта давка, и грубость, и дикие нравы? — Егор Никитич вел себя, как иностранец, попавший в чужую страну.

— В часы «пик» — всегда.

— Так, так... Вот уже несомненная польза от моей поездки: испытать на своей дубленой шкуре то, что вам, нежному существу, приходится выносить ежедневно. И это возьмем на заметку.

Еще он взял на заметку красоту подмосковного пейзажа, показав тем, что понимание природы не чуждо ему. А Лера все больше злилась. Не хватает только, чтобы кто-нибудь из знакомых подрезковских девчат увидел ее рядом с этим чучелом.

Наконец Егор Никитич приступил к разговору о цели своей поездки. В будущем году главк достраивает новый дом для сотрудников. Председатель месткома, как один из углов треугольника, участвует в распределении квартир. Ему надо самолично обследовать жилищные условия тех, кто нуждается в площади. С кого же начинать, как не со своих работников? Жилищные условия Марии Михайловны он знает, на очереди — Валерия Павловна...

Лера слушала почти с досадой, не веря ни одному его слову. Кто она, собственно? Временный работник архива, человек без специального образования. А в главке еще не все специалисты обеспечены жильем. Даже если она останется на работе, — о чем Лера не хотела думать, — никто не даст ей комнаты.

Вид деревенских домиков в прогале между деревьями снова настроил Егора Никитича на лирический лад. Может быть, Валерия Павловна не поверит ему, но он, столичный житель, интеллигент, родился в крестьянской избе под Пензой. В их деревне целую улицу занимают Егорычевы, и многие его земляки-однофамильцы вышли в большие люди. Он лично не думал, что придется всю жизнь корпеть над скучными бумажками, но не всегда ж приходится делать то, что хочется. Жизнь есть жизнь! Работа за границей, руководство отделом главка, приравненного к министерству, — нет, он может сказать с гордостью, что тоже кое-чего достиг к своим сорока годам...

С равным успехом он мог бы сказать: к пятидесяти годам. Возраст Егора Никитича ее нисколько не интересовал.

— Сорок лет не старость, англичане считают, что мужчина только начинает жизнь в этом возрасте, — продолжал Егор Никитич. Тем более мужчина, который, в сущности, еще и не жил по-настоящему. Да, да! Он не может, к сожалению, рассказать сейчас всего, но со временем она узнает его личную трагедию...

Она была рада, что Егор Никитич не решил посвятить ее в свою семейную жизнь. Она интересовалась не больше, чем жизнь дождевого червя.

— Ну, вот и мой дом — вернее, дом моей родни! — объявила Лера, останавливаясь перед деревянной дачкой с крышей мансардного типа. И на всякий случай из простой вежливости спросила: — Вы зайдете?

— Почту за честь! Это не только мое личное желание, но и, повторяю, мой общественный долг.

Непонятная вещь, но Егор Никитич сразу очаровал Лериных родных. Тетя расплылась от похвал ее холодному борщу, дяде, кажется, понравилось сообщение о строящемся доме,

куда в первую очередь будут вселять сотрудников, живущих за городом. Как разрешится вопрос с пропиской и прочими формальностями — начальство загадочно умалчивало, но даже само это умолчание располагало дядюшку в пользу неболтливого гостя. За чаем Егор Никитич дошел до такой откровенности, что сообщил тетке, большой чаевнице, свой тщательно оберегаемый от посторонних рецепт заварки чая «по-монгольски». К счастью, выслушивать воспоминания о монгольском периоде его жизни Лере не пришлось — дочь соседки принесла билеты в кино.

- Я. думаю, обратную дорогу вы сами найдете, Егор Никитич!

Хозяева буквально остолбенели от бестактности племянницы. Но Егор Никитич, в продолжении всего вечера ни разу не посмотревший в сторону своей юной сотрудницы, и тут оказался на высоте. Похлопав дядю по коленке, он успокоил стариков: пусть бежит, кино — культурное развлечение молодежи!

После поездки в Подрезково Егор Никитич, кажется, оставил девушку в покое. А она, как только наступила жара, стала ездить после работы на водную станцию «Динамо». Тренер Шумов нашел у Леры хорошие физические данные, она непременно получит к концу сезона спортивный разряд по плаванию. Что ж, может, хоть в спорте она сумеет отличиться!

Вчера Шумов пригласил к себе в гости трех лучших пловчих с водной станции. Лера была польщена, попав в их число. Но самым удачным, несомненно, было то, что она познакомилась с Кириллом. Чем-то он походил на ее школьных друзей, на того скромного юношу, который заговорил с ней на улице. Только Кирилл лучше. К тому же поэт, шутка ли!

В комнату вливался бледный рассвет, виднее стали пятна на обоях, закопченный над батареями отопления потолок. Выгоревшие от солнца шторы были заштопаны в стольких местах, что рисунок узора нарушился. Круглые тени на диване обозначали торчащие, просиженные пружины.

Не очень-то богато живет семья Кирилла. Но даже это располагало Леру в его пользу. Где же он ночует сейчас, бедный?

3

Кирилл проснулся от грохота: где-то неподалеку на мостовую сбросили рельсы. Глаза слепило от яркого света, он испугался, что проспал. Но было начало седьмого; будить Леру рано.

Проходившая по бульвару женщина с авоськой прибавила шагу, когда из-за кустов поднялась фигура в мятом, облепленном травинками и мусором пиджаке. Удаляясь, она все оглядывалась на Кирилла. Хорошенький же у него вид, должно быть!

И все-таки здорово, что он поспал почти три часа. Совсем иначе себя чувствуешь, когда поспишь хоть немного.

На углу Кирилл задержался у газетной витрины. Снова ООН отказывается обсудить советское предложение о запрещении термоядерного оружия... На Сталинградской ГЭС вступил в строй еще один гидроагрегат... Футболисты «Спартака» выиграли у «Зенита»... Утренние сообщения газет прогнали остатки сна.

Медленным шагом он обошел квартал. Шипящий веник машины для поливки улиц гнал бумажки и мусор с середины мостовой к водостокам. В переулке дворники заканчивали уборку. Пожалуй, время...

В коридоре он столкнулся с Варей, она шла с кофейником на кухню. При виде брата девушка удивилась:

— Ты? Где ты был? И почему у тебя на плече окурок?

— Тш-ш! — Посмотрев через плечо, Кирилл щелчком сбил окурок. — Мама встала?

— Давно. А кто же вышел из твоей комнаты четверть часа назад?

— Четверть часа назад! — Он не смог скрыть своего огорчения. Лера ушла, пока он бродил по улицам, не решаясь ее будить.

Варя скрылась на кухне. Вынув из замочной скважины не замеченную сестрой записку, в которой он просил домашних не будить его, Кирилл отпер английским ключом дверь своей комнаты. Постельное белье аккуратной кучкой сложено на диване. Посреди письменного стола белеет клочок бумажки, незнакомым размашистым почерком написано: «Спасибо за гостеприимство. Удрала по росе. Л.». И все! Ни адреса, ни телефона, ни слова о том, когда и, главное, где они встретятся снова.

Как удивительно, что Лера ходила по этому полу, спала на его диване!.. Он осмотрел свою комнату и всю обстановку с пристальным вниманием, как что-то новое, незнакомое.

— Так кто же все-таки у тебя ночевал? — повторила Варя, входя за ним; кофейника в ее руках уже не было.

— Тш-ш! Мы вчера задержались у Лешки Шумова, пришлось приютить одного товарища. Ему было далеко ехать домой.

— Ему? А может быть, ей?

Кирилл подозрительно посмотрел на сестру.

— Ты ее видела?

— Значит, все-таки женщина!

Поняв, что проговорился, он улыбнулся.

— Девушка, Варвар. Чудесная девушка!

— Представляю себе! Ночует у мужчины. Впрочем, какой ты мужчина? Мальчишка!

Кирилла задела ее слова, но не время было ссориться.

— Пожалуйста, поставь утюг, Варюша!

— Пусть твои пиджаки утюжит твой «товарищ».

Варя поворчала еще немного, но кончилось тем, что унесла костюм брата на кухню.

Поеживаясь под холодными струями душа, Кирилл побряхтывал от удовольствия.

Антонина Ивановна Малышева, подтянутая и очень моложавая в свои пятьдесят с небольшим лет, за чаем спросила сына, почему он не предупредил ее, что не будет ночевать дома. Она ждала его, не спала чуть не до рассвета.

— Прости, мама, я не знал, что мы задержимся у Лешки и что я заночую у него. — Он метнул взгляд в сторону Вари, призывая ее к молчанию.

— Но ты хоть выспался?

— Досплю на работе.

Мать поморщилась: она не любила таких шуток.

— Знаешь, мама, о чем я давно думаю: надо нам понемножку обставляться. В моей комнате, например, шторы и диван — никуда.

Варя подозрительно закашлялась, мать не заметила ничего.

— Ты прав, сынок, давно пора. Диван еще при папе был куплен, сосчитай сам, сколько лет прошло!

— Ты спроси, мама, для чего ему новый диван понадобился? — не выдержала Варя. —

До сих пор спал — не жаловался.

Кирилл чуть не поперхнулся горячим кофе.

— Ты хочешь сказать, что Кирюша когда-нибудь приведет жену в дом?.. Ну что ж, я буду рада, если он найдет девушку по сердцу. — Она улыбнулась сыну. — Полагаю только, что до того ты построишь не один дом и получишь новую квартиру.

— И получу. А Варька со своим языком останется в старой.

— При чем тут мой язык?.. А пока не получил — помни: маленькая комната не только твоя...

Не давало ей покоя то, что по праву старшего Кирилл после смерти отца занял его комнату. Когда брат не бывает дома, Варя может принимать в этой комнате своих друзей. Но что будет, если он женится?..

— И ты не забывай: не век я буду стеснять вас... — начала мать, но тут уж брат с сестрой заговорили разом. Кто, собственно, выдумал, что Кирилл женится?.. И Варя не думает век жить в Москве.

Антонина Ивановна беспокойно посмотрела на часы.

— Пора, сынок! И наш с Варей рабочий день начинается.

— Надеюсь, не шитье? — Поднявшийся из-за стола Кирилл подозрительно смотрел то на мать, то на сестру.

— А на диван кто заработает? — невинно спросила Варя.

— Ладно тебе, заводная! У нас, Кирюша, свои дела, женские. — Мать положила в карман его куртки завтрак. — Не задерживайся после работы, у тебя невыспавшийся вид.

Поцеловав мать и погрозив сестре на прощание кулаком, он ушел. Варя принялась убирать со стола. Антонина Ивановна, подойдя к окну, помахала рукой сыну, спешившему к метро.

— Ну, дочка, можно снимать маскировку!

— А может быть, мама, действительно не надо больше шить?

Антонина Ивановна сняла с круглого столика в углу скатерть, покрывавшую швейную машинку, отодвинула стол от стены, перенесла репродуктор поближе к своему рабочему месту.

— Принятые заказы полагается сдавать, Варя. И разве мы не сговорились с тобой подарить новый костюм Кирюше?

— Чтобы он женился скорей, да?

— Положим, из-за нового костюма еще никто не женился! А когда ты достигнешь его лет, я и тебя приодену, как королевну, чтобы тебе не было стыдно перед своим женихом.

— Тю-ю! Мы с Таней решили никогда не выходить замуж! — заявила девушка со всей категоричностью своих шестнадцати лет. — Все мальчишки — ничтожества.

— А за мальчишек и не выходят замуж, девочка. Раньше они должны повзрослеть.

— Что покупать на обед, мама?

Всем своим видом девушка показывала, что не намерена поддерживать разговор.

Составив список покупок и строго наказав матери, что говорить, если будет звонить подруга, Варя ушла.

Антонина Ивановна не очень-то верила, что Кирилл может скоро жениться, но самая эта мысль не пугала ее. Сын доставил ей немало тревог и забот в жизни, но теперь, когда он приобрел специальность и начал работать на верном месте, она не стала бы возражать, если б он привел жену в дом. Лучше, конечно, если он раньше закончит образование. Но разве

нельзя молодым жить и учиться вместе?

Громко играет радио над головой, зубчатая лапка швейной машинки выталкивает бесконечный шов, и такой же нескончаемой вереницей разматывается перед ней ее жизнь. Антонина Ивановна видит себя девочкой, маленькой батрачкой: вылинявшее ситцевое платье, кровавые цыпки на ногах. Поздней осенью у нее пропал телок, и хозяин, один из богатейших мужиков села, выгнал ее в ночь на поиски. За темными деревьями корчат рожи лешие, она вздрагивает, когда под ногой потрескивает сучок, и кричит в ужасе, наступив на что-то холодное, скользкое, похожее на змею. Найдя телка, забившегося в заросли можжевельника, она, рыдая, обнимает его дрожащую, пахнущую молоком морду. И отогревает свои ледяные, ничего не чувствующие ноги испытанным пастушеским способом — помочившись на них.

Вспоминает Антонина Ивановна и белую снежную степь под Оренбургом, паровоз, вставший в пути без топлива, раненых красноармейцев в теплушках и себя — санитарку в белой косынке с крестом, в ватной куртке. По цепочке они передают на паровозный тендер тяжелые, обледеневшие поленья. Санитарный эшелон увозит из-под Орла, занятого Деникиным, красных бойцов... А сколько эшелонов с дровами, углем, мерзлой картошкой пришлось разгружать позднее на субботниках, когда она, поступив на швейную фабрику, стала заводилой в ячейке комсомола!

А чаще всего она видит Василия Петровича Малышева, своего мужа. Не того усталого, высушенного неизлечимой болезнью человека, каким он был последние годы жизни, и не сердитого и педантичного бухгалтера швейной фабрики, которому она, комсомольская активистка, приносила собранные профвзносы, а другого, помолодевшего, веселого Малышева. На берегу Оки, куда выехали на грузовиках в одно из летних воскресений работники фабрики, состоялось их объяснение. В этот день Малышев был в ударе, он декламировал стихи Некрасова и Кольцова, лихо, хотя и несколько старомодно, слишком далеко от себя держа свою даму, кружил ее в вальсе, даже затеял прыгать через костер наравне с молодежью.

Потом она потеряла Василия Петровича из виду и все высматривала его, а он, оказывается, следил за ней сквозь куст, возле которого прилег, чтобы отдышаться: сердце у него уже тогда пошаливало. Когда он позвал Тоню, она неизвестно почему обрадовалась, присела рядом на расстеленном им платочке. В лесу куковала кукушка, и он рассказал ей легенду о птице Вещун, предвещающей беду. Еще больше ее поразили рассказы Василия Петровича о том, как он служил матросом в Каспийской флотилии, как вместе с латышскими стрелками сбрасывал в море белогвардейцев. Бухгалтером он стал неожиданно для себя: после тяжелой контузии отставного моряка направили по партийной мобилизации учиться финансовому делу.

Рассказчик Василий Петрович был удивительный; о чем бы он ни говорил — нельзя было не заслушаться, живые картины так и вставали перед глазами. И не хотелось никуда идти, хотя ее звали знакомые парни. Было приятно доверие сурового Василия Петровича, который никогда ни перед кем еще не приоткрывал эту сторону своей жизни. В отблесках костра сияло медное лицо моряка, рыцаря революции... И никто не мог тогда понять, почему девушка, которой оказывали внимание столько людей: наладчики станков, мастера, кое-кто из администрации фабрики, полюбила немолодого бухгалтера. Он был отличным специалистом, скоро его выдвинули на ответственную работу в Наркомфин. И мужем он был хорошим, она счастливо прожила с ним жизнь, хотя и пришлось уйти с фабрики после

рождения второго ребенка, навсегда оставив мысли об учебе.

Он умер после тяжелой болезни в начале сорок первого года, перед самой войной. Вот когда она поняла, что значит остаться одной с малолетними ребятами на руках! Она вернулась на свою фабрику, где ее старые подруги работали мастерами и начальниками цехов, снова стала швеей: другого ремесла она не знала. Она шила белье для фронтовиков, дежурила после работы во Второй градской больнице, превращенной в госпиталь. На дежурство за ней частенько увязывалась Варя; раненые любили слушать, как девочка читает им вслух. А Кирюшка, заслышав сирену воздушной тревоги, лез без спроса на крышу охотиться за немецкими «зажигалками». Вынося с санитарями тяжелораненых в подвал госпиталя, Антонина Ивановна с опаской смотрела в ту сторону, где был ее дом, — нет ли пожара в их районе?

Пожалуй, с того времени, с первой трудной военной зимы, мальчик начал доставлять ей все больше забот. Не сразу она узнала, что Кирилл перестал ходить в школу, болтается на улице со своим дружкой, известным на весь Арбат забиякой Лешкой Шумовым. В декабрьские холода в доме лопнули трубы водяного отопления, их некому было починить: водопроводчика призвали в армию. И вот сын, взяв на себя заботу о топливе, таскал домой какие-то доски и сучья, фанерные ящики из-под папирос, обрывки старых афиш.

Однажды Кирилл приволок на себе целую дверь, и Варя плясала от радости: теперь будет чем топить железную печурку целую неделю. Но едва затопили, он первый сбежал из комнаты из-за ужасного зловония, которое вдруг поднялось: дверь была снята с чьей-то дворовой уборной.

Когда она вернулась в тот вечер с дежурства, в комнате стоял холод и нехороший дух. Она велела немедленно сколотить дверь и отнести ее обратно.

— Одну доску мы уже стопили, — возражал расстроенный мальчик. — И потом... Это ж в другом конце города, на Усачевке. Мы с Лешкой взмокли, пока приволокли дверь.

— Почему же твой распрекрасный Лешка не понес ее к себе?

— Он за отца аттестат получает. И мать в магазине работает.

Антонина Ивановна знала это. Но она знала также, что снимать двери с общественных построек не положено.

— Если ты не пойдешь, скажи мне адрес. Я сама отнесу...

Мальчик заплакал: он знал, мать сдержит слово. Разве не перекрасила она своими руками школьную доску, когда он в четвертом классе вместе с такими же озорниками, как и сам, изрезал ее ножом и мать вызвали в школу полюбоваться на «художества» сына?

Приспособив гладильную доску вместо той, что сгорела в печурке, Кирилл кое-как сколотил дверь.

А на другой день вся семья весело смеялась, слушая рассказ Кирилла, на которого набросились с кулаками разъяренные жильцы дома на Усачевке, когда он, сгибаясь в три погибели под тяжестью двери, показался во дворе. Смеясь вместе с детьми, Антонина Ивановна знала: они запомнят полученный урок.

В последний год войны Кирилл вместе со своим закадычным дружкой подрядился в домоуправлении сбрасывать снег с крыши. Она узнала об этом, лишь когда сын принес полмешка картошки, купленной им на заработанные деньги. Мальчики клеили пакеты для колхозников, привозивших на рынок продукты; на пакеты пошли конторские книги и бумаги, оставшиеся после Василия Петровича. И хотя сын, как умел, помогал матери, беспокойство не оставляло ее. А что, если он упадет с крыши? Или свяжется на рынке с

компанией спекулянтов?

После победы женщины снова захотели красиво одеваться. Приходя с фабрики, Антонина Ивановна стала шить на дому. Она очень уставала от этой двойной нагрузки. На «семейном совете» было решено: пусть мать попробует поработать швеей-надомницей, отпадут хоть ежедневные поездки на фабрику.

У Антонины Ивановны был вкус, она быстро набила руку, и заказов становилось все больше. Благосостояние семьи улучшилось. Одна беда: у нее все сильнее ныло правое плечо. Под кожей на руке выросла какая-то твердая шишка. Кирилл настоял на том, чтобы мать сходила в поликлинику.

— Опухоль незлокачественная, постепенно рассосется, — определил врач. — Нужно дать длительный отдых организму. Всему организму — не только руке! Сердце у вас изношено не по годам, матушка. И если рук у человека все же две, то сердце одно.

Антонина Ивановна не могла сразу покончить с шитьем, кормившим всю семью, и, отдохнув недельку, снова принялась за работу. Дети установили строгую очередь, кому когда крутить ручку машинки. Кирилл ворчал:

— Еще Маркс говорил: рабский труд непроеизводителен.

Мальчик смастерил самодельный электрический моторчик, включавшийся простым нажимом ножной педали. Теперь мать могла шить быстрее, но, значит, и заказов было больше. Разве откажешься от добавочных денег, когда в хозяйстве столько дыр?..

Подростки ребятам стало всерьез смущать то, что в двери соседей стучали незнакомые женщины: «Здесь живет портниха Малышева?» Во дворе Кирилла уже несколько раз называли: «портнихин сын».

Антонина Ивановна панически боялась фининспектора. А ну, как на нее наложат непосильный налог? Правда, она пенсионерка и жактовский активист, бесплатно руководит кружком кройки и шитья при домоуправлении. Половину заказов она берет на дом официально, из мастерской. Но ведь вторая половина, дающая основной заработок, нигде не учитывается. И этот мотор, урчащий весь день, — может, его следует зарегистрировать?

— Ничего не нужно регистрировать! — кипятился Кирилл. — Нужно бросать шитье — и точка!

— А что ты будешь есть, сынок?

— Если дело во мне, то на себя я сумею заработать.

И вскоре после этого разговора Кирилл принес домой триста рублей. Он заработал их вместе с Лешкой и другими молодыми пловцами, выступая в водяной пантомиме в цирке. В антракте между двумя отделениями с циркового манежа убрали опилки, снимали настил, открывая бетонное основание. В круглый глубиной около метра резервуар с углубленной средней частью пускали по широкому желобу воду, красиво подсвечивая ее разноцветными прожекторами. Непонятно, откуда появлялись вдруг пловцы в голубых резиновых шапочках, они плыли по кругу, поднимая каскады брызг, сходились к центру живой звездой и исчезали так же неожиданно, как появлялись. Можно было подумать, в бассейне невесть какая глубина, до того красиво и вольно они плыли!

Сын сводил ее и Варю в цирк, пантомима понравилась им. Мать трогало, что все заработанные деньги он приносит домой. Но пойдет ли на пользу неопытному юноше закулисная жизнь цирка, о которой столько всякого болтают!

По-настоящему испугалась она, когда однажды письмоносец принес на имя К. Малышева толстый пакет со штампом какой-то редакции. Так вот чем он занимается

вечерами вместо того, чтобы готовить уроки! Неужели сын пошел по пути отца?

Ей ли не помнить отсутствующий, какой-то чужой взгляд Василия Петровича, просиживавшего до рассвета за пишущей машинкой в своем прокуренном кабинетике!.. Эти ночные бдения и две пачки папирос «Дели», которые она выносила каждое утро в большой железной пепельнице в виде изжеванных окурков, эти толстые пакеты со штампами различных редакций, возвращавших запоздалому автору его рукописи, намного сократили его век.

Муж никогда не рассказывал ей, над чем он работает. Где ей понять смысл его философских и экономических сочинений, если редакторы не могли — или не хотели — их понять!..

Незадолго перед смертью Василий Петрович, высохший, небритый, страшный, поднялся ночью с постели и, растопив на кухне плиту, сжег все, над чем столько лет трудился. Уцелевшие листки Антонина Ивановна как-то показала подростку сыну.

— Похоже, отец вздумал открыть какой-то новый экономический закон. Бред в общем! — определил он с беспощадной прямоотой юности.

Давно нет отцовской пишущей машинки, ее продали в тяжелую минуту, но так же, как некогда Василий Петрович, сын сидит по ночам, не разгибаясь, и пишет до рассвета. А может быть, прав муж, не раз говоривший ей, что Кирилл — необычный ребенок, к нему нужен особый подход?..

В памятный день получения первого пакета на имя сына — позже их столько было! — она пришла с шитьем в комнату Кирилла. Юноша прикрыл рукой исписанный лист бумаги.

— Я не буду подсматривать, сынок. Я без очков и печатное-то с трудом разбираю, не то что писанное от руки... Тебе не помешает, если я поработаю здесь?

— Откровенно говоря, помешает.

И это было знакомо: точно теми же словами выпроваживал ее из комнаты покойный муж. Она присела на краешек дивана.

— Что это я хотела у тебя спросить?.. Да, вспомнила: утром тебе, Кирюша, принесли такой толстый-претолстый пакет из редакции. Это плохо, что он такой толстый?

— Что за глупости! — рассердился он. — При чем тут толщина?

— Не сердись, сынок, но когда я шью, у меня только руки заняты, а голова все думает, думает... Вот я и подумала: о чем же, интересно, может писать мой сын? Жизни ты еще не знаешь, дальше пионерского лагеря нигде не был. Твой отец и матросом плавал, и в революции участвовал, и свою профессию бухгалтера отлично знал, сталкивался по работе с десятками людей. И если бы он писал что-нибудь из своей жизни, как я ему не раз советовала, возможно, он добился бы успеха... О, если б он умел писать так, как рассказывал!..

— Вот, вот... Значит, мало иметь биографию, важнее — уметь писать. А как же научиться этому, если не будешь писать, писать и писать? Возможно, папа потому и не добился успеха, что слишком поздно начал.

В спорах Антонина Ивановна была не сильна, но за свои убеждения, подтвержденные всей ее жизнью, держалась цепко.

— Хорошо. Ты, сынок, начинаешь рано. Но разве не ты сам читал мне, сколько профессий переменял Максим Горький до того, как начал писать? Где он не побывал, кем только не работал! Или это... Жек... ну, американец, которого Варя любит?

— Джек Лондон.

— Да, да. Он весь мир объездил, ему было что порассказать.

— А вот в этом ты, мать, права, — согласился он. — Тут у меня действительно пробел.

Закончив десятый класс, Кирилл, вместо того чтобы готовиться в институт, укатил на юг вместе с Лешкой. Деньги на поездку друзья заработали установкой антенн для телевизоров.

Боясь за сына, мать выслала ему в Батуми двести рублей на обратную дорогу. Как приятно было прочесть приписку сына на вернувшемся обратно переводе: «Возвращаю за ненадобностью»! А ведь ему там нелегко пришлось! Кирилл вернулся худой, с волчьим аппетитом и множеством увлекательных рассказов. Застряв без денег в Батуми, друзья грузили ящики и мешки в торговом порту, носили чемоданы курортникам, пока не заработали на обратный проезд. И все же часть пути они ехали по одному билету, по очереди прячась на багажной полке от контролеров.

Антонина Ивановна ахала и ужасалась, слушая сына, а Варя успокаивала мать: если уж Кириллу суждено стать писателем, все это ему впоследствии пригодится. А пока что новоявленный «Джек Лондон», не взявший за лето ни одной книги в руки, провалился на экзаменах на филфак МГУ. Чтобы не болтаться год без дела, он нанялся штукатуром на стройку школы в своем районе.

— Никогда не думал, мама, что физический труд так тяжел, — сознался Кирилл как-то, придя с работы. — Следующее лето не буду валять дурака.

Но осенью его призвали в армию.

Первые месяцы воинской службы Кирилл тосковал по матери, по дому, по Москве. Ему все казалось, что старшина-сверхсрочник, грудь которого была увешана медалями, особенно придиричив к нему, столичному жителю. Сблизили их походы и учения, тридцатикилометровые пешие марши и маневры, где применялась такая техника, какую он и во сне не видывал.

Вернулся Кирилл каким-то другим, это все заметили: он возмужал, стал увереннее в себе, окреп физически. Поначалу он часами рассказывал о своей воинской службе, умолкая каждый раз, когда дело доходило до нового оружия. Кстати и некстати вспоминал присловья своего геройского старшины: теперь, на расстоянии, он испытывал нечто вроде нежности к нему. А главное, что вынес Кирилл из армии, — это жадное желание учиться, наверстать упущенное.

Без особого труда он выдержал экзамен на второй курс строительного техникума. На филфак Кирилла больше не тянуло: если ему суждено стать поэтом — он станет им и так. А преподавать литературу — не его удел. Вот когда нашла применение его склонность к технике, изобретательская жилка!

В техникуме у него появился новый друг, прочно занявший Лешкино место, — молчаливый, увлекающийся шахматами, начитанный Юра Власов. По вечерам они что-то вдвоем чертили и конструировали, переписывались с разными учреждениями. Кирилл пребывал все время в ожидании каких-то больших перемен в жизни. За проект оригинального аттракциона на конкурсе Центрального парка культуры и отдыха они получили поощрительную премию. Что ж, и у Антонины Ивановны в рабочей шкатулке хранятся грамоты и благодарности, полученные в свое время на фабрике.

— Но запомни, сынок: деньги — я имею в виду верные, трудовые деньги — придут, когда ты будешь при настоящем деле, — наставляла она. — Пока же тебе надо учиться.

В техникуме неожиданно расцвела пышным цветом литературная деятельность Кирилла: ни одна стенгазета, ни один вечер самодеятельности не обходились без него. Товарищи Кирилла, приходившие к нему домой, вслух называли его поэтом. А Антонина Ивановна, проводя свою «линию», твердила одно: если человек талантлив, его работа получает признание, его печатают, передают по радио. Однажды Кирилл, лукаво посматривая на часы, стал спрашивать мать, чьи стихи, к примеру, ей бы хотелось вот сейчас, в эту минуту, услышать по радио. Хитрец так ловко вел разговор, что она не могла не сказать:

— Твои, сынок!..

Он еще раз взглянул на часы и объявил торжественно:

— Исполняю твое желание, мама!

И в ту же минуту диктор объявил, что у микрофона выступит находящийся в студии начинающий поэт, студент строительного техникума Кирилл Малышев. Мать не могла понять, как это он находится в студии, если он стоит рядом, улыбающийся и счастливый (она еще не знала, что большинство передач записывают на пленку). Но она ясно расслышала фамилию «Малышев», сразу узнала знакомый, чуть хриловатый голос сына.

Как она жалела потом, что сын, желая «разыграть» ее, не предупредил заранее о часе передачи: можно было бы известить всех родных и знакомых. Впрочем, кое-кто слышал и так. Ее деревенские родичи прислали письмо с вопросом: не из наших ли Малышевых был поэт, выступавший такого-то числа по радио? А если из «наших» — пусть примет их поздравления и пожелания дальнейших успехов!

Но когда Антонина Ивановна, попросив Кирилла дать ей эти стихи, несколько раз прочла их вслух сама, спотыкаясь на сложных рифмах, они понравились ей меньше.

— Я знаю, что тебе нравится, — обиделся автор. — Некрасовская «Рубка леса», «Железная дорога» и прочая архаика.

— Не знаю, что это за слово, сынок, но мне а про того бойца, про Васю Теркина, нравится. Судья, конечно, я никакой, но разве мало — пронять человека до слез? Для этого надо чужое как свое пережить, тогда и другие сердца тебе отзовутся.

За брата вступилась Варя:

— Сейчас, мама, новые требования к поэзии. Новаторов никогда не признают сразу... Может, наш Кирилл — непризнанный гений, а мы его за картошкой гоняем?

— Я буду только рада, дочка, если ты освободишь брата от домашних забот. Но честный труд — на стройке ли, в цехе фабрики — никакому таланту не повредит. А закалить — может.

Крутя ручку швейной машинки, с которой Кирилл недавно снял мотор под предлогом ремонта, Антонина Ивановна в который уже раз задумалась: вот и на работу ее мальчик поступил и жалованье получает хорошее, а по ночам, таясь от матери, все пишет и пишет. Или это возрастное, женится — пройдет?

И что за девушку он сегодня привел, да еще в такое неурочное время? При случае она еще пожурит сына. При Варе не хотелось говорить на эту тему, да и он был так уверен, что мать ничего не знает. Какой скрытный стал — ни словом не обмолвился, что у него есть девушка. А ведь, наверное, давно знает ее, если привел к себе ночевать, а сам ушел к другу. Кажется, все-таки девушка совестливая: встала чуть свет и тихо, как мышка, прокралась по коридору к выходу, придержала пальцем английский замок, чтобы не щелкнул. А на улице — Антонина Ивановна видела это в окно — припустилась во всю прыть. Дома небось тоже

Контора треста помещалась на строительной площадке в одном из недавно законченных домов отдаленного района столицы.

В первый день своей работы Кирилл сошел на конечной остановке автобуса с невеселым чувством. Мать подняла его чуть свет, он приехал слишком рано: не только в конторе, но и на площадке не было никого.

Ночью лил дождь, в центре асфальт мостовых давно просох, а здешние дороги превратились в вязкий кисель.

Сначала Кирилл выбирал сухие места, но скоро его ботинки, с вечера до блеска начищенные Варей, были заляпаны грязью до завязок шнурков; теперь он шел, не разбирая дороги.

Картина стройки, раскинувшейся по обе стороны загородного шоссе, казалась на редкость неприглядной.

Строительная площадка еще недавно была полем, в одном месте котлованы прорезали мокрое жнивье. Справа на горизонте среди купы деревьев торчала водонапорная башня: там, судя по всему, была станция пригородной железной дороги, левее, сквозь мутную дымку, виднелись домики какой-то деревни, каменный коровник, сараи, крытые красной черепицей.

Как показалось Кириллу в первые минуты, на площадке царил полный хаос, механизмы были разбросаны где попало. Башенные краны бессильно опустили руки-тросы, словно пытались, но так и не смогли вытянуть что-то из земли.

К покосившейся от невзгод хибарке с разобранной крышей, стоявшей в глубине участка, задом пятился грузовик с шоссе. Старуха в белом платке вывела из-за хибары бурую коровенку, та упиралась, не желая подходить к машине.

— Кого ищете, товарищ? — окликнул Кирилла усатый вахтер, стоявший у табельной доски.

Строители в резиновых сапогах, девчата в брезентовых куртках, заляпанных известью, с треском вешали на гвозди жестяные кругляшки-табеля.

Кирилл ничего не ответил. Разве территория стройки огорожена? И где надписи, запрещающие здесь ходить?

Где-то застучали в железный рельс, завертелся барабан растворомешалки, подняв облачко пыли, медленно двинулся башенный кран, только что казавшийся мертвым; черное колесико на конце стрелы закрутилось, мелькая спицами, трос с крюком опустился в руки ожидавшего его такелажника. Стройплощадка не казалась больше пустынной и заброшенной.

Парень в голубой майке-безрукавке, забравшись на чердачное перекрытие хибарки, крушил ломом кирпичную трубу. Подсобницы в брезентовых рукавицах оттащивали к шоссе трухлявые доски и бревна. Раздался предостерегающий крик парня, и труба рухнула наземь, взметнув столб пыли.

Рабочие быстро нагрузили подъехавшую четырехтонку обломками камня, бревнами и мусором. Грузовик, наполненный выше бортов, тронулся с места.

- Стой!.. Стой, шофер!.. Стой! Кому говорят?!

Грузчики не успели закрыть задний борт машины, железный прут, свисавший из-под мусора, волочился по земле.

Шофер за шумом мотора не слышал криков, машина продолжала двигаться, а загнутый на конце крюком прут зацепился за что-то на земле. Прут натянулся, как стрела: видно, второй его конец прочно увяз в мусоре, наваленном в грузовик, и потащил за собой содержимое кузова. Вот на землю тяжело шлепнулся обрубок бревна, вокруг которого обмотался железный прут. Это бревно, став своеобразным совком, стащило за собой добрую половину мусора. Лишь тогда шофер затормозил.

— Ну и силища!.. Самосвал чертов... Нагружай теперь снова-здорово! — ворчали рабочие, подбирая мусор.

Что-то словно подтолкнуло Кирилла. А что, если подобный прут с бревном нарочно положить в кузов и, приехав на свалку мусора, зацепить за что-нибудь? Машина тронется, прут потянет за собой бревно — сгружать ничего не придется. Над этим, пожалуй, стоит подумать, ведь, кроме самосвалов, существуют и обычные грузовики.

Профессор Тарнаев-Тарловский, читавший в их техникуме курс строительной механики, не раз во всеуслышание отмечал «изобретательский склад ума» студента Малышева, добавляя тут же: «Но мало снести яичко — надо высидеть птичку!» Он-то и порекомендовал Кирилла в стройтрест, начавший широко применять на практике строительный поток. Поточный метод превращал площадку как бы в гигантский заводской цех под открытым небом, только с конвейера здесь сходили не станки, не машины, а целые дома. Но как не вяжется этот передовой метод с ручной погрузкой машин, с тем, что на площадке чуть ли не коровы пасутся!..

Идя обратно, Кирилл снова оказался перед табельной доской. Из дверей прорабской конторы вышел высокий худой старик в картузе с лакированным козырьком, треснувшим посередине; два стежка суровой нитки неплотно стягивали трещину. Складной желтый метр и большая, разбухшая от заметок записная книжка в клеенчатой обложке торчали из кармана его долгополого пиджака. Усач-вахтер что-то сказал ему, показывая глазами на Кирилла.

— Молодой человек, можно вас на минутку?

Требовательные интонации голоса, привыкшего, судя по всему, приказывать, заставили юношу подойти и достать из кармана свое назначение. Старик не спеша водрузил на костистый в фиолетовых прожилках нос очки в стальной оправе.

— «Направляется в распоряжение производственно-технического отдела... техник-практикант Малышев К.В.». Ишь ты, еж тебя ешь! — Полопавшиеся квадратиками сухие губы шевелились, пока он вполголоса, запинаясь, читал бумажку. Захватив ладонью нижнюю вислую губу, старик покачал головой. — Ня знаю, ня знаю, куда им столько людей — и эти-то зря народный хлеб едят! — И, вернув бумажку смущенному технику, похлопал себя по худой загорелой шее в черепаших складках. — Вот где у меня сидят эти схемы-графики, ясно? Ступайте, конечно, в контору, товарищам начальникам виднее, что к чяму!

Похоже было, он умышленно коверкает словечки, бравируя своим невежеством.

Но тут острый взгляд старика заметил проезжавшую вдали машину, без всякого перехода он закричал:

— Стой! Стой, еж тебя ешь!.. Куды я тебе, Востров, велел сгружать? А ты куды? — С неожиданной для его лет легкостью старик ринулся к машине, из кабины которой выглядывало испуганное лицо десятника.

— Кто это был? — спросил Малышев у вахтера.

— Который с вами говорил? Прораб наш главный — Василий Федотыч Драгин, — с готовностью объяснил вахтер.

— Главный прораб строительства? — изумился Кирилл.

— Главный не главный, а по соображению дела — главней его у нас нет. Орел мужчина! Я с ними на которой уже стройке вместе. — Он степенно погладил свои усы, считая, видно, немаловажным фактом своей биографии давнее сотрудничество с прорабом. — А трест будет во-он в тем красном корпусе. Где дорога повернет, и вы сворачивайте. Там еще большая лужа встретится...

...Начальник строительного треста Разин, к которому Кирилла направили из отдела кадров, был крупный мужчина в отлично сшитом костюме. Он пристально посмотрел на вошедшего, точно прожекторами осветил, зато протянутое ему назначение удостоил лишь беглого взгляда.

— Н-да, на месте министерства я бы направлял молодняк сразу на периферию.

— Но я... я ж не просил, меня к вам направили, — не очень внятно пробормотал Кирилл, смущенный таким приемом.

— Не просил? Ну и зря, у нас стройка не рядовая.

Новичок молчал, окончательно смешавшись. Начальник, кажется, понял, что обошелся с молодым человеком слишком круто. Он задал несколько вопросов: бывал ли Малышев на стройках? Каков состав его семьи? На этот раз ответы удовлетворили Разина.

Объяснив, почему трест вынесен на строительную площадку и какие задачи в связи с этим стоят перед отделом, в котором предстоит работать Кириллу, начальник подвел юношу к висевшему на стене генеральному плану застройки.

Часть квадратиков на гигантском листе ватмана густо покрыла тушь, это были законченные объекты. Пунктир изображал третью очередь строительства: Дворец культуры, зимний бассейн для плавания...

— Простите, а когда бассейн будет строиться?

— Когда дадим людям жилье. Кстати, как вы живете?

— С мамой, — не совсем впопад ответил Кирилл.

Начальник не заметил, а может быть, лишь сделал вид, что не заметил, как смешно ответил Кирилл. Немало людей пришло в трест лишь из-за жилплощади, объяснил он, а ее пока не хватает.

Разин начинал все больше нравиться юноше. Зато вызванный в кабинет главный инженер производственно-технического отдела Павел Иванович Зайцев, рыхловатый, с розовыми пухлыми щеками, в пенсне, которое он то и дело снимал, очень проигрывал рядом с почти величественным начальником треста. Здороваясь с Кириллом, инженер начал поспешно застегивать верхнюю пуговицу сорочки, подтянул без того тугий узел галстука.

-- Нашего полку прибыло, очень хоррошо, оч-чень! — повторил он несколько раз, как-то нараспев, с раскатцем выговаривая эти слова, — Теперь мы повоюем с Драгиным.

Но вид у него был далеко не воинственный.

— Меньше сидите в комнате, товарищ Малышев, больше бывайте на площадке! — напутствовал Разин новичка.

Кириллу понравилось, что начальник запомнил его фамилию.

В дверях небольшой, тесно заставленной столами комнаты главный инженер представил Кирилла Малышева сотрудникам.

Сидевший у окна за столом, заваленным чертежами и книгами, красавец с идеальным пробором в черных волосах дружелюбно кивнул новичку; указательным пальцем левой руки он продолжал придерживать нужную строчку в «Справочнике строителя». Явно молодящаяся рыжеволосая особа, оторвавшись от чертежа, вскинула на вошедшего зеленый целлулоидный козырек, придававший ей весьма эксцентричный вид. Юная круглолицая копировщица быстро, исподлобья взглянула на Кирилла, почему-то смутилась и принялась быстро водить рейсфедером по кальке. Лишь высокий мужчина в черном костюме и галстук бабочкой продолжал мрачно взирать на чертежную доску, укрепленную в вертикальном положении; он один, казалось, не видел и не слышал ничего.

Оставив юношу на пороге, Павел Иванович умчался, засучивая на ходу рукава сорочки.

— Граждане, знаете, куда умчался наш Павлуша? — весело объявил черноволосый красавец. — За рабсилой для переноски стола товарищу. Но раздобыть рабсилу Павлуше не под силу! — почти пропел он.

Целлулоидный козырек метнулся в его сторону.

— Виктор Алексеевич, попомните мое слово: поплатитесь вы когда-нибудь за свой язычок! — Козырек нацелился на Кирилла, все еще стоявшего в дверях. — Присаживайтесь, пожалуйста! И не обращайтесь внимания на наших мужчин: они просто невежи. Конечно, острить легче, чем принести стол...

Мрачный мужчина оторвал взгляд от чертежной доски.

— Я отказываюсь работать в таких условиях, — произнес он каким-то скрипучим голосом. — Второй день не могу распутать ответственный узел из-за вашей трескотни, Наденька... Лучше занимались бы чертежом, его нужно было сдать еще вчера.

Чертежнице не понравилось замечание, сделанное при новичке, на щеках ее проступили красные пятна.

— Не учите меня жить, Петр Александрович! Вы пока еще не мой начальник и вряд ли им когда-либо будете, да! А если бы вы были настоящим мужчиной, — последнее слово она особенно выделила, — вы бы помогли принести стол для товарища.

Присевший было Кирилл поднялся в большом смущении: он с опозданием понял, из-за чего разгорелся весь сыр-бор.

— Простите, я сам принесу... А где взять стол?

— Сегодня вы пока еще на положении гостя! — любезно промолвил черноволосый инженер, вставая. — Идемте, Шитиков, докажем столь несложным способом, что мы мужчины.

Он еще раз категорически отверг услуги Кирилла, а проходя мимо полной копировщицы, сложил пальцы пистолетом и прицелился языком, словно выстрелил; девушка вздрогнула и смутилась. Он, видно, был большой шутник, этот Виктор Алексеевич!

Едва дверь за мужчинами закрылась, словоохотливая Наденька объяснила новичку, что Петр Александрович Шитиков — точно такой же чертежник, как она, и зарплату получает такую же, поэтому он не имеет никакого морального права делать ей замечания, что Виктор Алексеевич Одинцов — очень милый человек и хороший инженер, но его шуточки и работа над диссертацией в служебное время не доведут до добра.

Кирилл, вероятно, услышал бы еще немало интересного, если б от сильного удара ноги Одинцова дверь не распахнулась. Молодой человек бросился помогать нести стол.

— Лучшее место в комнате — промеж двух роз! — объявил Одинцов, когда новичка устроили между Наденькой и Людой.

Вернувшийся Павел Иванович казался сконфуженным: не решившись беспокоить сотрудников, он тем более не осмелился снять с работы грузчиков, которые были в подчинении Драгина. Как он обрадовался, видя, что все улажено!

— Гениально! Это вы придумали, Виктор Алексеевич?

— Коллективная мысль, — скромно объяснил тот.

— Оч-чень хоррошо! Оч-чень!

Зайцев еще долго не мог успокоиться и то принимался славить инициативу своих сотрудников, то, пощелкивая пальцами по фанерной крышке, восхищался какими-то будто бы необыкновенными качествами стола, доставшегося технику. «Смешной чудак!» — подумал о нем молодой человек. Но когда Кирилл, вспомнив свое столкновение с прорабом, решил поиронизировать над стариком, Павел Иванович насупил белесые брови.

— Драгин не простой орешек, его не сразу раскусишь, верьте слову. Полагаю, вы, Кирилл Васильевич, так же как и я в свое время, еще измените суждение о старике. Дай бог нам с вами вместе построить за свою жизнь столько, сколько он поставил зданий в одной матушке Москве. Да что мы — наш, как выясняется, общий учитель, почтеннейший Тарнаев-Тарловский, почитал большой удачей для себя, что студентом работал у Драгина на строительстве Казанского вокзала. Так-то, батенька!

Чуткий Павел Иванович заметил смущение Кирилла.

— Сие не значит, друг мой, что нам с вами не придется воевать с Драгиным. Придется, и не единожды. Старик пришел сюда первым и успел-таки наломать дров. Но все поправимо, Кирилл Васильевич, все будет хоррошо! — Во время разговора он пытался согнать со своего стула жирного кота, появившегося неизвестно откуда, но тот, считая, что с ним играют, лишь отмахивался лапкой от логарифмической линейки. Вдруг Зайцев шлепнул себя по лбу — Мне ж к двенадцати ноль-ноль треба сдать заявку на механизмы!.. Попаситесь, голубчик, по объектам вашей будущей деятельности, пока я буду заниматься этой скучной материей. В столовой встретимся!

Инженер Одинцов подмигнул новичку: идемте вместе, веселей будет. Но Кирилл не решился утруждать его.

— Осмотр советую начать с объекта «7—9», он больше всего интересует нас на сегодняшний день. Найдете его вот по этой деревянной лачуге в южном углу участка. — Зайцев ткнул линейкой в точку на генеральном плане, который у него так же, как у начальника треста, висел на стене позади рабочего стола. — Никак не могут снести сию халупу, — добавил он сокрушенно.

— При мне последнюю стену обвалили, — сказал Кирилл. — Я сам видел.

Выходя из комнаты, Кирилл отметил про себя, что главный инженер, так и не согнав кота, пристроился рядом с выгнувшим спину животным на краешке стула. И этот добряк думает воевать с Драгиным?.. А что за странный коллектив он набрал! Лишь насмешливый красавец Одинцов, казавшийся здесь каким-то инородным телом, с первой минуты понравился Кириллу.

Похоже, никто из сотрудников отдела не бывает на площадке, если он, едва появившись на стройке, успел сообщить им свежую новость. Странно, очень странно!

Ветер разогнал тучи, под лучами солнца строительная площадка не казалась такой мрачной и неприглядной, как утром. И сейчас людей почти не было видно, лишь на кирпичной кладке, поднявшейся в одном месте со дна котлована, чернели фигурки каменщиков.

Словно высоченный стальной аист, башенный кран схватил цепким клювом контейнер с кирпичом, похожий на красную рыбку. Барабан растворомешалки, вращаясь, наклонился, и в железный бункер вывалилось рыхлое сероватое месиво. Над кучей грунта взмыла стрела экскаватора, отполированная до блеска металлическая ладонь разжалась, высыпав землю в кузов самосвала.

Грузовик с лесом пятился к зданию конторы — туда, куда указывал складным метром вездесущий Драгин, стоявший на подножке машины. Заднее колесо попало в глубокую выбоину, грузовик забуксовал на месте, разбрызгивая жидкую грязь.

Застрявшая машина преградила дорогу самосвалу, ехавшему к экскаватору. Это место нельзя было никак объехать: кучи мусора и досок, оставшихся после разборки старой лачуги, загородили проезд. Шофер самосвала нетерпеливо сигналил, Драгин ругал водителя грузовика, сердитый экскаваторщик, задержав в воздухе наполненный ковш, кому-то грозил кулаком из кабины.

Кирилл обошел грузовик стороной: он не хотел встречаться со стариком. Поздновато ругается Драгин, нужно было раньше подумать о кольцевом движении машин и дорогах.

Дважды побывал Кирилл на стройках во время студенческой практики (первую, впрочем, можно не считать, они с Юркой Власовым больше прозагорали на соседнем озере, чем работали; практикантами там никто не интересовался). Но никогда еще он не заставлял начальных, самых хлопотных и бестолковых на стройке дней, не видел этого хаоса первоздания, когда свежестроенный котлован упирается в фундамент старого дома, из которого еще не переселили жильцов, когда растворный узел приходится временно помещать в свободный угол площадки... Шум, суета, неразбериха! И горластый старик, чувствующий себя во всем этом как рыба в воде!

Нет, здесь и не пахнет организацией работы, той стройной и точной наукой, которую они изучали в техникуме. Чем же занимается отдел Зайцева, если на площадке такая бестолковщина? И кто сможет навести тут когда-либо порядок?

К застрявшей машине спешил бульдозер, задрав стальной нож отвала. В кабине устроился Драгин, он показывал бульдозеристу, с какой стороны подталкивать грузовик. Да разве дело старшего прораба заниматься этим!

Из застекленной будки башенного крана, мимо которого он проходил, выглянула кудрявая крановщица. Вот откуда хорошо видна стройка: будка примерно на высоте пятого этажа.

— Техника безопасности? — спросила крановщица, едва Кирилл поднялся вверх по узкой железной лесенке.

— Нет. Производственно-технический отдел.

— Слава богу! Замучил меня ваш инженер по безопасности работ: почему да отчего не выставлены предупредительные надписи под краном? Сама я, что ли, буду сочинять их?..

Снизу крикнули «давай», и крановщица, забыв о Кирилле, взялась за рукоятки управления. Сквозь застекленный пол кабины было видно, как натянулся трос, как железная коробочка бункера с раствором вздрогнула, качнулась и поплыла за краном.

До водонапорной башни и рошчицы на горизонте, сверху казалось, не так уж далеко, за

семилетку строители пройдут это расстояние. На зеленом бугре, где коза щиплет блеклую травку, поднимется Дворец культуры, за ним — Кирилл не мог определить точно, где именно, — блеснет стеклянный купол бассейна.

Вспомнив о бассейне, он вздохнул. Прошлым летом Кирилл не пропустил ни одного соревнования на водной станции «Динамо», да и сам поплавал на славу. Не так, как Лешка, но тоже неплохо. Увы, это лето для тренировок, видно, потеряно!

Башенный кран, захватив пустой бункер, двинулся по рельсам в обратный путь. За это время бульдозерист успел вытащить застрявший грузовик и, опустив нож отвала к земле, сгребал мусор. Драгин распорядился рабочими, замащивавшими бетонными плитами злополучную выбоину. Хоть и не его дело заниматься такими мелочами — энергии у старика хоть отбавляй.

— Смотри, Василий Егоров, чтобы после обеда проводка к четвертому крану была! — крикнул прораб электрику, цеплявшему к ногам железные «кошки». — А то, еж тебя ешь, кладку сорвешь!

Через минуту его голос слышался уже с дальнего конца участка. Кирилл стал спускаться по лесенке. Крановщица, поправлявшая свои кудряшки перед зеркальцем, зажатым между рукоятками управления, пригласила его заходить еще.

Снова где-то били в чугунный рельс: обеденный перерыв. Половина рабочего дня прошла незаметно, Кирилл не успел проголодаться. Бутерброды оттягивали карман куртки, но слова Павла Ивановича о встрече в столовой, возможно, следует считать приглашением. Придется пойти на непредвиденный расход.

За едой никто не говорил о делах, такой уж, видно, здесь порядок. Павел Иванович, явно наговаривая на себя, рассказал, как в бытность свою студентом обманывал вместе с однокурсниками строгого Тарнаева-Тарловского, вторично сдавая тому чужой, получивший уже оценку чертеж. Для этого обрезалась старая рамка, в углу которой профессор не ленился собственноручно пробить шлямбуром отверстие, затем вычерчивалась новая рамка, поуже. Случалось и так, что ловкач, сдававший чужую работу, получал за нее более высокую оценку, нежели автор, потративший на чертеж не одну бессонную ночь.

Одинцов поделился позднейшим, более совершенным опытом сдачи зачетов. Слушая Виктора Алексеевича, Кирилл любовался его лицом — точеным носом, красивым, хотя и несколько женственным, ртом, глазами редкого, коричневого, почти шоколадного цвета. Да ведь он писанный красавец, этот Одинцов! А как ловко управляют с ножом его маленькие холеные руки! Даже хлеб он ломает как-то необычайно изящно.

Лишь Петр Александрович Шитиков не принимал участия в легкомысленном разговоре. Аккуратно, не спеша, как и все, что он делал, чертежник терпеливо расчленял куриную шейку по суставам и обсасывал косточку за косточкой.

То к одному, то к другому столику подсаживался коренастый человек с обожженным загаром, продубленным дождем и ветрами лицом кадрового строителя. Синяя рубашка-косоворотка выгорела на его груди правильным треугольником там, где ее было видно из-под грубошерстного, давно потерявшего от солнца свой первоначальный цвет пиджака. Подошел черед и до их стола.

— Когда ждать от вас статью, товарищ Зайцев?

— Теперь всенепременно напишу, товарищ Жильцов, поскольку у меня подмога появилась. — Павел Иванович представил своего нового сотрудника председателю стройкома, временно исполнявшему также обязанности редактора многотиражной газеты.

— А вы о чем напишете нам, товарищ Малышев? — деловито осведомился Жильцов, внося фамилию Кирилла в блокнот с надписью «Делегату Всесоюзного съезда строителей».

— Но я ж первый день... Только осматриваюсь.

— На свежий глаз многое лучше видно. Напишите, с какими мыслями приступаете к работе. Вы комсомолец? — Услышав утвердительный ответ, он сделал пометку в блокноте. — Тем более.

— Ты, Жильцов, попроси молодого человека в стихах написать! — неожиданно подал реплику Драгин, севший за соседний столик. — Я полагаю, поэт он.

Из-за длинного стола, за которым сидели Наденька и Люда с целым выводком девиц из копировального бюро, раздался смех: слова старика слышали все. Наденька хихикала громче других, хотя ей-то надлежало бы защищать своего коллегу.

— Чего смеетесь, сороки? — накинулся на хохотушек старый прораб. — Драгин знает, что говорит. — Подойдя к столу Зайцева, он аккуратно вытер рот платком. — Давеча они вот, — он деликатно кивнул в сторону сконфуженного новичка, — на башенный кран лазили, окрестность озирали, а когда спускались, шептали что-то про себя. Поэтическую натуру я за сто верст вижу, меня не оманешь, нет! — И он хитро подмигнул Кириллу.

Павел Иванович ерзал на стуле, не зная, чем пособить своему сотруднику, не ссорясь в то же время со своенравным прорабом, который мог и не такое коленце выкинуть. Чертежник Шитиков, отставив тарелку с яблочным муссом, скрестил руки на груди. «Ну, знаете ли, это уж слишком!» — говорил его немигающий мрачный взгляд, устремленный на старика.

А прораб уже забыл о Кирилле, он высунулся в окно.

— Я тебе, Востров, куды велел нитку тянуть? А ты, еж тебя ешь, куды уклонился?..

Обедающие проводили Драгина улыбками, когда он, нахлобучив на голову свой выдавший виды картуз, ринулся к двери.

— Вот кого не мешало бы продернуть в газете! — Жильцов записал что-то в блокноте. — Производственник хороший, а по части культуры — какой пример рабочим? Плохой пример.

По дороге из столовой Павел Иванович сказал:

— А Драгин уже отметил вас, Кирилл Васильевич, это добрый знак, оч-чень добрый! Только с чего это он, чудак человек, взял, что вы стихи пишете?

— А по-моему, старик в точку попал! — вмешался в разговор Одинцов. — Ну, сознайтесь, Малышев, пишете?

— Когда-то писал, — ответил молодой человек уклончиво. Он раздумывал над тем, как вести себя в дальнейшем с Драгиным. Старик, черт бы его побрал, совсем не так прост, как это могло показаться на первый взгляд!

Дома Кирилл дал развернутый отчет о первом дне работы.

— Твой начальник мне нравится, а этот противный старик просто хам! — заявила Варя. — Нет, граждане, что касается меня, то я в гуманитарный, и только в гуманитарный!

Она перешла в десятый класс и до сих пор колебалась в выборе высшего учебного заведения (колебания эти самым непосредственным образом были связаны с переменами в решениях ее лучшей подруги Тани).

— А я, пожалуй, согласна с твоим главным инженером, сынок: старик неспроста тобой заинтересовался, ты ему по душе. А что касается его грубости... Ох, дети, дети, когда вы уже поймете, что в мое время...

— ...простому человеку нелегко было получить образование! — дуэтом подсказали Варя и Кирилл.

— Выучила на свою голову умников. Ты, сынок, еще изменишь свое мнение об этом «грубияне», попомни мое слово.

Мать и на этот раз оказалась права: скоро он изменил мнение о прорабе, а впоследствии и сдружился с ним. Вот и сегодня, спустя месяц после прихода в трест, он, сойдя с автобуса, еще издали высматривал на площадке костлявую фигуру Драгина. Без этой фигуры, как без кранов, с их постоянно голосующими руками-стрелами, картина строительства казалась неполной.

Зоркий глаз старика разглядел его раньше.

— Влюбился, што ль, молодой человек?

Захваченный врасплох, Кирилл обернулся: на штабеле бетонных плит, мимо которого он проскочил, стоял Драгин. Прикладывая складной метр то к одной, то к другой детали, прораб делал пометки в записной книжке. Кирилл взобрался к нему.

— Здравствуйте, Василий Федотович! Почему вы решили, что я влюбился?

— И слепому видать: шагает, в небо глядя, и светится весь, как пятак медный. А графики твои летят...

Оказалось, под угрозой срыва график каменной кладки: вовремя не завезли балконные плиты. Прораб подбирал замену из деталей, имевшихся на площадке. Но позже может не хватить деталей, пошедших на замену балконных плит, а значит, график снова сорвется. Хорошее настроение у Кирилла начало гаснуть. Пообещав поддержку отдела — это вызвало лишь кислую гримасу Драгина, он зашагал к себе.

Проект организации строительно-монтажных работ, которым занимался отдел Кирилла, должен был помочь производственникам, увязавшим в повседневной текучке, увидеть свои задачи как бы в перспективе, в развитии. По проекту стройматериалы и детали сборных конструкций следовало доставлять в нужное место именно тогда, когда они должны были идти в дело, не раньше и не позже. По проекту механизмы, освобождавшиеся на одном объекте, тут же передавались на другой, где в это время в них была наибольшая нужда. Все учли и рассчитали проектировщики, подкрепив свои соображения точнейшими календарными графиками, показывавшими потребность стройки в рабочей силе, механизмах и материалах чуть ли не по часам. Отныне в работе не должно быть задержек!

А случайности вроде той, с которой только что столкнулся Кирилл, подстерегали производство на каждом шагу. В отделе уже привыкли к нарушениям проекта, стали считать их неизбежным злом. Сколько труда, сколько инженерной выдумки и таланта было вложено в планы и графики тем же Одинцовым! Однако автор «недрожжащей рукой», как он сам объявлял, вносил по утрам коррективы на большой ватман, висящий на стене: красный цвет — выполнение плана, синий — отставание. Виктор Алексеевич приговаривал, словно в утешение себе:

- Художник фиксирует натуру, а не изменяет ее!

Шитиков, морщась, точно у него болели зубы, смотрел, как вычерченные им стройные линии потоков превращаются в безобразные зигзаги и пики.

Подобная «корректировка» плана была лишь запоздалой констатацией фактов. Вместо того чтобы при первом же нарушении графиков бить тревогу, активно вмешиваясь в ход производственного процесса, работники отдела умывали руки. Павел Иванович хоть верил, что, изучив все нарушения и неполадки, с которыми пришлось столкнуться сегодня, удастся вывести их закономерность и избежать повторения назавтра. А Одинцов ни во что уже не верил.

Когда огорченный Кирилл рассказал главному инженеру о разговоре с Драгиным, Павел Иванович умоляюще сложил руки.

— Кирилл Васильевич, вы теперь свой человек на площадке, разберитесь, пожалуйста, сами. Меня другое заботит.

Увлекающийся и восторженный, он ушел с головой в разработку нового, «самого совершенного», что он усиленно подчеркивал, проекта организации работ на очередном объекте. Здесь он уже не позволит никому своевольничать — ни Драгину, ни «субчикам-подрядчикам»! Здесь до начала строительства будут не только выложены канализационные колодцы и проведены асфальтированные дороги, но и высажены цветы, да, да! В цветочную клумбу никто уж не сбросит кирпич, по ней не проедет машина! А уж как благодарны будут строителям новоселы! Въехали в дом, а под окнами вместо привычных куч строительного мусора зеленеет лужайка, в рамы стучат ветки яблони.

— Протянул руку — сорвал яблочко. И в магазин ходить не надо! — в тон своему начальнику, хотя и не без доли ехидства, вторил Одинцов. — А строительство еще на полгода задержится.

— Отнюдь. Подъем культуры производства неизбежно приведет к подъему производительности труда.

Собравшись покурить, Одинцов сделал знак Кириллу. Молодой человек вышел следом в коридор, он полагал, что речь пойдет о графике кладки. Уже не раз подобным образом инженер, щадя самолюбие новичка, инструктировал его, как лучше поступить в том или другом случае.

— Поздравляю вас, Малышев!

— С чем, Виктор Алексеевич? — не понял Кирилл. — С плитами вылезем — в другом месте график поломается.

— А, бросьте вы ломать голову из-за чепухи, и без вас все устроится!.. Так не догадываетесь, с чем поздравляю? — Одинцов дружески похлопал его по плечу. — У вас есть вкус, Малышев, а это поважнее разных там графиков. Сознаться, с кем это вы вчера гуляли так поздно по Садовому кольцу?

Элегантный, всегда немножко недостижимый для юноши, инженер впервые говорил с ним о таких вещах, и, признаться, его мнение было вовсе не безразлично Кириллу. Но не так уж он прост и наивен, чтобы посвящать кого бы то ни было в свои сердечные дела!

— Это была одна... одна моя знакомая!

— Bravo! Но об этом я и сам сразу догадался. Не красавица, нет, но мила, чертовски мила! Кстати, она не снималась в фильме «Весенний поток» или что-то в этом роде?

— Нет, нет. Она не артистка.

— И слава богу! Мне с этими восходящими звездочками приходилось встречаться. Не успеет взойти — и уже погасла. — Одинцов погасил сигарету о подошву своего остроного ботинка. — Вы растете в моих глазах, Малышев!

Красавец инженер пользовался успехом у женщин, не раз в течение дня женские голоса

вызывали его к телефону, вгоняя в краску бедную Люду: влюбленная девушка и не пыталась скрывать свои чувства. Всезнающая Наденька рассказала Кириллу «по секрету», что жена самого Павла Ивановича млеет, разговаривая с Одинцовым. Но к своим успехам он относился безразлично. «Женщины потом!» — был его любимый девиз. Нужно еще столького добиться в жизни — настоящего положения, ученого звания, квартиры в новом доме... Просто удивительно, что избалованный всеобщим поклонением Одинцов заметил Леру.

Кирилл заулыбался, вспомнив, как нес на руках девушку к своему дому. Быть может, когда-нибудь он еще опишет ночные улицы, по которым бредут двое, набережную с луной на башенном кране, рассвет в Москве... Неясные, радужные мечты!..

* * *

Кирилл легко взбежал по бетонным лестничным маршам на третий этаж строящегося корпуса; стены его выкладывала бригада Петрухина. На высоте дул свежий ветерок, приятно холодя лицо.

Приятно смотреть, как работают петрухинцы! Взяв левой рукой кирпич, положенный перед ним девушкой-подсобницей, бригадир, не глядя, опускал его на жидкую подушку, придавливая так, что серая колбаска лишнего раствора заполняла вертикальный шов кладки. Стальным мастерком, сверкающим в правой руке, он проделал сразу несколько операций: разровнял постель для очередного кирпича, выковырнув по пути какую-то щепочку, обратным движением лопаточки срезал лишний раствор, по пути пристукнул деревянной ручкой крайний кирпич, ровняя ряд. Казалось, этим мастерком он может поправить прижатую ветром к глазам прядь волос, сбить пепел с папиросы, вынуть соринку из глаза...

Ряд был закончен, и все началось сначала. Кирилл, не решавшийся отрывать бригадира от работы, отошел в сторону.

Погасшая папироска влипла в угол петрухинского рта, жесткого, казавшегося сердитым из-за резких, как швы в кладке, морщин.

Бригадир выкладывал самый ответственный внешний ряд облицовки, так называемое «лицо» фасада. Стараясь не отстать от Петрухина, шел другой каменщик, тоже опытный мастер, клавший следующий ряд. Два совсем молодых каменщика, еще не снявших синие форменные рубашки ремесленного училища, выкладывали внутренние ряды семищелевым кирпичом; эти сквозные узкие щели уменьшали вес кирпича и обеспечивали теплоизоляцию стены.

Петрухин, закончив ряд, снова оказался у края металлических подмостей. Кладка доставала уже до его груди.

— А ну, орлы, живо леса растить! — скомандовал он.

Молодые каменщики сбросили на перекрытие дощатый, густо заляпанный засохшим раствором настил и начали разбирать металлические стойки лесов. Бригадир зажег папиросу и, выдернув из щели в кладке бившийся на ветру красный вымпел, укрепил его повыше. Флажок с вышитой золотом надписью «Лучшей бригаде» переходил за каменщиками с объекта на объект, поднимался вместе с ними с этажа на этаж, устремляясь в синее небо.

Лишь тут Петрухин заметил техника. Узнав, что интересуется Кирилла, бригадир помрачнел.

— Мне плиты балконные нужны, а не ваши графики. — Он хотел сказать еще что-то, но громкое чертыхание паренька, возившегося с крайней стойкой, привлекло внимание бригадира.

Стойки подмостей были сделаны из труб; тонкая вдвигалась в более толстую. Когда приходило время наращивать леса, тонкую трубу выдвигали, затем специальным шпёнком она закреплялась на нужной высоте. Но раствор, попавший в место сопряжения труб, засох, сцементировал их.

Каменщики колотили по трубе кирпичом, чтобы отстал раствор.

— Не лупи по одному месту, Василий, совсем заклинишь! — нахмурился бригадир.

— Не заклиню, Николай Матвеевич! — отозвался молодой. — В ней уже что-то шуршит, сейчас расклиним!..

До конца, однако, было далеко. Еще один каменщик, закончив кладку, пришел на помощь: он бил по трубе ребром лопаты. Соединенными усилиями им удалось, наконец, вытащить застрявшую стойку. Но теперь не входил в гнездо железный шпенек; осколки кирпича, которым колотили по трубе, забились отверстие.

— Вы что там, загорать решили? — крикнула из своей стеклянной будки кудрявая крановщица, задержав в воздухе бункер с раствором. — Сейчас я вам пляж устрою, с песочком и гравием.

— Отдохни и ты, Поля! — Крепыш такелажник в полосатой тельняшке, присев на кладку, закурил.

Бригадир повернулся к Кириллу.

— Видите, что делается? И так каждый день, а то и по нескольку раз на дню. Двое в бригаде на подмащивание отрываются, вместо того чтобы план давать. Зимой морозец прихватит — и вовсе хоть автогеном режь. Железо!.. А небось кто-то из ваших проектантов премию отхватил...

— Но без подмостей тоже нельзя! — возразил техник.

— По мне лучше на ящиках моститься, чем в эти детские игрушки играть. Ей-богу, кухонный стол из дому приволоку.

Каменщики засмеялись. Подручный, вспотев от усилий, закончил возню с угловой стойкой.

— Все! Как влитая стала, Николай Матвеевич.

Бригадир мельком взглянул на ручные часы.

— А двадцать одну минуту куда списать прикажешь? Псу под хвост? — Петрухин снова повернулся к Кириллу. — Подмости — мелочь, а сколько мы из-за балконных плит могли простоять? Спасибо, Василий Федотыч выручил, другую деталь подбросил. Один раз спас, в другой — пас! Вот что вы должны в своих графиках предусмотреть в первую голову: бесперебойную подачу материала. У вас там почасовой расчет, а снабженцы по суткам оставляют нас без деталей, хоть сам поперек стены ложись.

Он повел новый ряд, догоняя бригаду, которая уже начала кладку. Каменщики старались иметь хоть небольшое преимущество перед бригадиром, когда тот начнет уходить вперед. Крошечный кирпич хрустел под сапогами.

Кириллу вспомнилось, как любовался он нынешней весной такими вот подмостями для каменщиков на Строительной выставке. Выкрашенные в серый цвет, они радовали глаз изяществом конструкции. Экскурсовод, дававший объяснения, легко, точно играя, в каких-нибудь две минуты нарастил их на метр, а затем снова опустил в исходное положение. Но те,

выставочные, подмости с надписью «Не трогать руками» всего лишь экспонат, с которого заботливо стирают пыль. А здесь, в натуре, их трудовых двойников поливает дождь, забрызгивает раствор, их колотят об углы кладки, поднимая краном. Диво ли, что на одном наращивании каменщики потеряли двадцать минут! Помножим их на число членов бригады, прибавим простой крана.

— Ловлей блох на секундомере занялись, товарищ начальничек? Лови, лови, поймаешь... штуки три!

Прошедший внизу Драгин отлично понял, чем занимается Кирилл, он сам утром направил его в бригаду Петрухина, а вот ведь не удержался, чтобы не выставить «начальничка» в смешном виде перед рабочими. Шутка прораба вызвала смех вокруг.

После обеда Кирилл докладывал высвободившемуся на минутку Павлу Ивановичу, во что обходится стройке одно только наращивание подмостей. Цифры выглядели убедительно, но руководитель отдела, обмахиваясь логарифмической линейкой, слушал плохо: было жарко, и его вызывал на доклад начальник треста.

— Оч-чень интересно, Кирилл Васильевич! Посоветуйтесь тут без меня с Виктором Алексеевичем, что можно сделать...

У Одинцова была своя стройная теория на этот счет.

— Все дело, Малышев, в культуре труда. Сначала каменщики разбрасывают раствор, где не положено, затем лупят кирпичом, куда ни попадя, а потом удивляются, что подмости портятся. Между тем металлические леса во всем мире применяются. Когда я был на экскурсии в Чехословакии, я видел их на каждой стройке. — Он улыбнулся. — Надеюсь, вы не обвините меня в низкопоклонстве перед заграницей, сейчас это не в моде.

— Культура труда — важная вещь, — соглашался Кирилл. — Но если столько золотого времени каменщика — а каменщик сейчас ведущая фигура на стройке! — тратится зря, то разговорами о повышении культуры труда вопрос не сдвинешь с места. Кто идет в голове потока? Каменщик! По нему равняются сегодня монтажники, штукатуры, маляры! Значит, внимание каменщику!

— И тем не менее позвольте мне, Малышев, равняться не на Петрухина, не на Вострухина, не на... не знаю, на кого там еще. Мы с вами кто? Планирующая организация. Наше дело что? — спросил он, передразнивая Павла Ивановича. — Составлять планы. А «ихее», как говорит наш общий друг и мучитель Драгин, выполнять план!

Неожиданно подала голос Наденька:

— Позвольте мне, Виктор Алексеевич, не согласиться с вами. Кирилл Васильевич прав, сто раз прав!

Одинцов с притворным умилением посмотрел на нее.

— Каменщик, каменщик в фартуке белом, да?

Копировщица Люда, бледнея от собственной смелости, объявила, что ей ужасно надоело видеть всюду дома из кирпича, одного кирпича, только кирпича. Тут не выдержал тихий Шитиков. Бросив карандаш, сцепив за спиной руки, чертежник с трагическим выражением зашагал по комнате. Весь его вид говорил: он не может, не желает, просто отказывается работать в таких условиях!

Минут за пять до конца работы Кирилл зашел к секретарю комсомольской организации треста Бельской, которую все звали по имени — Лилей. Она работала инженером-сметчиком проектного отдела.

Уперев коленки в стол и раскачиваясь в этом несколько рискованном положении,

черноволосая, коротко стриженная девушка подняла глаза на вошедшего: круги роговой оправы очков казались еще больше на маленьком белом лице. Она выглядела такой тихой, такой интеллигентной — мухи не обидит. Но Кириллу уже пришлось наблюдать на собрании, какого жару она задала предпостройкома Жильцову, когда тот неосторожно посоветовал проектировщикам не совать нос в производство.

То, что по вечерам из открытых окон нового клуба строителей доносились звуки труб и флейты, то, что активно работали кружки английского, французского, китайского языков, то, что коллектив самодеятельности стройтреста вышел на первое место в районе, было немалой заслугой комсомольского вожака Лили Бельской, принесшей в трест нерастраченный задор шумной и полнокровной студенческой жизни. Но началось самое глухое время — время летних отпусков. Лиля ломала голову над тем, как оживить работу среди молодежи.

Волнуемый событиями дня, Кирилл рассказывал о подмостях.

— По-моему, ты, Малышев, пришел не по адресу. Это дело администрации, БРИЗа. Может быть, следует объявить открытый конкурс на лучшие подмости для каменщиков? С премиями.

Честное слово, у Лили светлая голова! Именно конкурс — как он не подумал об этом? Он и сам первый подаст свой проект.

— У тебя все, Малышев? Тогда у меня вопрос: какое у тебя комсомольское поручение?

— Так я ж недавно пришел в трест.

— И я здесь не с рождения. — Лиля так сильно оттолкнулась от стола, что едва не потеряла равновесие. Это настроило девушку на более серьезный лад. Протерев большим пальцем стекла очков изнутри, она сказала: — Мало бываем в общежитиях строителей, Малышев. А у меня сигнал: снова случай пьянки. Может, проведешь беседу в общежитии?

— В такую жару?.. Сейчас плавать нужно, а не беседовать.

Лиля шлепнула себя ладошкой по голове.

— Стоп, это идея! Сам-то ты, Малышев, умеешь плавать?

— Немножко! — поскромничал он.

— Вот и организуй секцию плавания. Меня первую пиши. — Аккуратная Лиля вынула из стола тетрадь, в которую записывала комсомольские поручения, сделала в ней пометку. — Только помни: предложил организовать секцию ты, а спрашивать с тебя будем мы, комитет. Ясно?

— Ты бы, Лиля, лучше утку спросила: хочет ли она плавать? — загадочно ухмыльнулся Кирилл.

Знал бы секретарь комитета, что о водной станции он вспомнил еще и потому, что там бывала Лера. Весь день он думал, как ее разыскать. Лучше повода не придумать.

Дома за обедом Кирилл казался озабоченным, он даже не доел свой любимый кисель.

— Ты здоров, сынок? — осторожно спросила мать.

— Угу! — Он встал из-за стола. — Спасибо за питание!

— А я-то, дура, старалась, — обиделась Варя. — Цветную капусту достала, кисель сварила. Ничего не оценил.

— Еще как оценил-то, Варвар... Кисель — чудо! Просто у меня аппетита нет. И дела есть кое-какие...

В открытое окно парусом вдувалась занавеска, порывы ветра доносили с бульвара духовую музыку. Он закрыл окно — стало душно. Черт с ним, пусть лучше вальсы, чем жара!

На столе лежал успевший пожелтеть на солнце набросок совка для разгрузки машин. Кирилл сделал чертеж еще в первые дни работы в тресте, под свежим впечатлением того, как на его глазах опорожнился грузовик, вывозивший мусор. Позже он занялся своей поэмой, и совок показался такой чепухой.

Кирилл прилег. От подушки пахло духами, он уткнул в нее лицо. Лера спала на этой подушке — чудеса да и только!

— К тебе можно, Кирястик? — В дверь заглядывала Варя.

— Нет.

— Ты же просто лежишь.

— Я не просто лежу — я думаю.

Сестра вошла в комнату.

— У тебя были предшественники в птичьем мире. Например, индюк, который тоже думал. Причем ухитрялся делать это стоя.

У Вари острый язычок, лучше не связываться с ней.

— Я бы на твоём месте, брат мой, враг мой, заранее сговаривалась: что и кому будешь врать.

Это было уже нечто новое. Кирилл вопросительно посмотрел на сестру.

— Делаете невинно-удивленные глаза? Сейчас все поймете. — Она выдержала паузу, чтобы помучить его. — Перед самым твоим приходом звонил один человек.

Сам не зная почему, Кирилл подумал о Лере, и сердце его забило. Но откуда Лера могла узнать его телефон?

— Ну?

— Не погоняй, не запряг! Я еще подумаю, говорить ли! — Девушка прошла по комнате, стараясь не становиться на швы паркета: это занимало больше времени. — Может, не надо?

Кирилл рассердился.

— Говори и уходи. Или не говори и уходи!

Варя была не прочь помучить его дольше, но сейчас, видно, это не входило в ее планы.

— Ладно уж! Лешка звонил. И страшно удивился, когда узнал, что ты сегодня... ночевал у него.

— А у тебя... язык чесался?

— Я бы не сказала ничего, если б он не обмолвился о том, что ты вчера удрал с вечеринки.

Кирилл смущенно прокашлялся.

— Лешка просил еще передать, чтобы ты приходил сегодня на водную станцию. У них соревнования какие-то, он тоже плавает. Билет для тебя оставлен на контроле.

— Во сколько он звонил?

— Я же сказала: перед самым твоим приходом.

— Ты б еще в двенадцать ночи вспомнила! — Кирилл взглянул на часы. — Заплывы уже кончаются. — Но тут он подумал, что неплохо бы уже сегодня договориться с Лешкой насчет занятий. Да и о Лере, может быть, он что-нибудь узнает.

В комнату вошла Антонина Ивановна.

— И я бы тебе, сынок, посоветовала прогуляться. Небось полные легкие пыли набрал за день на своей стройке...

Кирилл торопливо стягивал через голову сорочку.

— Я бы уже подъезжал к «Динамо», если б эта мелкая интриганка не играла полчаса на нервах.

— Я играла?! Да, дожидаться благодарности от родного брата — все равно, что пожелать летом снега...

Быстро переодевшись, он сбежал по лестнице, перепрыгивая через пять ступенек сразу. Увидя брата в окно, Варя сняла «маскировку» с машинки; вот-вот должна была появиться заказчица, потому-то заговорщицы так желали остаться одни.

Еще в прошлом году, напуганный состоянием матери, Кирилл взял с нее слово, что она не будет больше шить. Не так-то просто проверить, держит ли она слово. Как ни тихо открывал он дверь, возвращаясь домой, как ни осторожно ступал, швейная машинка к его появлению была накрыта покрывалом, а мать хлопотала по хозяйству или, лежа на диване, слушала радио. Ему и невдомек было, что Антонина Ивановна различала походку сына еще на улице, по стуку парадной двери знала, что идет он, и успевала «принять меры».

Однажды, поздно возвращаясь домой, он увидел свет в окне комнаты матери. Интересно, чем она занимается в такое время? Вспомнив мальчишеские годы, он залез на высокий тополь, росший в саду напротив их дома. Тонкая макушка гнулась от его веса, особенно когда Кирилл стал раздвигать ветки, чтобы разглядеть свои окна. В непривычном для глаза ракурсе комната показалась незнакомой, стола с машинкой не было видно, зато он разглядел мерно колыхавшуюся тень на стене: мама крутила ручку швейной машинки.

— Ты что это там делаешь, а? — грозно крикнул он.

В окне показалась Антонина Ивановна, прикрывая глаза ладонью, она всматривалась в темноту. Голос сына донесся с улицы, но так громко, словно Кирилл был где-то рядом. Разглядев на уровне пятого этажа, среди переплета веток, черное пятно, мать тихо ахнула. Перепуганный юноша стал поспешно спускаться на землю.

Она не ругала его, только крепко обняла, когда он вошел.

— Обещай мне, сынок, что никогда не повторишь этого. У меня чуть сердце не остановилось, когда я увидела тебя там... Хочу крикнуть — и не могу. А что, если б ты сорвался?

— И буду лазить и буду срываться, если ты не бросишь шить, — упрямо твердил он.

Антонина, Ивановна не желала себе зла, но когда неделю назад появилась одна из ее старых заказчиц и предложила выгодную работу — могла ли она отказаться? Кириллу так нужен светлый летний костюм. Бюро прогнозов сообщило, что жара продержится до конца лета. Единственный костюм Кирилла, перешитый из старого отцовского, стал почти неприличен.

Включив радио на полный звук, Варя взялась за ручку швейной машинки. Они и раньше работали так, мать и дочь, оставаясь в доме одни, это была их маленькая тайна. Диктор читал сообщения о ходе конгресса сторонников мира в Париже. «Вот бы съездить во Францию или в одну из демократических стран, — мечтала Варя, — мама сшила бы мне для поездки платье василькового цвета из материала, который бережется ко дню окончания десятилетки!..» «Только бы новой войны не было!» — вздыхала Антонина Ивановна, слушая радиопередачу.

Переполненные трибуны для зрителей, спускавшиеся к самой воде, были уже в тени. Закатные лучи горели лишь на парусах позолоченных яхт, венчавших высокие постаменты по бокам трибун, и согревали последним теплом верхнюю площадку вышки для прыжков; два спортсмена, лежавшие здесь, наблюдали, свесив головы, за тем, что делается в открытом бассейне.

Белые пробковые поплавки, нанизанные на веревку, делили пятидесятиметровый бассейн на восемь дорожек.

На дощатых помостах, далеко вдававшихся в воду, толпились пловцы в мохнатых купальных халатах, наброшенных на плечи, судьи и секундометристы во всем белом, фоторепортеры.

Дали старт последнему заплыву.

От мощных, почти одновременных выбросов рук, чем-то напоминавших взмахи крыльев исполинских бабочек, которые, казалось, хотели и никак не могли оторваться от воды, пловцы выскакивали на поверхность настолько, что были видны их загорелые спины с мускулистыми буграми лопаток.

В отличие от своих товарищей, которые ножницеобразно сводили ноги, плывущий первым прогибал спину вверх и вниз, как дельфин. Пенный бурун позади него был меньше, чем у остальных, но продвигался пловец быстрее.

— Шумов! Дава-ай, Шумо-о-ов! — закричали зрители на трибунах, когда пловец коснулся ладонью дощатой стенки, поджал на миг ноги, словно хотел встать в воде на четвереньки, и, повернувшись лицом в обратную сторону, сильно оттолкнулся ногами от щита. Он плыл последнюю прямую.

— Леша-а!.. Дава-ай, Леша-а!

Кирилл, с момента своего прихода высматривавший среди зрителей Леру, не сомневался в победе друга: ближний к Лешке пловец отстал корпуса на четыре. Интересно, какое время покажет победитель? Похоже, будет рекорд.

Три секундометриста, свесившись с плота, сделали одинаковое подсекающее движение рукой, останавливая бег стрелок.

Пловец был еще в воде, когда главный судья соревнований объявил в микрофон фамилию победителя и время, показанное им на дистанции сто метров стилем «дельфин». Меньше минуты десяти секунд!.. По трибунам пронесся гул одобрения, раздались аплодисменты. Шумов показал лучшее время дня.

Ай да Лешка! А Кириллу, видно, уже не приблизиться к достижениям друга, с которым они некогда вместе начинали плавать. Он так и не «вылез» в стометровке брассом из минуты двадцати; нынче третьеразрядники плавают лучше.

Тусклую гладь Химкинского водохранилища бороздили лодки и моторки. Четкие, словно вырезанные из жести, фигуры гребцов академической восьмерки одновременно подтягивались вперед на своих сиденьях с колесиками и, закончив гребок, плавно отъезжали назад, а казалось, что их подтягивает и отпускает за невидимую ниточку рулевой на корме. Косые паруса яхт едва не касались волн на крутом галсе. С красного катера речной милиции инспектор в форменной фуражке прокричал что-то в мегафон зазевавшемуся байдарочнику.

Из невидимого за дамбой шлюза в дальнем конце залива выплыл двухпалубный волжский лайнер, на верхней палубе играл духовой оркестр и кружились пары. Над водой реяли чайки, спускаясь ниже трепыхавшихся на вышке белых с синим флажков общества «Динамо»; птицы походили на флажки, сорванные ветром.

Кирилл вздохнул полной грудью. Хорошо! Четверть часа езды на метро да еще двадцать минут на троллейбусе — и ты на берегу настоящего залива.

Не успел судья объявить о конце соревнований, как с плотов и прямо с трибун в бассейн стали прыгать истомившиеся от ожидания спортсмены. Вода так и забурлила.

У края выгнувшейся плавной дугой десятиметровой вышки для прыжков замер прыгун в черном купальнике. Сильный взмах рук, спортсмен оттолкнулся от доски и на миг, казалось, повис в воздухе распластанной ласточкой. Почти не подняв брызг, он вошел в воду.

Леры среди расходящихся зрителей не было. Кирилл уныло поплелся в раздевалку: надо хоть немножко поплавать, если уж он пришел сюда. Выйдя на плот в трусах, он увидел Лешку с девушкой в полосатом купальнике, плотно облегавшем сильное тело, прекрасное той здоровой красотой, которую придают человеку занятия спортом. То, что он был не один, успокоило Кирилла: значит, Лешка простит ему Леру.

Кирилл с разбегу прыгнул в воду.

— Не част *и*, Малыш! — окликнул его школьной кличкой Шумов, сразу узнавший, кто плывет. — И левую не зарывай!

Проплыв пятьдесят метров, Кирилл стал дышать с трудом: никак не удавалось ему закончить выдох в воде. Вот оно, отсутствие регулярных занятий! Хотя бы проклятую стометровку закончить в одном темпе. Небось Лешка со своей девушкой посмеиваются над ним.. Кирилл чувствовал, как пылает его лицо, погруженное в прохладную воду.

Свесившись с края плота, Шумов сложил ладони рупором:

— Кончай, Малыш!.. Ни к черту не годится!

Кирилл и сам думал отдохнуть после стометровки, но грубый окрик друга рассердил его. Какого черта Лешка вмешивается не в свое дело? Перед девушкой красуется!

Коснувшись рукой стенки, Кирилл сделал поворот, но неудачно: левая нога лишь скользнула по мокрым доскам, толчка не получилось. Вдобавок он забрал влево и плыл теперь, задевая рукой за поплавки. И пусть! Он ведь плывет просто так, для разминки, а не напоказ...

Перестав думать о Лешке, он поплыл спокойнее и постепенно втянулся в ритм. Дышать стало легче; почти физически он ощущал, как сходит с лица румянец.

Окончил он плыть неожиданно, уткнувшись головой в чей-то мягкий живот. Подняв голову, Кирилл увидел перед собой недовольное лицо толстухи в резиновой шапочке. Извинившись, он поплыл к лесенке в углу бассейна.

Кирилл разглядывал капельки воды на свесившейся перед глазами прядке волос, — она походила на стебелек ландыша в серебристых росинках. Вылезая на плот, он тряхнул головой; цветок осыпался.

Лешка и его девушка сидели на плетеной циновке.

— Неплохо, совсем неплохо прошел вторую сотню, Малыш! — похвалил Шумов. — Только гребок левой надо отработать чище. Смотри сюда, что у тебя получается... — Обмакнув палец в лужицу, натекающую у ног присевшего на корточки Кирилла, чемпион рисовал на доске схему гребка. — Видал? А надо вот как...

Кириллу было неудобно сидеть, он растянулся на сухих, после купания казавшихся такими теплыми досках плота. И снова он понимал, что Лешка старается не столько для него, сколько для своей девушки.

— Впрочем, и брасс и баттерфляй — чешуя! Это вчерашний, даже позавчерашний день спорта. «Дельфин» — вот стиль богов! И Венгрия — родина его! Чертовски трудный стиль,

доложу я тебе, но зато сопротивление водной среды минимальнейшее. Смотри, как это все выглядит! — Знаток стилей рисовал на доске, что происходит с пловцом при разведении ног в брассе и что — при дельфинообразных движениях тела. Главная трудность — дыхание, надо начинать вдох в момент окончания гребка руками, а заканчивать его, когда руки пройдут половину своего пути...

— У меня к тебе вопрос, Леша!

Чемпион, прищурясь, смотрел на него.

— У тебя? Нет, братец мой, сегодня спрашивать буду я. — Он скосил глаза на девушку, отвернувшуюся от них. — Позже.

Та, видно, догадалась, что мешает разговору.

— Схожу проведать наших, — сказала она, вставая.

— Только возвращайтесь скорей, Лена! Я хочу посмотреть, какие успехи вы сделали в кроле.

Девушка ушла к трибуне. Кирилл смотрел ей вслед.

— Нравится?.. Могу познакомить... Все равно ведь отобьешь. — Язвительный тон Лешки не соответствовал мирному постукиванию гуттаперчевой пятки по доске.

Да, это был уже не тот Лешка, с кем они две зимы провожали после уроков первую красавицу школы Милочку Гамову, держась на почтительном расстоянии, чтобы она, не дай бог, не подумала, что они интересуются ею. И не тот Лешка, с которым они летними вечерами бродили по дорожкам парка имени Горького, разбирая по косточкам каждую проходящую девушку, но, не решаясь, однако, заговорить ни с одной. Это был новый Лешка, Лешка-победитель... Но не он ли потерпел вчера поражение?

— Не подумай, кстати, что я позвонил тебе из-за этой... как ее?.. Удаловой Лерки, — продолжал пловец, словно проследив ход мыслей Кирилла. — Меня лично не может интересовать девушка, которую каждый, кому вздумается, уведет...

Кирилла так и подбросило.

— Я попросил бы тебя, Леонид, подбирать слова...

Лешка удивленно посмотрел на него.

— Ты чего взбеленился?.. А-а, понимаю... Любовь с первого взгляда?! Молчу, молчу! Но в любом случае, братец мой, покидая дом, где тебя... гм!.. неплохо приняли, нужно хотя бы с хозяином попрощаться. Особенно если он твой друг.

— Извини, что не попросился... А больше мне извиняться не в чем. — Запал Кирилла начинал гаснуть. Он не забывал, что Лешка — единственный человек, от которого тянется ниточка к Лере.

— Ой ли? А если она, черт возьми, и мне не совсем безразлична? Если я после вашего бегства не мог долго уснуть от злости? И все это — заметь! — в канун ответственных соревнований, перед которыми я не имею права волноваться.

Судя по всему, из всех чувств Лешки более всего было задето самолюбие. Значит, надо играть именно на этом.

— Ты и так был первым в финале. Отличное время!

— Я мог бы сбросить еще минимум девять десятых, если б нормально поспал. — Пятка чемпиона с такой силой опустилась на доску, что брызги натекшей воды разлетелись во все стороны, попали в глаз Кирилла. — Прости, пожалуйста!.. Только в следующий раз, когда решишь «заночевать у меня», предупреди об этом и меня тоже. Во избежание возможных недоразумений с родней. Сапронти? — закончил он разговор непонятным Кириллу словом,

вывезенным из недавнего турне по Прибалтике.

Лешка встал — бронзовотелый, с широкой, развитой грудью и узкими бедрами, — потянулся так, что хрустнуло в суставах.

— И еще: предупреди свою Лерку, чтобы не опаздывала на завтрашнюю тренировку.

Вот и конец ниточки, которая приведет его к Лере. За одно это он был бесконечно благодарен другу.

— Я очень рад, Леша, что наша дружба, начавшаяся не со вчерашнего дня, продолжается. Тем более что я пришел к тебе по делу, как официальное лицо к официальному лицу.

Лешка презрительно скривил нижнюю губу.

— Если мне не изменяет память, еще ни одна женщина не вставала между нами... А что у тебя за дело ко мне?

Кирилл рассказал о своем комсомольском поручении. Без поддержки такого влиятельного лица, как Шумов, нечего и пробовать соваться к директору водной станции. Сейчас разгар лета, часы занятий, наверное, распределены между организациями еще с весны... Ему влепят выговор, если он не выполнит поручения.

Он нарочно сгущал краски, зная характер своего друга, любившего предстать в роли благодетеля.

— Гм! Не скрою, задал ты мне задачку.. Впрочем, не унывай, у меня есть ключик к сердцу директора станции. Меня давно уже хочет переманить некое спортивное общество, а он против. — Лешка похлопал приятеля по плечу. — Меня могут подводить лучшие друзья, но я еще никого никогда не подвел! Только поторопись — послезавтра заявка должна быть у меня.

Кирилл крепко сжал руку пловца.

— Я не знаю, как мне благодарить тебя, старина!

— Давай без сантиментов! — поморщился довольный Лешка.

Вернулась Лешкина девушка, она села на циновку.

— В воду, в воду, Леночка!

Девушка со страхом смотрела на потемневшую воду.

— Ой, что-то мне расхотелось купаться.

— Купаться я вас и не зову, вы будете пла-вать. Живо, живо! В воде в два счета согреетесь.

- Вода — парное молоко! — подтвердил Кирилл.

Но девушка продолжала сидеть, обхватив руками колени.

Мимо проходил знакомый Лешке коренастый пловец. Чемпион многозначительно показал на девушку, на циновку, на воду. Коренастый сразу все понял и незаметно встал на край плота за спиной девушки. Лешка присел с другой стороны, оба взяли за края циновки. «Ар-рш!» — скомандовал Лешка, и пловцы, одновременно оттолкнувшись ногами от доски и не выпуская из рук циновку с сидевшей на ней девушкой, метнулись в воду.

Кириллу было хорошо видно, как девушка, не успев даже снять рук с колен, только вскрикнув, вошла в воду, далеко расступившуюся от веса трех тел.

Через секунду-другую, вынырнув на поверхность, она уже весело смеялась: вода больше не казалась ей холодной.

Лежа на животе, Кирилл макал палец в лужицу, как это делал перед тем его друг, и задумчиво чертил кривые на доске. Когда пловцы стянули сидящую девушку в воду, он

почему-то вспомнил свой совок для разгрузки машин. В конце концов совок — та же цинковка, только надо сделать его сквозным, решетчатым, чтобы грунт просыпался. Любопытно прикинуть, какие усилия будут действовать на узлы совка? От этого зависит вес, а значит, экономичность конструкции. Без логарифмической линейки и «Справочника строителя» не обойтись.

А через минуту Кирилл думал уже о другом — о своей поэме. Ему захотелось поскорее очутиться за письменным столом.

Совсем стемнело, вышку для прыжков осветил прожектор, в его белом луче застыл прыгун, похожий на циркового артиста перед опасным номером. Кирилл дождался, пока он прыгнет.

По заливу моргали лодочные фонарики; освещенный огнями лайнер вез экскурсантов в Москву, музыка доносилась еле слышно: музыканты перешли в каюту. Далеко на воде виднелись две точки: может, Лешка с девушкой? Нехорошо, что он уходит, не простившись, но каждому свое: одним плавание, другим... Говорят, гениальные идеи носятся в воздухе, надо спешить!

Дома он разложил бумаги на столе, затем прилег на минутку, чтобы привести мысли в порядок, и заснул, позорно заснул. Антонина Ивановна, вошедшая в комнату, чтобы поговорить с сыном, с улыбкой покачала головой. Накрыв его теплым платком, она села за машинку: сегодня можно шить спокойно.

С предпостройкома Жильцовым удалось договориться быстро: деньги на оплату инструктора по плаванию найдутся, нужно только, чтобы в секцию записывались не одни проектировщики. Едва Кирилл вывесил объявление, в отдел, где он работал, началось настоящее паломничество. В обеденный перерыв дружной стайкой пришли копировщицы, бригада Петрухина прислала делегата от молодых каменщиков, записались два техника из проектного отдела, пожилой инженер-экономист и уже знакомая Кириллу крановщица Полина Глушко.

Наденька, старавшаяся ни в чем не отставать от жизни, тоже решила учиться плавать; она тут же, на полях чертежа, набросала эскиз купального костюма, который специально сошьет себе для занятий. Копировщица Люда, во всем берущая пример со своей старшей товарки, тоже записалась в секцию, разалевшись при этом, как пион. Может быть, она ждала, что Виктор Алексеевич запишется.

— С меня довольно и того, что я весь день плаваю в ваших чертежах, — сказал инженер Кириллу, когда тот, больше для очистки совести, чем из желания видеть Одинцова на водной станции, протянул ему список. — Теннис — единственный вид спорта, который я признаю! Не говоря о преферансе.

Предупредив по телефону мать, Кирилл решил после работы ехать на водную станцию. Для сокращения пути он наискосок пересекал строительную площадку. До половины высунувшийся из кабины «Воронежца» экскаваторщик махал ему рукой и что-то кричал; Кирилл сделал вид, что это к нему не относится.

С экскаваторщиком Борисом Ковалевым — после Драгина самым беспокойным и шумным человеком на стройке — Малышеву пришлось столкнуться чуть ли не в первый день своего появления на площадке. Размахивая ручищами так, что Кирилл чувствовал легкий ветерок, поднимаемый ими, экскаваторщик стал крыть его при людях последними словами за какой-то неверно оформленный наряд: он принял Малышева за нового сметчика, поступившего на работу одновременно с Кириллом.

На стройке Волжской гидроэлектростанции, откуда прибыл Ковалев, он был одним из знатных механизаторов. Первый «миллионер» ГЭС, он вынул вместе со своим экипажем комсомольско-молодежного экскаватора больше миллиона кубометров грунта — об этом писали все газеты. На Волге Ковалев разработал конструкцию ковша с облегченными стенками: трехкубовый «Уралец» мог теперь вынимать до четырех с половиною кубометров мягкого грунта.

Коллектив гидростроителей послал своего передовика в столицу на конференцию сторонников мира. Операторы кинохроники засняли Ковалева во время выступления, когда он, потрясая кулаками, клялся, что, если будет нужно, сроем Жигули до основания своим экскаватором. А вернувшись на ГЭС, он заскучал по Москве, по шумным улицам и кипучей жизни, стал работать хуже. На время его даже сняли с бригадиров. Правда, к концу строительства Ковалев выправился, получил почетное право выбрать ковшом своего экскаватора тот камень, который первым лег на дно Волги в памятный день перекрытия.

Достроив ГЭС, он уехал в Москву, так хорошо принимавшую его когда-то. Здесь он надеялся отличиться еще больше, чем на Волге. Но в тресте, строившем жилые дома для москвичей, объем земляных работ был несравним с масштабами гидроузла. С мощного

«Уральца» Ковалев пересел на маленький «Воронежец», вместо отдельной комнаты в уютном коттедже с окнами, выходящими на Волгу, он получил койку в общежитии строителей. И заработки у него пошли другие, и не было здесь ни волжского воздуха, который пьянил, как вино, ни обильной рыбалки, ни охоты — словом, всего того, к чему он успел привыкнуть за пять лет. Свое недовольство, свою неумную силу и энергию Ковалев нередко тратил на мелкие столкновения с разнарядчиками, с шоферами, с предпостройкома Жильцовым.

Вот почему Кирилл, отлично разглядев знаки экскаваторщика, еще быстрее зашагал к остановке трамвая. Но от Ковалева было не так просто отделаться. Скоро молодой человек услышал за своей спиной приближающийся топот и шумное дыхание.

— Товарищ техник!.. Можно вас на минутку?.. — Вытирая рукавом ковбойки потное лицо, Ковалев нагнал его. — Ну и жарынь, совсем как у нас в Жигулях... Это вы здорово придумали, товарищ техник — учить народ плавать.

— Учить плавать будет тренер. — Кирилл вынул блокнот. — Значит, записать вас?

— А это зависит от того, кто у вас там еще числится... Иначе мне после нашего славного Куйбышевского морюшка без интересу плескаться в вашей, простите, московской луже.

— Извините, я спешу: записывать или нет?

Экскаваторщик доверительно подмигнул молодому человеку.

— А землячка моя записалась?.. Крановщица Глушко Полинка? Есть? Тогда порядок, и меня пиши, техник! — Он заулыбался, показывая желтоватые, сидевшие в деснах, как зерна в тугом кукурузном початке, зубы. — На воде Полинке нипочем от меня не удрать. Я саженками до острова Телячьего отмахивал, а это километра три от Отважного... Ну, бывайте здоровеньки!

Ковалев побежал обратно; водитель самосвала, вставшего перед «Воронежцем», непрерывно сигналил, вызывая экскаваторщика.

Первый человек, кого он увидел на водной станции, была Лера, одиноко сидевшая в верхнем ряду трибун для зрителей.

— Вы? — не поверил Кирилл своим глазам.

Вчера он видел ее в комнате при электрическом освещении, потом на улице при свете фонарей и, признаться, не очень разглядел лицо Леры. Глаза у нее, оказывается, серые и совсем не такие большие. И волосы не столько светлые, сколько выгоревшие от солнца. И подбородок с нижней губой чуть выдается вперед, как у малых детей. И все же милое, очень милое, самое милое лицо.

— Что вы здесь делаете, Лерочка?

— Вас жду, — сказала она обиженно.

— Меня? — Его развеселили слова девушки, даже ее обиженный тон. — Но разве мы договаривались встретиться здесь?

— Если вас дважды за каких-нибудь полчаса ехидно спрашивают: «А когда придет ваш Кирилл?.. И почему эти поэты всегда запаздывают?» — то начинаешь и в самом деле думать, что мы условились о встрече.

Он был слишком рад ей, чтобы сердиться на Лешку.

— Простите его! Честное слово, Лешка неплохой парень... А почему вы удрали «по росе»? Почему меня не дождались?

Лера улыбнулась, лицо ее, казалось, осветилось изнутри.

— Лучше скажите, куда вы удрали?.. По улице гуляли, да?

— Я? Я спал как убитый. А вы... когда вы, Лера, догадались, что я привел вас к себе?

— Во всяком случае, до того, как мы поднялись к вам.

Кириллу на миг стало грустно. Он и сам не мог бы объяснить себе, почему возникло это чувство. Потому ли, что девушка слишком умна и, возможно, опытна в делах такого рода? Потому ли, что она слишком легко говорит об этом?..

— Я должен отлучиться, — сказал он. — Мне нужен Лешка.

— Только ненадолго, — попросила Лера. — И передайте своему другу, что я его еще не простила...

Лешка, которого он разыскал в инструкторской комнате, не глядя, сунул привезенные Кириллом бумажки в карман темно-синих тренировочных брюк.

— Через пару деньков позвони, думаю, что все будет в порядке. А сейчас сыпь-ка, братец мой, к своей Лерке, я ее тут до белого каления довел. Она на трибуне сидит.

— Уже видел. Сердита на тебя — ужас!

— Да? У меня больше причин на это.

Что ж, Лешка имел все основания сердиться. Наверное, Кирилл и сам был бы зол на его месте. Тем не менее он тут же пригласил чемпиона составить компанию. Можно, скажем, поехать в гости к Грише Львову.

Он говорил это просто так, на всякий случай, не думая, что Лешка примет его предложение. Просто ему было совестно снова уйти с Лерой, не сказав ни слова другу.

А тот был сегодня на высоте. Изумленно посмотрев на Кирилла, он постучал костяшкой согнутого указательного пальца по лбу, затем по дощатой стенке.

— Один и тот же звук! — определил он. — Чтобы я поехал к какому-то несчастному мазилке, который не может отличить пловца от топора! У меня есть более интересные «кадры» на сегодня.

Лешка до сих пор не мог простить художнику, которого Кирилл как-то привел на водную станцию, что тот рисовал весь день девчонок и новичков, а не его, прославленного чемпиона. С некоторых пор Лешка вообще не считал за людей тех, кто проплывал стометровку брассом медленнее минуты двадцати секунд.

Кириллу хотелось окунуться, если уж он приехал на водную станцию.

— Пошли в воду, Лерочка! — крикнул он снизу девушке.

— Что-то не хочется... Вы купайтесь, Кирилл. Я подожду...

Он проплыл всего сто метров, причем в самом ударном темпе, весь выложившись на этой дистанции. Он ведь знал, кто смотрит на него с трибун.

— Вы плаваете, как бог, Кирилл! — похвалила Лера, когда он, сев с ней рядом, расчесывал гребешком мокрую голову. — Ничуть не хуже вашего Лешки-зазнайки.

— Ну, что вы, Лерочка! — смутился Кирилл, хотя ее похвала была приятна ему. — С Лешкой никакого сравнения не может быть... Мы сейчас едем к моему другу художнику! — ему не терпелось ввести ее в круг своих ближайших знакомых.

— Это не тот, кого мы встретили ночью на Садовом кольце?.. В «Волге», с блондинкой...

— Нет, мы поедем к Грише Львову. А то был Виктор Алексеевич. Кстати, он вас тоже вспоминал. — На секунду он запнулся — говорить ли дальше? — и, словно с размаху бросаясь в холодную воду, продолжал: — Он спросил, не снимались ли вы в фильме «Весенний поток»?

— Забавно, очень забавно! — задумчиво проговорила Лера. — Моя подружка Юлька все

уши прожужжала мне, уверяя, что я — точная копия героини. А я этого вовсе не нахожу, хотя дважды специально смотрела картину.

— Сегодня вы увидите картины получше. Неудобно, конечно, хвалить работы приятеля, но... словом, сами увидите.

В троллейбусе Лера была задумчива. Кириллу показалось, что он зря передал ей слова Одинцова. Впрочем, какое это имеет значение, если они снова встретились, сидят рядом, едут вместе к Грише.

Настоящее призвание Григория Львова выявилось не сразу. Окончив в дни войны десятилетку, Гриша, как и все его сверстники, стремился на фронт, но был забракован врачебной комиссией: у него была хроническая болезнь сердца. Чтобы помочь семье, он поступил в городскую типографию учеником наборщика.

Как-то юноша, обмакнув палец в типографскую краску, одним росчерком нарисовал в профиль метранпажа, причем с таким завидным и злым сходством, что наборщики схватились, за животы от смеха. Особенно удалась ему карикатура на директора. Это и было началом его «художественной» деятельности. Как раз в ту пору — это был первый послевоенный год — типография получила по разверстке одно место в Московский полиграфический институт. Директор с удовольствием откомандировал доморощенного «Кукрыниксу», как он называл дерзкого юнца, в Москву.

Со второго курса Львову удалось перевестись в Художественный институт, более отвечающий его стремлениям. Гришины шаржи и карикатуры стали появляться не только в стенной печати, их помещала молодежная газета. Но он не сделался карикатуристом: его пленила живопись.

Окончив институт, молодой художник много ездил по стране, беря командировку от любого журнала или от газеты, нуждающихся в злободневных зарисовках, на которых он набил руку. Арктика, Дальний Восток, целина — таков был маршрут его поездок за последние годы. Побывал он и в родном городке, где жили его старики, зашел в типографию, где начинал свою деятельность. С особым удовольствием и гордостью печатники выпустили в свет книжку с иллюстрациями «нашего Гришки».

Возвращаясь из поездок, он еще больше восторгался широкими московскими улицами, площадями, каменными набережными, мог писать их часами в любую погоду. Своей комнаты у него не было: Гриша жил то у знакомых на даче, то снимал комнату у людей, уезжавших на длительное время из столицы. Он был молод, полон сил и честолюбия, безгранично верил в свое будущее. Но будущее завоевывается упорным трудом, а работать без собственной мастерской, хотя бы небольшой, художнику трудно. Получался заколдованный круг. И тут предприимчивого Гришу осенила счастливая мысль.

Москва перенаселена, ждать очереди на получение жилплощади через Союз художников молодому живописцу пришлось бы слишком долго. Но если каждый дом заселен от подвала до крыши, то самые крыши, вернее — чердаки, пустуют: ничего, кроме пыли и старой рухляди, там нет. Использовать чердак под жилье никто бы не разрешил, но можно ведь хлопотать о переоборудовании чердака под мастерскую. Если у него будет своя мастерская, кто помешает ему заночевать в ней, когда он заработается?

Тот, кто в эти месяцы встречал Гришу на улице, мог подумать, что художник загордился: взгляд его был неизменно устремлен вверх. Сколько чердаков он облазил за время своих поисков, сколько пол-литров распил с управдомами и дворниками, пока не нашел, наконец, то, о чем мечтал, — просторный чердак восьмиэтажного дома, выходящего на Пушкинскую площадь! За один вид, открывавшийся из слухового окна, он готов был поить и дворника и управляющего домом до скончания века.

Написав заявление в райжилотдел, Львов стал работать еще более напряженно, не отказываясь ни от чего: оформлял витрины магазинов, делал рекламу для кино. Теперь люди, встречавшие Гришу, сравнивали бы его с трудолюбивым муравьем: поднимаясь на восьмой этаж, он тащил на себе доски и листы фанеры, а спускаясь вниз, всегда прихватывал ведра с мусором и разной рухлядью, которую сваливал на помойку. Строительные материалы обошлись ему недешево, зато за работу не пришлось платить почти ничего: Гриша своими руками настлал полы в мастерской, обшил стропила фанерой. Не беда, что дощатые стены до поры до времени голы — художник написал на них маслом такие цветастые ковры, что хотелось погладить рукой их воображаемый ворс. И ничего, что обстановка бедна, — на одной из стен хозяин нарисовал книжную полку с золотыми обрезками тех книг, которые должны были со временем стать на это место, на другой — будущий буфет с горкой переливающегося огнями хрустала.

Года два назад Кирилл забрел с приятелем по техникуму на весеннюю выставку молодых живописцев и вслух разнес картину неизвестного ему Г. Львова «На берегу». Если река и здания на берегу написаны грамотно, то пловец, готовящийся прыгнуть в воду, изображен неверно. При таком высоком старте он неминуемо отобьет себе живот. Это ж черт знает что!

Черный, весь какой-то всклокоченный и, как показалось Кириллу, немолодой человек, отведя юношу к окну, представился; он был автором картины. Художник хотел узнать, в чем заключается его ошибка, ибо чувствует, что критика исходит от весьма компетентного лица. Кирилл тут же на месте показал, как должен приседать пловец в момент отрыва от старта, объяснил, для чего на старте разводят руки.

Художник поблагодарил Кирилла и сказал, что хотел бы написать его портрет: он давно ищет модель для фигуры спортсмена. Портрета он так и не написал (портреты ему, говоря по совести, не очень удавались), но друзьями они стали, несмотря на разницу в профессиях и в возрасте; Львов был на пять лет старше Кирилла, а в их возрасте такая разница заметна.

Однажды Кирилл взял его на водную станцию, и художник открыл для себя новый интереснейший мир. Вот когда Гриша, которому из-за болезни сердца был категорически противопоказан спорт, по-настоящему позавидовал Кириллу, Лешке Шумову, всем этим здоровым, загорелым парням и девушкам. Они расхаживали в купальных костюмах по мосткам, как по паркету своих квартир, а в воде чувствовали себя словно рыбы! В блокноте художника, а позже в его работах замелькали поджарые фигуры пловцов...

Сам Гриша никогда не купался на людях: он был очень волосат и стыдился этого. Казалось, вся сила его организма пошла в неумеренный рост волос. Из-за шапки иссиня-черных, жестких, словно из проволоки, волос голова художника казалась окутанной если не ореолом, то дымкой, буйная растительность на его руках, груди и спине пружинила сквозь ткань рубашки.

Кириллу нравилось бывать в студии художника, где угощением порою служил засохший, покоровившийся от времени кусок сыра, но зато радушия и веселья хватало на всех.

Товарищи Гриши охотно приняли его в свою компанию: поэтические склонности и интерес к искусству сближали их.

Художник жил в самом центре, на скрещении всех путей и дорог, друзья привыкли забредать к Грише просто так, «на огонек». Когда же он работал и слуховое окошко было завешено плотной шторой, подниматься вверх было бесполезно: хозяин не открывал никому.

...Сойдя с троллейбуса на Пушкинской площади, Кирилл взглянул на знакомое окошко. Увы, штора опущена: художник работает.

— Нам не везет, Лера. К Грише нельзя.

— Ой, как жалко! — Девушка уже хотела видеть художника, так заинтересовала ее история, рассказанная Кириллом.

— Зайдем еще разок, попозже. В такой чудесный вечер Гришка вряд ли будет долго работать. Может, пока перекусим?

Сидящие на лавочке перед памятником Пушкину люди смотрели куда-то вверх. Старик в белой панаме сказал, ни к кому не обращаясь:

— Но как они туда забрались?

— И девочка туда же! — поддакнула его немолодая соседка. — Куда милиция смотрит?

Кирилл, соображавший, в какое кафе зайти, чтобы хватило тех денег, которые у него были, поднял голову. На освещенной заходящим солнцем крыше восьмиэтажного дома он разглядел знакомые фигуры: мужчину в синей, развевающейся на ветру блузе и маленькую девчушку в красной кофточке.

— Ишь, куда залез! — обрадовался он. — Сейчас я его шугану!

Во дворе Гришиного дома Кирилл дважды пронзительно свистнул. Черная включенная голова появилась над брандмауэром.

— Да здравствуют поэты! — завопила голова, затем показалась рука, и в Кирилла полетела косточка абрикоса.

— Как залезть? — крикнул Кирилл, сложив ладони рупором.

— С черного хода... А кто с тобой?

Кирилл лишь рукой махнул: там узнаешь.

Пока они поднимались по черной лестнице, пропахшей жареным луком и какой-то кислятиной, Кирилл коротко рассказал о Кате. Некрасивый Гриша постоянно влюблялся в свои модели и, как правило, терпел поражение. Лишь маленькая Катя, работница типографии, помогавшая наносить на камень литографии художника, сумела оценить не только достоинство его работ, но и чудесный, веселый нрав Гриши. А когда она, уступив настойчивым уговорам художника, пришла однажды в его студию позировать и свой первый сеанс начала с того, что начисто вымыла пол и вытерла мокрой тряпкой пыль со стен, Гриша был потрясен. Ничего подобного он еще в жизни не встречал! Вот почему, продолжая ухаживать за девушками, он был предан и верен своей подруге, ее одну Гриша с гордостью представил матери и сестре, ежегодно приезжавшим в Москву. На синем почтовом ящике, прибитом к двери Гришиного «чердака», был нарисован белый голубь, в клюве он держал конверт с надписью: «От Катеньки». Кирилл помнил эту надпись второй год — срок немалый для влюбчивого художника!

Дверь на чердак была открыта. Нагибаясь, чтобы не задеть головою мохнатые от пыли стропила, Кирилл вел девушку к светлевшему вдали слуховому окну. От разогревшегося за день железа веяло жаром, как от печи. Лишь взобравшись на крышу, они вздохнули полной

грудью.

— Привет поэту и его музе! — провозгласил Гриша и спрыгнул с трубы, подняв страшный грохот.

Маленькая девушка со смешным, по-детски не сформировавшимся ртом и почти сросшимися на переносице бровями напустилась на него:

— Ненормальный! Свалишься еще...

Ставя ногу на загнутые стыки листов, чтобы железо не так гремело, Лера храбро двинулась по гребню крыши. Нужно было смотреть и под ноги и вверх, чтобы не задеть кресты телевизионных антенн.

В перепачканной красками блузе, с всклокоченной шапкой волос художник в первую минуту показался Лере очень несимпатичным. Но вот веселые лучики морщинок собрались вокруг карих глаз, опущенных такими густыми ресницами, что им позавидовала бы любая женщина, и лицо стало почти красивым.

Лихо крутнув воображаемый ус, Гриша подбоченился:

— Знакомь, Кирилл, сейчас отбивать буду!

В зависимости от настроения художника его «усы» то по-гусарски вздымались вверх, то печально свешивались.

— А это что? — Катя поднесла к Гришиному носу маленький жесткий кулачок.

— Давай без ревности, тигра! При таком чемпионе тяжелого веса, как этот поэт строительной службы, мое волокитство может носить только платонический характер.

Лера, которую Кирилл представил своим шумноватым друзьям, не знала, смотреть ли на них, на московские крыши или на картину, прислоненную к трубе. Она выбрала последнее.

— Поздравляю, Кирилл, у твоей музы есть вкус и художественное чутье. Она не распыляет внимание на жалкую натуру, а вбирает ее в себя в конденсированном виде.

— Молчи, хвастунишка! — оборвала его Катя. — Вы как сюда поднялись, Кирилл?

— С черного хода.

— А я по пожарной лестнице. — Девушка не без гордости показала свои ладошки — они были в ржавчине.

— Она никогда не хвастается, она у меня скромная! — Художник шутливо щелкнул Катю по носу.

Они препирались между собой, как это бывает меж близкими людьми, знающими маленькие слабости друг друга.

А Лера все стояла перед холстом, на котором жила и дышала Пушкинская площадь. Для сравнения она посмотрела вниз, через край брандмауэра: солнце уже не освещало площадь, и в натуре все показалось серым и холодным, меж тем как на полотне слепил глаза яркий июльский полдень.

- У вас лучше, — признала девушка.

Подняв невероятный грохот, художник отбил лихую чечетку. Топнув ногой в последний раз, он объявил:

- Приглашаю уважаемое общество к столу!

Женщины двинулись вперед, за ними шел художник, держа на плече картину — так стекольщик держит свой ящик. Шествие замыкал Кирилл с мольбертом.

В длинной, мансардного типа комнате, освещавшейся через стеклянный фонарь в потолке, царил беспорядок. На обеденном столе рядом с хрустальными бокалами с недопитым кефиром возвышалась гипсовая голова Сократа, на которую кто-то нахлобучил

соломенную шляпу, из расписного украинского кувшина с горлышком в виде лебединой шеи торчал веер кистей, тюбики белил лежали в пепельнице.

Гриша с ходу метким ударом загнал под кушетку выдавленный каблуком до отказа тюбик краплака.

— Простите за беспорядок; Катя только что пришла...

— Ты хочешь сказать, что держишь меня на положении приходящей домработницы? — возмутилась Катя. — Меня, которая весь месяц задерживается после смены, чтобы печатать твои литографии... Ну-ка, приблизься, несчастный!

Подойдя к ней, художник покорно нагнул голову, надеясь покорностью заслужить прощение. Но цепкие пальцы вцепились в его шевелюру, пригнули буйную голову к полу.

— Проси прощения! При всех проси!

— Прошу прощения! При всех прошу! — весело повторял Гриша, мотая головой. — Ай, Катька, знать, она сильна!.. Ой, больно! — неожиданно взвыл он. — Отпусти, чучела типографская!

Расчесав волосы растопыренной ладонью, Гриша заметил:

— Учись, поэт, как заставляешь женщин работать на себя. Ни один парикмахер не может расчесать мою волосню, одних гребешков сколько было поломано, а Катька враз справляется...

Включив пылесос — последнее приобретение хозяина, предмет его особой гордости, Гриша принялся водить соплом по тахте, полу, даже по обеденному столу.

— Никак не могу Гришку к порядку приучить, — ворчала Катя, собирая со стола грязную посуду. — Привык жить в хлеву.

— Это хлев? — Художник выключил пылесос. — Можно подумать, что ты, Катерина, никогда не была на Сельскохозяйственной выставке. Там, голубушка, хлев кафелем выложен. А у меня что? Простая фанера... На тахту, дорогие гости, можете садиться без опаски, я уже обеспылил ее.

Тахта была всего-навсего матрацем, поставленным на четыре кирпича, зато ковер, покрывавший ее, был настоящий, его Гриша привез из командировки в Бухару. На полу были свалены грудой книги, сверху лежали те, которые иллюстрировал хозяин. На гвозде висели рапиры для фехтования, сетчатые маски были нахлобучены одна на другую. И всюду картины, эскизы, наброски. У окошка виселось полотно в полтора человеческого роста, закрытое простыней.

— Это новая вещь, — объяснил Кирилл Лере, как экскурсовод. — Гриша ее еще никому не показывал.

К ним подошел художник.

— А может быть, вас, Лера, музыка интересует? У меня найдется кое-что. От Пятой симфонии Чайковского до Вертинского.

— Спасибо, потом... Я еще не все разглядела...

— Тогда потопали в магазин, поэт!

Присматриваясь к картинам, Лера заметила, что один мотив, Пушкинская площадь, повторяется во многих вариациях.

— А зачем Гриша столько рисует один вид?

Катя, готовившая салат, подняла голову.

— Он вообще псих, я ему давно это говорю. Так хорошо нарисовал эту площадь, а все чего-то недоволен: не то да не так! Одно министерство заказало ему написать новый

высотный дом, все наши надежды на этот заказ.

— Это? — Лера кивнула на большую раму у окна.

— Что вы, там я... — Катя зарделась от гордости. — Четвертый месяц позирую...

Вернулись мужчины со свертками в руках.

— Пельмени... Сосиски... Ветчина... — объявлял Гриша, разворачивая пакеты. — Довольны, Лера?

— Я буду довольна, когда вы вот это развернете! — И она кивнула на раму, покрытую простыней.

— Сие от меня не зависит. — Он показал на хлопчущую Катю, как бы заново представляя ее. — Хозяйка холста.

— О, женщины всегда сговорятся!.. Помочь вам, Катенька?

— Нет, нет, я сама...

Но когда нарезать хлеб предложил Кирилл, Катя тут же согласилась: он был свой человек в доме.

— А я тут без вас, Гриша, выясняла, почему вы без конца изображаете Пушкинскую площадь...

— Выяснили?

— Не до конца.

Художник показал на противоположную стену:

— Что вы видите перед собой, Лера?

— Стену. С видами Пушкинской площади.

— Вот-вот, вы уловили мою мысль... Из окошка моей квартиры видно «только улицы немножко». Вот я и пробил в стенах десяток дополнительных окон своими этюдами. Пусть мои дорогие гости любуются чудо-площадью во всех ее превращениях. Я могу часами наслаждаться ею, для меня она нечто живое и близкое, почти как человек, друг... — Увлечшись, он поделился с девушкой замыслом своей новой работы — «Поэты». — Московский рассвет, который «лучища выкалил»... Пушкинская площадь... В сквере, перед памятником, живой поэт... Ему не спится, он пришел перекинуться словечком со своим бронзовым собратом...

Рассказывал Гриша вдохновенно, он будто даже подрос на ее глазах и похорошел, несомненно. Лера слушала с восторгом.

— Очень интересно! — восклицала она. — Успех обеспечен.

— Только, чур, никому ни полслова! — насторожился он. — Особливо художникам. Это такой народ!..

— У меня, кроме вас, нет знакомых художников. Если считать, что я вас знаю... Гриша, а меня вы когда-нибудь нарисуете?

— Это еще надо заслужить, девушка! — Склонив голову, он смотрел на нее, словно оценивая. — Эх, если б я мог лица писать так свободно, как здания!..

Вошедшая с блюдом салата Катя слышала последнюю фразу.

— Что, что? А когда я сказала тебе то же самое, даже в более деликатной форме, ты как меня назвал?

— Не будем выяснять при гостях наши отношения! — объявил Гриша, подходя к столу. — Прошу всех садиться!

Он налил бокалы и только приготовился к тосту, как в дверь постучали. Художник беспокойно посмотрел на штору: Катя подняла ее, вернувшись с крыши, да так и забыла

опустить.

— Твоя вина, Катька, ты и объясняйся! Кто бы ни был — меня нет дома... Эти черти художники летом не дают работать, прут один за другим, — шепотом объяснил он гостям. — Замечено также, что поток гостей увеличивается, если на столе выпивка.

Но когда в двери позади Кати показалась фигура старика, рисунки которого были известны всей стране по репродукциям, а свиный профиль — по карикатурам, Гриша, забыв все, что он говорил перед тем, бросился навстречу.

- Владимир Илларионович, дорогой, как вы вовремя! Мы только-только бокалы подняли.

— Ты знаешь, какой я питок, Гриша. — Старик тяжело опустился на тахту. — Я не помешаю твоим друзьям?

— Что вы? Здесь только свои... Поэта Кирилла Малышева вы у меня уже встречали. А это его прекрасная муза Лера.

Гриша любил старого мастера графики, который не чурался молодых, выставлял вместе с ними свои работы и неизменно поддерживал их, как член жюри бесчисленных выставок. В свое время старик был другом Маяковского, выпускал вместе с поэтом знаменитые плакаты РОСТА. У него хранилась книжка стихов Владимира Владимировича с авторской надписью: «Волу от Вола». Многие ли могли похвастать такой оценкой совместной работы!

Попыхивая короткой трубкой-носогрейкой, график прислушивался к разговорам за столом, посматривал по сторонам.

— На осеннюю выставку? — Он показал трубкой на картину под простыней.

— Блеснуть, что ль? — Гриша вопросительно взглянул на Катю, та едва заметно кивнула соглашаясь. — Разрешение получено... Эх, была не была! Только предупреждаю: вещь не закончена, прошу быть осторожнее с критикой!

— Трус несчастный! — Катя сдвигала стулья к стене.

Художник установил мольберт на середину комнаты и, отчаянно взмахнув рукой, сдернул простыню.

— Не отсвечивает? — спросил он беспокойно.

На полотне, опираясь на балконную решетку, стояла во весь рост девушка. Бровями ли, сросшимися на переносице, мальчишеским ли ртом была похожа она на Катю, и в то же время это была другая Катя — задумчивая, мечтательная, романтическая. За ее спиной жила Пушкинская площадь, катили машины, у столба с бело-голубой буквой «Т» выстроилась очередь на троллейбус, перед памятником Пушкину бегали дети. Естественно вписываясь в пейзаж, стояла эта простая, рабочая девушка, дочь и хозяйка своего большого города.

— При нормальном освещении вещь будет лучше смотреться, — заметил автор; у него даже уши налились краской от напряженного ожидания.

— А говорил, тебе портреты не даются! — Кирилл с чувством пожал руку друга. — Поздравляю!

— Чудесно! — воскликнула Лера. — Я завидую вам, Катя!

— Чему? — Катя вздохнула. — Попробовали бы вы постоять в одной и той же позе столько сеансов подряд.

Художник ждал, что скажет старый мастер.

— Не худо, не худо задумано, Григорий, хотя я убавил бы неба, а красный цвет дал бы больше в пространстве, — сказал Владимир Илларионович. — И с фигурой еще поколдовать надо, друг мой. Ты руки-то опусти ей, проверь...

— Чую, Владимир Илларионович, чего не договариваете, обязательно проверю. За рисунок вы меня всегда били.

— И буду бить, милый. Рисунок — основа основ. И тем не менее тост за тебя...

Но выпить и в этот раз не удалось — у двери кто-то пробасил:

— А решетка-то кричит! Как ты считаешь, Бобер?

Все обернулись к двери. Там стояли двое: высокий с худощавым мужественным лицом график Бобров (в среде художников его больше знали под именем «Бобер») и обладатель баса, низенький, в очках пейзажист Тишин. Отчаянные спорщики и антиподы в искусстве, они тем не менее были очень дружны и везде появлялись вместе.

— Вот кого я боялся, — Гриша поспешно повернул раму лицом к стене. — С улицы, что ли, услышали запах спиртного?

— С площади, — подтвердил Бобер. — А чего деву прячешь?

— Дуракам полработы не показывают. Вы с дамами раньше поздоровайтесь, невежи!

Извинившись, художники поздоровались с сидящими.

— Если не хватит горячего, сбегаете в «Гастроном» сами, — предупредил хозяин.

— А ну-ка, покажи свой коронный номер, Тиша! — сказал Бобер.

Маленький художник сделал несколько плавных пассивов: «Айн, цвай, драй...» — и вынул из кармана бутылку.

Зазвучали тосты, начались споры, неизбежные там, где собирается больше одного художника. Шумные обвинения в измене (творческой, конечно!) перемежались не менее громогласными объяснениями в любви (к искусству, разумеется!). Обсуждали последнюю статью Грабаря, выступление Коненкова, выставки работ Сарьяна, Герасимова, Дейнеки.

Лера, впервые попавшая в среду художников, понимала далеко не все, о чем говорилось за столом, многие называемые спорщиками фамилии были для нее пустым звуком. И все же это было интересно, а главное — так не похоже на Юлькин «клуб», где собирались люди, лишь околачивающиеся возле искусства. Сейчас она особенно ясно поняла это. Будет что порассказать подруге.

Но вот она взглянула на часы и забеспокоилась:

— Мне пора, Кирюша... Сегодня я должна вернуться вовремя.

— И я, — поддержал он.

При виде поднявшейся пары художники всполошились. Какого черта они, собственно, завели эти бессмысленные споры, в то время как девушка, прекрасная девушка, скучает?! Тишин тут же преклонил перед Лерой колена, поклявшись до конца вечера развлекать ее.

— Этот номер не пройдет! — запротестовал старый график. — И, кроме вас, здесь найдутся мушкетеры!..

Дружный вопль одобрения потряс стены студии.

Художники согласились отпустить молодых людей при одном условии: прощальный «посошок», ту самую бутылку цимлянского, которую принес Тишин, они разопьют на свежем воздухе, так сказать, на Гришиной персональной «ресторан-крыше». Хозяева и гости, не исключая Владимира Илларионовича, ни в чем не отстававшего от молодежи, полезли через слуховое окно на крышу.

Хороша ночная Москва с птичьего полета! Автомобили, удалявшиеся в сторону площади Маяковского, казалось, рассыпали за собой пригоршни красных угольков, а ехавшие навстречу машины подметали мостовую тугими вениками фар. На крыше здания «Известий» выщербленные буквы электрорекламы призывали москвичей пить томатный сок и покупать

затоварившиеся изделия Ювелирторга, Ограждающие огоньки высотных зданий у Смоленской и у зоопарка тлели, словно пастушьи костры на дальних скалах.

— А? Хорошо! — Видом со своей крыши Гриша гордился так, словно это было его лучшее произведение.

Картина ночной Москвы настроила всех на торжественный лад. Владимир Илларионович рассказал, как мрачно выглядел город в голодные годы гражданки, Бобер вспомнил бомбежки, дежурства на крыше... И тост был поднят соответственный: за то, чтобы никогда больше не гасли огни Москвы!

Кирилл был уверен, что проводит Леру до ее дома, но в метро девушка протянула ему руку, прощаясь.

— Здесь мы расстанемся. Вам ведь на Арбатский радиус...

— Я еду с вами! — объявил он решительно.

— Вы должны выспаться, Кирилл... Не сердитесь, но у меня выработалась привычка возвращаться домой одной. И потом... потом вам еще рано знать, где я живу. — Увидя его вытянувшееся лицо, девушка добавила: — Вы можете позвонить мне на работу. — Войдя в вагон, она назвала номер своего служебного телефона.

Может быть, Кириллу надо было вскочить в вагон следом? Но пока он раздумывал и колебался, поезд ушел.

8

Задержавшись у стола Кирилла, руководитель отдела почесал за ухом концом логарифмической линейки, с которой не расставался на работе.

— А где столы-подмости? — спросил он.

Молодой человек смутился. Он не ожидал, что Павел Иванович, рассеянно слушавший его в тот день, запомнит разговор. Как на беду, он за это время не успел заняться подмостями. Чтобы как-то оправдаться, Кирилл рассказал о совке для разгрузки, которым он-де начал заниматься еще до столов-подмостей. Набросав на листке бумаги примерный вид совка, он стал объяснять принцип разгрузки. Павел Иванович слушал рассеянно.

— Что ж, какое-то рациональное зерно во всем этом есть, Кирилл Васильевич. Вес вашего совочка, правда, будет великоват, его и вдвоем не поднять. Впрочем, этот недостаток легко устранить, если сделать что-нибудь в таком роде. — Инженер быстро набросал на полях чертежа облегченную конструкцию совка — без дна и боковых стенок, с одной только передней, как бы загребающей груз. Кирилл с восторгом смотрел на эскиз: и как он сам не додумался? — Но не это, Кирилл Васильевич, смущает меня. — Он подозвал Одинцова. — А вы что скажете?

Поглядев на чертеж, Виктор Алексеевич издал губами продолжительный шипящий звук. — Скажу, что самосвал давно изобретен.

Кирилл смотрел на Одинцова почти с неприязнью. Он не хуже Виктора Алексеевича знает, что существует самосвал. Но есть еще и обычные грузовики.

Блеснув, застыл в выжидательной позе Наденькин козырек. Чертежник Шитиков посмотрел на чертеж и вернулся к своей доске: его, видно, не устраивала такая мазня. Лишь Люда самозабвенно водила рейсфедером по кальке.

— Вы и правы и не правы, Виктор Алексеевич! — Главный инженер решил заступиться

за Кирилла. — Малая механизация еще, ой, как нужна строителям! Не все площадки оснащены техникой так, как наша. А сельское строительство? Совок, предложенный Кириллом Васильевичем, превращает любой колхозный грузовик в самосвал. Я бы обратился с этой идеей — оформив ее, понятно, в чертежи и расчеты — в Министерство сельского хозяйства. У них там свой БРИЗ.

— «Шел я верхом, шел я низом, — негромко напевал Одинцов, возвращаясь к себе. — Повстречался домик с БРИЗом...»

Целлулоидный козырек укоризненно качнулся из стороны в сторону, отчего по потолку забегал зайчик.

Кирилл сунул исчерченный листок в ящик стола. И чего он заговорил об этом дурацком совке? Ни в какое министерство он, понятно, не будет обращаться. У него и времени на это нет.

— Я постараюсь вспомнить, кто из моих знакомых работает по сельскому хозяйству. — Павел Иванович потрепал расстроенного Кирилла по плечу. — Это хорошо, что вы, Кирилл Васильевич, творчески подходите к работе. Но дело не только в том, чтобы снести яичко — нужно еще высидеть птичку. Причем не воробья или там галку, а ясна сокола. — Он говорил почти теми же словами, которые некогда употреблял на лекциях их общий учитель профессор Тарнаев-Тарловский. — Мы с Виктором Алексеевичем подскажем вам добрый десяток «вечных», как их называют строители, проблем, которые ждут разрешения. Например, погрузка и разгрузка сыпучих. Видали, как припудрены места приемки алебаstra? Весьма дорогостоящая косметика!

— С вашего разрешения, Павел Иванович, бункером для сыпучих занимаюсь я, — напомнил Одинцов.

Зайцев шлепнул себя по лбу линейкой.

— Прошу прощения, Виктор Алексеевич, запамятовал... А перегородки? Ведь это ж позор! В век сборных конструкций, в эпоху торжества монолитов мы кладем их допотопным способом по камешку, по кирпичику. А что нужно? Нужны гипсосотовые панели, древесноволокнистые плиты. А для этого нужна — что? — новая технология... Или возьмем шлак для засыпки. В жару от него — пыль, в дождь — грязь, круглый год — неудобства...

Когда раздался звонок на обед, Одинцов задержал Кирилла, давая остальным пройти вперед.

— Рассердились, Малышев?

— За что? За правду?... За правду ведь не сердятся.

— Ого! Именно за правду-то и сердятся больше всего, мальчик мой! Не хочу с вами спорить, покажу кое-что поучительное. Вам, как начинающему рационализатору, это полезно.

Во дворе инженер остановился возле сваленных в кучу железных контейнеров для переноски кирпича. Некоторые рамы были помяты, у других не хватало стенки или дна. Лежали здесь и совершенно новенькие рамы, не бывшие еще в употреблении, однако успевшие заржаветь.

— Что это, по-вашему, Малышев?

— Безобразие! — сказал тот; он и раньше возмущался этим складом металлолома.

— И я так считаю. Теперь представьте себе, что здесь свалено не ржавое железо, а наши с вами мозги. Я понятно выражаюсь? — Взяв Кирилла под руку, он направился к столовой. — Поясню на личном примере. Лет пять назад, когда я только что окончил институт, меня

послали инженером на крупную сибирскую стройку. Там в первый год работы я создал нечто вроде этих контейнеров, а может быть, и более совершенную конструкцию. Скажем, автоматический затвор я решил гораздо проще и остроумней: моя железная клетка, наполнившись, захлопывалась сама.

Помнится, я горел, волновался. Авторское свидетельство получил. Премию за экономию. Не скрою, пройти эти этапы мне было легче, нежели кому другому, — мне воровал родной дядюшка, главный инженер тамошнего треста. Но... Обратите внимание на это вечное «но», Малышев!.. На стройке, где я работал, был свой, местный Драгин. И он, пользуясь тем, что иные шоферы ленились грузить в машины мои «клетки для кирпича», как они официально назывались, постепенно навалил вот такую же, какую мы только что видели, кучу металлолома на заднем дворе. А кирпич по-прежнему грузили навалом.

— Я бы дрался за свою идею! — горячо воскликнул Кирилл.

— Сколько вам лет, Малышев? — спросил Одинцов. — Впрочем, можете не отвечать: двадцать с чем-нибудь. А мне, как сказал ваш любимый поэт, уже «не двадцать лет — тридцать с хвостиком». В ваши годы и я решился. А повзрослев, понял: пока будут «внедрять в жизнь» хотя бы одну мою идею, я успею родить дюжину новых. К слову сказать, и моя «клетка» и эти контейнеры — чепуха на постном масле в сравнении с пакетами Ширкова, которые формируются прямо в печах кирпичного завода. Но и пакеты Ширкова ничто в сравнении с преимуществами метода крупнопанельных конструкций из бетона, на которые мы начинаем переходить.

Вдали показалась семитонка, груженная кирпичом, на котором сидели работницы. У поворота размахивал руками Драгин, показывая шоферу, куда сворачивать. Одинцов усмехнулся.

— Лучшей иллюстрации к нашему разговору не придумать: а воз и ныне там...

Они уже подходили к столовой.

— Нелегко вам работать, Виктор Алексеевич!

— Представьте себе, я нахожу даже удовольствие в том, чтобы сидеть семь часов в нашей, не худшей на свете комнате, среди милых в общем людей и рисовать эти схемы-графики, которыми так гордится Павлуша. Скоро я ему нерукотворный памятник воздвигну своей диссертацией: она целиком построена на работе отдела. А засим до свидания, производство, нас научно-исследовательский институт зовет. К слову сказать, уже сейчас институт дает мне основной заработок.

— А кирпич по-прежнему будут грузить навалом?

— А кирпич будут грузить те, кому сие положено: грузчики. Или, как их метко называет наш общий друг и мучитель Драгин, «двигатели в две собачьи силы».

За обедом Кирилл, быть может, впервые задумался: что же объединяет таких разных людей, как Павел Иванович и Одинцов?

Очевидно, то, что они давно знакомы домами, оба принадлежат к родовой русской технической интеллигенции. Их отцы и деды возводили первые мосты через сибирские реки, строили металлургические заводы на Урале, пробивали тоннели в горах Кавказа. Добрейший, всезнающий Павел Иванович очень нравился ему, но походить все же хотелось на блестящего Одинцова.

Весь день, проходя мимо телефона, Кирилл боролся с искушением снять трубку. Вернувшись после обеда в отдел пораньше, он, не удержавшись, набрал номер Леры. Она сама сняла трубку и сухим, официальным голосом спросила, кого нужно. Как обрадовалась

девушка, узнав, кто говорит!

— До чего вовремя позвонили! Я тут как раз рассказываю сослуживице о Грише и никак не могу вспомнить фамилию того знаменитого старого художника, который был вчера в студии. — Она повторила кому-то названную Кириллом фамилию, а через секунду сказала в трубку огорченно: — Не тот, оказывается.

Кириллу хотелось поскорее увидеться с Лерой, но сегодня она, к сожалению, занята. Завтра — пожалуйста!

Вошедший в комнату Одинцов слышал последние слова Кирилла.

— Она? — спросил инженер.

— Она! — ответил молодой человек не без вызова, сразу поняв, кого имеет в виду Одинцов.

— А почему же свидание только завтра?.. Гм!.. На вашем месте, Малышев, я бы такую девушку не выпускал ни на час из поля зрения.

Кирилл иронически поклонился ему.

— Благодарю вас, Виктор Алексеевич, но...

— ...в таких делах вы привыкли обходиться без советчиков, да? — закончил за него инженер. — И правильно делаете, друг мой! Простите мое непрошеное вмешательство...

Перерыв кончился, сотрудники возвращались в отдел. Разлиновывая бумажный лист, Одинцов вполголоса напевал песенку о девушке, которая свела его с ума. Дальше шел наполовину импровизированный текст, что он-де найдет ее и на дне морском.

Что это: шутка, похвальба, намек? В любом случае Кирилла не сбить с толку. И, принявшись за чертеж, молодой человек бодро засвистел детскую песенку: «Нам не страшен серый волк».

Они так разошлись, что Павел Иванович вынужден был напомнить своим сотрудникам, где они находятся.

После работы все записавшиеся в секцию плавания собрались на «Динамо». Наденька резвилась в воде, как балованный ребенок, дорвавшийся до любимой игры, ее взвизги, не говоря уже об экстравагантном костюме, привлекали всеобщее внимание.

Скромная Люда стеснялась своей шумной товарки и краснела больше обычного. Экскаваторщик Борис Ковалев, плотный, державшийся на поверхности воды, как деревянный кубарь, тщетно пытался «потопить» ловкую, отлично плававшую Полину-крановщицу, Раза два она сама заставила богатыря глотнуть речной водицы.

Лиля Бельская вовсе не думала лезть в воду; она не умела плавать, боялась воды и приехала на «Динамо» лишь затем, чтобы самолично проверить, как соберется народ. А тренеру Шумову было наплевать на то, что она инженер и секретарь комсомольской организации треста, для него это был новичок, чья фамилия стояла в самом начале списка, переданного Кириллом. Не слушая возражений девушки, он загнал ее в мелкий бассейн для начинающих. В купальнике, без очков, Лиля казалась маленькой девочкой с большими испуганными глазами. Но надо было видеть, какой восторг загорелся в этих глазах, когда она, почти не касаясь ногами дна, впервые в жизни проплыла целых полметра!

Оставив своих людей на попечение тренера, Кирилл высматривал среди посетителей водной станции Леру. А когда она появилась, он вообще забыл обо всем. Они сели на открытой веранде «Кафе-мороженое». Негромко играла радиолка, над водой с криком летали чайки, можно было представить себе, что ты на берегу моря.

Лера никогда не была на море, ей так хотелось на юг, и Кирилл уверял девушку, что она

непременно поедет, они вместе поедут если не в этом году, то в следующем непременно.

— А в Италию? — со смехом напомнила она. — Мы ж сговорились вокруг Европы махнуть!..

— И махнем! — сказал он совершенно уверенно. — Другие могут, почему же мы не сможем?

Она только вздохнула.

— Фантазер вы, Кирилл! Неисправимый фантазер!..

А ему в этот вечер все казалось возможным.

Девушка на этот раз не разрешила провожать себя дальше метро, чему он был почти рад: ведь пора когда-нибудь засесть по-настоящему за поэму, для той же Леры это нужно. Странное дело, но именно с момента их знакомства работа не двигалась с места. Кирилл и этому находил объяснение: нелепо писать о любви вообще, тратя слова на абстрактную, выдуманную героиню, когда вот она рядом — живая, прекрасная девушка. Не потому ли трудно взяться за перо, не потому ли на бумаге все выглядит таким неинтересным в сравнении с любым часом, проведенным с Лерой?.. Но все же он преодолеет трудности, напишет, добьется своего... И снова перо выпадало из рук, бессильное выразить чувства, обуревавшие его.

* * *

На работе Наденька взахлеб рассказывала Одинцову о своих спортивных и всяческих других успехах на «Динамо».

— А вот мы сейчас ваше начальство спросим, — остановил поток ее восторгов инженер. — Скажите, Малышев, кто из наших дев пользовался наибольшим успехом?

Чертежница заявила решительный протест: Кирилл Васильевич не может быть судьей. Во-первых, он сразу исчез с водной станции, а во-вторых, с ним была такая красавица, что ни на кого из своих он вообще не взглянул.

— Вот как! — заметил Одинцов безразлично. — Еще вопрос к вам, Наденька: пользуется ли у вас успехом моя схема, которую мы должны сдать во второй половине дня?

Павел Иванович беспокойно покряхтывал и выворачивал шею так, будто воротничок сорочки был сегодня ему особенно тесен. Плавание — вещь хорошая, но в последнее время отдел поругивают за опоздание с чертежами. Пройдясь по комнате, главный инженер остановился перед Кириллом.

— Ну-ка, ну-ка, что у вас тут вытанцовывается? — Взглянув на чертеж, он покачал головой. — Разве это столы-подмости? Это ж славянские шкафы-бегемоты! Мне именно идея стола понравилась. Сколько раз я чинил у себя в квартире перегоревшие пробки, пользуясь кухонным столом, даже если в доме была стремянка. И хорошо, оч-чень хор-рошо получалось!

Кирилл попытался объяснить, как получилось, что он отошел от своего первоначального замысла. Уж больно жидкая, несолидная конструкция оказалась на поверку — этот стол.

— А вы увеличьте сечение стоек! Поставьте для жесткости боковые укосины. Но не перебарщивайте: со столом легко управиться, а с таким бегемотом, — инженер ткнул в чертеж пальцем, — такелажники замучаются. И потом, батенька, что за случайные

габариты? Я бы на вашем месте исходил из простого расчета: в большой секции ставьте по длине три стола, в малой — два, в простенках — один. Вот вам все три измерения!

Подошел Одинцов, скучаяще приложив линейку к чертежу.

— Из теса настильчик? Не скупитесь, Малышев, ставьте дюймовку. Не дай бог, кто из каменщиков загремит...

Последнее время Виктор Алексеевич был как-то особенно любезен, даже, можно сказать, нежен с Кириллом. Уже не раз он помогал молодому человеку в работе, но все это касалось дела. Одинцов и словом не обмолвился, к примеру, что собирается на водную станцию. Велико было удивление Кирилла, когда, приехав на очередное занятие по плаванию, он увидел на трибуне инженера, весело болтавшего с Наденькой и Людой.

— Вы! Вот сюрприз!..

— Виктор Алексеевич просто душа, он нас на своей машине довез, — затараторила Наденька. — Мы и вас, Кирилл Васильевич, искали везде, честное слово! У вас удивительная способность исчезать после звонка, как сквозь землю проваливаться!

Кирилл сбежал от своих сотрудниц умышленно минут за пять до конца работы. Ему нужно было позвонить из автомата Лере, чтобы она приезжала прямо на «Динамо», из отдела он не хотел звонить.

— Плавать будете, Виктор Алексеевич?

— Отнюдь. Даже невооруженным глазом видно, что газетные статьи, писавшие о загрязнении московских водоемов, не лгали.

Среди занятий Кирилл то и дело поглядывал на трибуну: здесь ли Одинцов? Взглянув в третий или в четвертый раз, он увидел, что инженер не ушел; рядом с ним девушка, похожая на Леру. Заметив взгляд Кирилла, она приветливо подняла руку. Конечно, Лера! С ума сойти можно! Надо ж было ей сесть именно с Одинцовым!..

И все стало ясно: вовсе не для того, чтобы подвезти сослуживиц, приехал сюда Виктор Алексеевич. Инженер заинтересовался Лерой еще после той, первой встречи на Садовом кольце, он не мог не запомнить того, что рассказывала Наденька о красавице, с которой Кирилл ушел в прошлый раз после урока плавания. И все же почему они вместе? Почему Лера весело смеется, слушая вежливо склонившегося к ней инженера?..

Шумов не мог понять, что происходит с его добровольным помощником, переставшим давать указания начинающим пловцам.

Одеваясь после занятий в тренерской комнате, Кирилл рассказал другу об Одинцове.

— Так надо отшить его! — объявил Лешка, привыкший к быстрым решениям. — Если тебе нужна грубая физическая сила...

— Силой такие вопросы не решаются. — И все же Кирилл почувствовал себя легче оттого, что поделился с другом, что Лешка, у которого он сам недавно увел Леру, решительно принял его сторону, едва на сцене появился «чужак».

Одинцов вежливо поднялся навстречу подходившим пловцам. Пожалуй, впервые аккуратно причесанные мокрые волосы Кирилла могли соперничать с идеальным пробором инженера.

— Простите меня, Малышев, но я тут без вас познакомился с Валерией Павловной и даже немножко развлекал ее.

— Никто не просил, — буркнул сквозь зубы Лешка.

Одинцов повернулся к чемпиону, любезно улыбнулся:

— Простите, вы хотели что-то сказать?

Кто знает, что ответил бы прямолинейный и резковатый Лешка, если б Кирилл не ткнул друга незаметно кулаком в бок.

— Я не знаю, Малышев, какие у вас с друзьями дальнейшие планы, но моя машина к вашим услугам, — продолжал инженер. — Если у вас нет ничего более интересного на сегодняшний вечер, могу предложить поужинать всем вместе в Химках... Одна проектная организация как раз сегодня рассчиталась со мной за небольшую, но весьма денежную работку. Хотелось бы как-то отметить это маленькое событие с вами и вашими друзьями.

— А как на это посмотрят ваши друзья? — напомнил Кирилл. — Если не ошибаюсь, вы приехали сюда не один?

— Наши милые сослуживицы? — переспросил Одинцов. — Вы ломитесь в открытые ворота, Малышев, я уже пригласил их. К сожалению, Наденьке пора домой, а Люда побежала к телефону предупредить домашних.

Не так-то просто было поддеть Одинцова! Вернулась ликующая Люда, она отпросилась у матери. Инженер, взяв девушек под руки, повел их к машине. Лешка шепнул другу: «Пижонов надо выставлять!», на что Кирилл молча погрозил ему кулаком.

Как выигрывал веселый Одинцов рядом с неудачно острившим чемпионом и вконец помрачневшим Кириллом! Он танцевал с дамами строго по очереди, веселил их в перерыве между танцами, не забывал наполнить рюмки мужчин и сам пил не отставая. А когда пришло время расплачиваться, Виктор Алексеевич решительно отмел поползновения друзей — весьма робкие, впрочем, учитывая сумму счета, — принять участие в расходах.

Люде понравилась роза редкого палевого цвета, стоявшая на столе, и, уходя, она в последний раз понюхала ее, наклонив к себе горшок, Увидя это, инженер сорвал цветок и преподнес девушке.

— Ну, знаете ли! — ахнул Лешка, который хоть и сам был способен на кое-какие мелкие ресторанные подвиги, но до таких высот галантности никогда не поднимался.

Одинцов подозвал официанта и, не моргнув глазом, заплатил названную им несусветную сумму за испорченный цветок. Скромная копировщица, почти не дыша, прижала к груди бесценный подарок. С какой гордостью она посмотрела на Леру!

— Купеческие замашки! — брезгливо буркнул Кирилл, замыкавший с другом шествие.

— А вот в этом ты ничего не понимаешь! — не согласился Лешка. — Это уже высший пилотаж! Клянусь, твой инженер начинает мне нравиться. А вот Лерку я бы на твоём месте не стал с ним знакомить...

Виктор Алексеевич был любезен до конца. Он отвез домой бесконечно довольную вечером Люду, потом на Ленинградском шоссе высадил чемпиона, долго тискавшего ему руку. Повернувшись к молча сидевшей сзади паре, спросил:

— А вас куда прикажете?

— К центру, если можно, — попросила Лера. — Я выйду у метро «Площадь Революции».

Она так и сказала: «я выйду», а не «мы выйдем»... Может быть, это была случайная оговорка? Или Лера умышленно хотела подчеркнуть, что они с Кириллом совсем не одно и то же?

Высадив молодых людей у метро, инженер улыбнулся.

— Счастливо оставаться, дети мои! С завтрашнего дня начинаю учиться плавать, Малышев. Впрочем, как видите, и нырять не пришлось на дно морское. — Подмигнув Кириллу, он отъехал.

Лера недоуменно смотрела вслед машине.

— Что он хотел сказать последней фразой?

— А вас это очень интересует? — Кирилл отлично понял намек Одинцова, обещавшего, правда, только в песне, отыскать и на дне морском полюбившуюся ему девушку. — Могу вас обрадовать: вы его тоже интересуете, и весьма.

Ее брови удивленно поднялись от такой дерзости.

— Тоже?.. Но я не Люда! И вообще я вас, Кирилл, не понимаю: давно ли вы сами расточали комплименты по его адресу?

Что он мог ответить ей? Давно ли Одинцов нравился ему самому, больше того, казался образцом для подражания? А вот сегодня на водной станции и за ужином не понравился. Хотя, если быть объективным, вел себя инженер безупречно. Но можно ли быть объективным, когда в груди шевелится ревность?

Кириллу вспомнилось, как только что в машине девушка, по сути дела, «продала» его. Он стал торопливо прощаться.

— Вы не проводите меня, Кирилл?

— Но вы же привыкли возвращаться домой одна.

— А может, именно сегодня я хочу, чтобы меня проводили...

С притворным неудовольствием пожав плечами, он вошел за Лерой в вестибюль метро. Сегодня он мог бы гордиться собой. Сколько раз он пытался проводить ее до дома, а она не разрешала. И стоило лишь раз проявить характер, как все изменилось. Так вот как нужно обращаться с девушками! Учтем на будущее.

— А вы, оказывается, можете быть другим, Кирилл! — сказала Лера, когда они спускались по лестнице эскалатора.

— Каким?

— Дерзким... даже грубым. Это вам не идет, кстати... Или вы просто решили поссориться со мной?

Слова о том, что они могут поссориться, напугали Кирилла.

— Если б вы знали, Лерочка, если бы вы ведали, над чем я сейчас тружусь! — Он закончил совсем не тем, чем хотел. Но какое все это имело значение, если он ехал ее провожать!

За окном замелькали желтые с разводами колонны станции «Комсомольская». Девушка поднялась.

— А может, Кирилл, вы вернетесь? — Она взглянула на часы. — Больше к центру поездов не будет.

— Плевать! Пройдусь пешком.

— Вот и пришло время узнать все: я живу за городом, в Подрезкове. Поэтому я не могу возвращаться домой поздно. И вам, Кирилл, не удастся проводить меня дальше вокзала.

— А это мы посмотрим! — воскликнул он запальчиво.

По расписанию выходило, что поезда в сторону Москвы еще будут, только Лера не помнила, все ли останавливаются на ее станции. Кирилла не интересовали такие мелочи. Не остановится — не надо, доберемся обратно другим транспортом.

В пустом вагоне он вслух восхищался россыпью огней за окном. Подумать только, как разросся город! Почти четверть часа едут, а все еще Москва... Лера равнодушно внимала его восторгам: ей уже приходилось слышать такое от своих случайных провожатых. Даже Егор Никитич лепетал что-то о подмосковных красотах. А ей и в окно смотреть неохота.

— Вам, Лера, надо переселяться в Москву! — не очень последовательно, но от души заявил вдруг Кирилл.

— Да? Оригинальная мысль. Я обещаю подумать об этом на досуге. — Она закрыла глаза.

Кирилл замолчал. Он смотрел, как в такт вагонным толчкам покачивается голова девушки. Дорого он дал бы, чтобы она могла не ездить вот так ночными поездами! О чем она думает сейчас? Может быть, вспоминает Одинцова. Он-то доставил бы ее на машине, в этом можно не сомневаться.

Лера не разрешила провожать ее до дому. Она живет далеко от станции, Кирилл может опоздать на поезд. Когда светлая фигурка стала таять во тьме, он, опомнившись, помчался за ней. Но раздался свисток приближающейся электрички, и он еще быстрее побежал обратно. Увы, на поезд он не успел.

Была еще одна электричка из Клина, самая последняя. Но Кирилл плохо посмотрел расписание: поезд промчался мимо дачной платформы, не замедляя хода. Вот и Леру не проводил и сам не уехал... Ужасно глупо!

Полночи Кирилл продремал на скамейке, дожидаясь первого утреннего поезда. Поначалу хотел идти пешком хотя бы до следующей станции, чтобы согреться, но стал накрапывать дождик, и он остался на спасительной платформе: здесь хоть навес.

Голубоватый туман поднимался над низиной, меж деревьями чернели дачи, все это было очень красиво, если б вконец продрогший юноша мог любоваться чем-либо. Худая белая коза с тянувшейся позади веревкой подошла к платформе, проблеяла жалобно и снова скрылась в тумане.

Бедная Лера, несладко ей, должно быть, живется! Свою героиню он сделает необеспеченной, оторвавшейся от семьи. Люди, среди которых она живет, не понимают ее запросов. Герой устраивает девушку к себе на стройку крановщицей — а может, в копировальное бюро? — и тут, занимаясь настоящим делом, она узнает настоящую любовь.

Единственное хорошее было в бессонной ночи на полустанке то, что он здорово продвинулся в разработке сюжета своей поэмы. Вещь стала казаться ему такой ясной, что хоть сию минуту садись и записывай.

Трубя под нос что-то призывное, что свидетельствовало о его хорошем настроении, Павел Иванович с маху подписал рабочие чертежи столов-подмостей, которые закончил, наконец, Кирилл.

— Берите, Кирилл Васильевич, Драгина за жабры, чтобы немедленно изготовил пробные образцы.

Когда главный инженер умчался к начальству, Одинцов прицелился в Кирилла свернутым в трубку чертежом.

— Убийца, вот кто вы! — сказал он молодому человеку. — Если помните, Малышев, я не вмешивался в эту возню со столами. Могу доложить, сколько бед вы причинили, точнее, можете причинить, если ваши столики-козлики приживутся. Во-первых, вы начали поход против конструкции, за которую один мой приятель рассчитывал получить премию. Во-вторых, вы заставляете меня вносить коррективы в готовую диссертацию — в ту главку, где

я, не жалея слюней, славлю металлические подмости.

— ...а в-третьих, — прервал его Кирилл, — каменщики скажут спасибо.

— Ой ли! Хлебать щи деревянной ложкой, имея железную?

— Сборно-разборную? Такую, что и не собрать к обеду.

— И я предпочитаю деревянную ложку, — объявил своим скрипучим голосом Шитиков.

— Особенно когда щи с убиной.

Сделав вид, что ей нужен ножичек, Наденька незаметно подсунула Кириллу записку: «В.А. просто завидует вам, не обращайтесь на него внимания. Вы молодец!» Слова «завидует» и «молодец» были подчеркнуты дважды. Лишь Люда, тайком нюхавшая полуувядшие лепестки знаменитой розы, завернутые в папиросную бумагу, была, как всегда, на стороне Одинцова.

Старый прораб наотрез отказался смотреть чертежи:

— По мне и старые подмости хороши, еж вас ешь!

Тогда Кирилл, действуя через его голову, познакомил с чертежами бригадира Петрухина: идея конструкции, по сути дела, принадлежала тому. Каменщик был польщен, что его случайное замечание насчет кухонного стола не прошло бесследно. Поводив по ватману толстым волосатым пальцем, он одобрительно крякнул и направился с техником в контору.

Начальник строящегося объекта Егоров, плотный, крепко сколоченный мужчина, разговаривал по телефону со снабженцем.

— О фланцах ни слова, Пасько!.. Нет, нет, и слушать не хочу... Умри, но фланцы достань... Раньше не возвращайся!

Его помощник Красовский, всегда гладко выбритый, пахнувший одеколоном молодой человек, на замшевой куртке которого синел ромбик университетского значка, заштриховывал очередной квадратик в генеральном плане организации работ, висевшем над его столом. Расцвеченный карандашами чертеж украшал довольно унылое помещение конторы.

Выслушав бригадира Петрухина, он включил микрофон, стоящий перед инженером на столе.

— Старшего прораба Драгина прошу зайти в контору!

Он дважды повторил призыв, и репродукторы разнесли его негромкий голос по строительной площадке. Не прошло и пяти минут, как в контору ввалился Драгин.

— Георгий Николаевич, что с лесом делать будем? — Он тяжело опустился на стул. — Опять не подвезли досок.

Уже с порога поняв, зачем его вызвали, хитрец решил «забежать вперед»: для подмостей требовался дефицитный лес.

— Лес дадим, вчера на базу прибыл целый вагон, — успокоил его Красовский. — Я думаю, Василий Федотыч, для пробы изобразишь три-четыре стола, не больше. — Это была хитрость: столько опытных образцов и требовалось сделать.

— Что ж это получается, товарищи начальники? А еще на семинаре по марксизму учат: история вспять не идет!

— Что-то больно хитро, Василий Федотыч, не понять.

— Ничего хитрого, Георгий Николаевич, проще пареной репы. Судите сами: вот они, — старик кивнул на Кирилла, — еще под стол пешком ходили, когда мои каменщики-мостились на деревянных козлах. Козлы ломались, их заменили железными. А теперь снова-

здорово в деревянный век вертаемся.

- Зови, как хошь, а нам сподручнее, — подал голос Петрухин.

— А перерасход леса на кого писать — на молодого человека аль на тебя?.. Обратно возьмем, — прораб перешел на трагический шепот, — кто под суд пойдет, если что? — Он заметил, что начальник повесил трубку телефона. — Афанасий Петрович, заездили меня трестовские делопуты, еж их ешь!

— А меня, думаешь, не заездили? Опять на совещание вызывают... Ты уж сам решай, Георгий Николаевич.

— Уже решили. Значит, так и запишем, Василий Федотыч: изготовить четыре стола на пробу! — заключил Красовский.

— У меня гулящих плотников нет, все делом заняты, — продолжал ворчать прораб. — Конечно, если прикажете снять с оконных коробок, без которых и так зарез;..

— Нет, с окон не снимайте. Бригада Орлова чем занята?

Зоркий глаз прораба разглядел в окно, что по обрезу стены, на высоте четвертого этажа, идет, словно прогуливаясь, такелажник в полосатой тельняшке.

— Ну, что мне с ним делать, с Филимоновым этим? — печально спросил старик. — Гуляет, как на бульваре, деревня чертова!

Взглянув в окно, инженер склонился к микрофону:

— Филимонов, это вы там разгуливаете? Немедленно сойдите со стены, Филимонов! В последний раз предупреждаю!

Фигурка на стене остановилась: такелажник повернул голову к репродуктору, видно недоумеая, как его разглядел невидимый инженер, и исчез, спрыгнув на перекрытие.

Выключив микрофон, Красовский деловито осведомился:

— В субботу испытываем подмости?

Момент был выбран верно: прораб уже сдавался.

- Денька три нужно, раньше не управиться.

— Хорошо. — Инженер сделал пометку в откидном календаре. — Чертеж возьмете?

- Чего я в ем не видел? Аль не знаю, как узлы вязать? Высота известная, метр с четверть, длина — чтобы три штуки в секции усталились... Пусть глядят в святцы те, у кого башка не варит, а я своей пока в футбол играть не собираюсь...

Ай да Драгин, беглого взгляда на чертеж ему было достаточно, чтобы запомнить основные размеры конструкции! Кирилл уже знал, что прораб, с виду так небрежно относившийся к чертежам, дома по ночам внимательно изучает их, запоминая все наизусть. А память у него была цепкая: он держал в голове не только все промеры и расчеты, но знал по имени-отчеству всех каменщиков и плотников, переходивших за ним со стройки на стройку. Да что фамилия — он не забывал спросить у рабочего, о чем пишет родня из-под Смоленска или из Пензы о видах на урожай, гулял на свадьбах своих орлов-строителей, был крестным доброй полусотни ребят.

Испытание столов-подмостей происходило в бригаде Петрухина. Крановщица Полина Глушко подняла на перекрытие третьего этажа подмости из свежешпахнувших сосной досок, с помощью такелажника установила их в ряд. Каменщики повели кладку. Подмости были как подмости, работа шла обычным порядком.

Для пробы поставили одни подмости на другие; каменщик свободно доставал до верха перекрытия.

— Не придется, Николай Матвеевич, кухню разорять? — спросил бригадира кто-то из

инженеров.

— Кухонный стол что, взял под мышку и понес, — вмешался Драгин. — А с этой кобылой не очень поворочаешься! Кран станет — беда!

— У вас, товарищ Драгин, кран скорее откажет, чем у нас! — крикнул сверху бравый такелажник в тельняшке; до стройки он работал в Московском речном порту, считался артистом своего дела и не любил, когда зря хаяли механизаторов.

Прораб поднял голову.

— А ты помолчи, Филимонов, пока не спрашивают. И слазь со стены, слазь! Разобьешься — тебе ничего, а мне отвечать!

И все же у старика было хорошее настроение. Опуская один из столов на перекрытие, крановщица, прозевав сигнал такелажника, ударила подмостями об угол каменной кладки; боковая распорка перекосилась. Повреждение не смутило Драгина.

— Эта бяда еще не бяда, товарищ техник! — Прораб впервые назвал Кирилла по должности. — Бяда, когда в котелке бурда, а у тебя он, кажись, варит. Набьем железные уголки — и вся недолга. — Со стороны скупого на похвалу Драгина это было признание.

К концу испытаний пришел Николай Проценко, чья бригада соревновалась с петрухинской.

— Все Петрухину да Петрухину! — заворчал он, увидя подмости. — Создают человеку условия — вот он и дает процент!

— Поперед батьки в пекло не суйся! — одернул его прораб. — Выработай, сколько Петрухин, дубовые столы закажу, не то что. — А Кириллу сказал: — Пятнадцать человек, считаю, высвободятся с подмащивания по бригадам. Ня зря, ня зря, значит, на кран лазил, высмотрел кое-что. Как в песне поется: «Мне сверху видно все...» — И тут же, без перехода, накинулся на молодого человека: — Какого рожна вы, начальник, дали заявку только на четыре стола? Жди теперь, когда остальные будут...

Драгин сам отнес главному инженеру объекта заявку на серийное изготовление «столов-подмостей техника Малышева», как они стали отныне именоваться. Для Кирилла это было дороже благодарности в приказе по тресту, которую ему объявили, дороже заметки Павла Ивановича в «Голосе строителя», сообщавшей о ценной инициативе молодого специалиста, даже дороже премии, полученной им в конце месяца за экономию.

Столы-подмости, конечно, не бог весть какая придумка, но не с них ли началась известность Кирилла. Вот он идет по площадке, девушки-штукатурщицы несут носилки с раствором.

— Товарищ Малышев, придумай носилки, чтобы сами нас несли! — кричит девушка побойчее.

Откуда они знают, что он занимается придумыванием чего-то?.. За молодого человека отвечает Драгин, который в таких случаях непонятным образом тут как тут.

— Во-во, придумай им носилки, чтобы сами бежали, а они только зряплату получали да жрали... — Девушки, подхватив носилки, убегают под дружный хохот рабочих у растворомешалки. — Двигатели в две кошачьи силы! — ворчит им вслед прораб: как старый капитан, не терпящий женщин на корабле, он до сих пор не может привыкнуть к девчатам на стройке.

Даже басня Кирилла «Про одного прораба, что выражался неслабо», опубликованная в «Голосе строителя», не испортила их отношений. Наиболее удачные строки из нее к случаю и без случая цитировались на площадке. Передавали, что начальник главка, приехав как-то

на объект, приветствовал прораба словами: «Если Драгин на дороге, унесите, братцы, ноги!»

После опубликования басни автор вначале сворачивал в сторону, завидя впереди длинную фигуру прораба. Но от Драгина не так просто спрятаться, однажды он настиг Кирилла.

— Что это вы вроде бегать от меня стали, молодой человек? Издаля еще вас вижу, а вблизи — никогда. Хочу просить вас стишки переписать, дома показать охота...

— Значит, не сердитесь, Василий Федотович? — У Кирилла отлегло от сердца.

— Ах, молодой человек, молодой человек, быть молодцу не укор! Поработаете с мое — сами поймете: прораб без крепких слов — что печь без сухих дров: не жарит и не варит... Так напишете мне насчет лифтов этих? Хорошо сочинили, в точку!

— Лифтов? — не понял Кирилл. — Каких лифтов?

Хитро ослабившись, прораб погрозил костистым пальцем.

— Будто уж не знаем, кто у нас сочинитель! Здорово вы написали про то, как жили-были дед да баба на тридцатом этаже и как лифт работал слабо, так что оба померли уже... В точку!

Ну и дела, ему уже приписывают чужие стихи!

Кириллу передавали, что его стихотворный призыв, напечатанный на первой странице многотиражки: «Петрухина бригада работает что надо, дает 107 процентов. Вы слышите, Проценко?» — дошел до сердца молодого бригадира. На первой же производственной летучке Проценко, разволновавшись, поклялся «утереть нос» петрухинцам и работать так, чтоб и про его бригаду «песни складывали».

Инженер по безопасности работ с весьма не подходящей к его должности фамилией Беда до тех пор не отставал от Кирилла, пока тот не сочинил и для него несколько стихотворных плакатов: «Не лазай по стене, парнишка! Ты человек, а не мартышка!», «Не стойте под подъемным краном: расстаться с жизнью можно рано» и другое в том же духе.

С первого дня появления Кирилла на стройке его поражало беззаботное отношение иных рабочих к материалам и механизмам. Бывало, дома разобьешь окно или отлетит штукатурка на стене, мать печалится: предстоит непредвиденный расход. А здесь без конца били кирпич, сбрасывая его на землю, били стекла, только что вставленные в рамы. Маляры «крестили» стекла или рисовали на них рожи, чтобы остекленная рама была заметней. Как-то Кирилл сам вырезал из картона трафаретку, изображавшую карикатурно искаженное лицо с надписью поперек: «Не бей! Я стою 25 рублей». Кто-то в шутку сказал Жильцову, что рисовали карикатуру на него, и лишенный чувства юмора предпостройкома запретил ставить трафарет на стекла. Он любил серьезные плакаты, вроде того, что висел на экскаваторе Бориса Ковалева: «Если я час простоял без дела, зря истрачено 32 руб. 50 коп.».

В трестовской стенгазете появился шарж на Кирилла. Курчавоголовый гигант стоит, обнимая правой рукой башенный кран, в другой руке у него зажата, словно лира, бетономешалка. Парафраз из Маяковского гласил:

...Я механизатор
и мотовоз,
стройорганизацией
мобилизованный и призванный...

Даже Одинцов, считавший творчество Кирилла «рифмованным ширпотребом», говорил, что и такая популярность дорого стоит. И разве не стали стыдиться клички «мартышка» самые отчаянные такелажники, не боявшиеся ругани Драгина! Разве каменщики Проценко не выдвинулись на первое место! Не было большей радости, чем видеть, как начинает жить, идет в дело сработанная тобою вещь — будь то прочно сбитые столы-подмости для каменщиков или крепко сколоченная строка.

...Однажды в коридоре Кирилла остановил инженер из проектной группы треста. До сих пор они встречались лишь в столовой; за столиком, где сидел инженер, всегда было особенно шумно и весело. Его лицо, шея, даже лысина были коричневы от загара — он только что вернулся из отпуска.

— Борис Озёрный, кандидат тех наук! — представился инженер, произнося слово «тех», как говорят «этих». — А вы, если не ошибаюсь, товарищ Малышев?

Комитет комсомола треста при поддержке месткома и парткома решил возобновить деятельность сатирического ансамбля «песни и встряски», объяснил Озёрный.

— Как бессменный художественный вдохновитель ансамбля, прошу принять участие в нем.

— Но я не...

— И мы «не»... — отрезал Озёрный путь к возражениям. — Вы, товарищ Малышев, интересуете нас вдвойне: и как автор-сатирик и как представитель отдела, связанного с производством.

— Наш отдел как раз мало занимается производством.

— Прелестно! Вот вам и тема для номера.

Живой, умеющий находить общий язык с каждым, принадлежащий к породе тех людей, которые ради красного словца не пожалеют и родного отца, Озёрный был, кажется, самой природой предназначен для руководства сатирическим ансамблем. Не раз он весело вздыхал: «Ох, не на ту тему я диссертацию защищал! В эстраде мне б цены не было!»

А что за веселый и талантливый народ собрался в субботний вечер в большом зале проектного отдела среди покрытых газетами чертежных столов и досок! Кто мог подумать, что в скромном стройтресте столько разнообразных талантов! Шутки, факты, требовавшие осмеяния, мгновенные импровизации в прозе и в стихах сыпались со всех сторон. Сидевший на председательском месте Озёрный тщетно имитировал звон колокольчика — все так кричали, что нельзя было ничего разобрать.

Лиля Бельская, взявшая шефство над новым «начинанием», то роняла от хохота очки на колени, то, услышав чересчур смелое предложение, хваталась за голову.

— Ох, подведете вы меня, Боб, под монастырь!

Озёрный тут же объявлял:

— Товарищи, поступила внеочередная заявка: «За монастырской стеной». О стиле работы нашей комсомольской организации.

Да, руководителю ансамбля лучше не попадаться на зубок!

— Подсчитаем наличие талантов, — заключил председатель. — Пианисты и музыканты? — Поднялось несколько рук. — Опустите руки, Гилельса выберем среди вас в рабочем порядке. Вокалисты? — За Наденькой потянулись руки нескольких копировщиц. — На квинтет сестер Федоровых хватит. Танцоры?..

Инженер-сметчик с пышной, рано начавшей седеть шевелюрой очень похоже, а главное, зло изобразил своего начальника.

— Только не увлекайтесь, Валя! — предупредил имитатора Озёрный. — В частности, не рекомендуется изображать своих непосредственных руководителей по ансамблю.

На это инженер ответил моментальной импровизацией. Озёрный в его передаче был так похож, что все покатались от хохота!

Председатель с трудом вел шумное собрание к концу.

— Смирнова-Сокольского и Райкина хватит инфаркт, если мы сумеем осуществить хоть часть того, что нами придумано. В следующий раз проведем. смотр сил производителей, которых мы должны, по меткому выражению Лили, «охватить» и «вовлечь».

— Боюсь, что инфаркт хватит в первую очередь меня, Боб. — Бельская протерла очки. — Если меня вообще не уволят.

— Всех не уволишь: нас здесь вон какая могучая кучка! — успокоил ее Озёрный. — Критику нельзя зажимать!.. Да, а где нам взять художника? — вспомнил он. — Прошу порыться в памяти: у кого есть знакомые мастера кисти? Кстати, постройком обещал выделить средства на художественное оформление.

Кирилл сразу подумал о Грише Львове, не раз оформлявшем капустники в МОСХе. И деньги Грише (всегда нужны).

Он позвонил художнику, тот обещал как-нибудь навеститься.

Проходя через несколько дней по территории стройки, Кирилл, к великому своему удивлению, разглядел буйную Гришину шевелюру в застекленной будке башенного крана. Художник рисовал крановщицу Полину, любезничая с ней при этом напропалую.

Он не стал подниматься вверх — доставало им вдвоем отвлекать механизатора от работы — и, дождавшись, когда Гриша посмотрит в его сторону, сделал ему знак спуститься на землю.

— Сейчас, поэт, снижусь до твоего уровня. — Сделав последние штрихи в альбоме, Гриша стал спускаться по железной лесенке. Спрыгнув на землю, он послал воздушный поцелуй крановщице. — Доложу тебе, братец мой, железный характер у девицы! Ни в какую не хочет прийти позировать.

На них смотрели рабочие, Борис Ковалев погрозил крановщице своим богатырским кулаком из кабины экскаватора. Отведя друга в сторону, Кирилл напустился на него:

— Ты обалдел, Гриша? Разве затем я тебе звонил, чтобы ты... Кто позволил тебе ходить по территории стройки?

— Начальство! — Художник вынул из папки бумажку. На бланке постройка рукой Жильцова было написано: «Разрешается бывать на всех объектах». — А ты, медведь, думал, что я только вчера на свет народился?.. Оформление программы ансамбля — эпизод для меня. Я тут такую серию зарисовок сделаю — закачаешься! Уже и название придумал: «Растут этажи...»

Работа в ансамбле по-настоящему захватила увлекающегося любимым живым делом Гришу. Отставив другие дела, как менее спешные, он писал эскизы оформления отдельных номеров, оглашая помещение радостными воплями, если что-нибудь казалось ему особенно удачным. Кате он говорил, что эта работа сулит большие деньги. А когда выяснилось, что постройком сможет оплатить только стоимость красок и материала, художник не бросил ансамбля: его, как всегда, интересовало само дело.

Борис Озёрный, автор большинства номеров программы, вдруг заволновался: где найти красавицу, достойную играть «гвоздевую» сцену, содержание которой он до поры до времени держал в секрете от всех. Он решительно не видел в тресте достойной девушки.

— А если мне сыграть? — предложил Гриша, привыкший выручать товарищей в беде. — Чего ржешь, хуцрук? В капустниках у художников я все женские роли переиграл. В день спектакля побреюсь два раза, как розан стану.

Но Озёрный решительно «не видел» его в этой роли.

Тогда-то Гриша и вспомнил о Лере. Пусть Кирилл пригласит ее, самому будет веселее на репетициях.

Поехав среди дня по делам в министерство, Кирилл завернул в учреждение, где работала Лера. Семиэтажное здание, облицованное розоватым туфом, со сплошной стеклянной стеной окон, было давно знакомо ему. Мальчишкой он бегал сюда с одноклассниками кататься на лифте.

Найти на доске-указателе технический архив и подняться на третий этаж было для Кирилла делом нескольких минут. Гораздо больше времени он прошагал по коридору мимо обитой черной клеенкой двери. Ему казалось, что Лера вот-вот появится.

Дождавшись, когда из архива вышел какой-то старичок, листая на ходу книжку, он решительно толкнул дверь. Сердце его сильно колотилось. Стоя за деревянным барьерчиком у письменного стола, Лера старательно чинила карандаш.

— Простите, можно книжку?.. — он приготовил вопрос заранее, но голос почему-то подвел, шутливого тона не получилось.

Девушка подняла голову, глаза ее расширились от удивления.

— Вы?.. Что вы у нас делаете, Кирилл?

Сидевшая у окна немолодая блондинка, оторвавшись от картотеки, посмотрела в их сторону.

— У меня дела в вашем учреждении, — соврал он.

За стеклянной перегородкой в глубине комнаты стукнуло отодвигаемое кресло.

- Я должна на минутку отлучиться, Мария Михайловна, — заторопилась Лера. — Если кто придет — пусть подождет...

В коридоре она напустилась на молодого человека:

— Думаете, это очень остроумно — просить книгу, не будучи нашим абонентом? Старший архивариус знает в лицо всех.

«Плевать мне на ваших архивариусов!» — подумал Кирилл, а вслух сказал, вытирая лицо платком:

— Ну и жара у вас!.. Задохнешься.

— В нашей комнате еще терпимо... Как вы меня разыскали?

— Зная номер телефона, Лерочка, это несложно.

По коридору, обгоняя их, шли люди. Молодой мужчина нес на вытянутых руках, как самовар на подносе, машинку «Ундервуд», кокетливая секретарша шла впереди, показывая дорогу.

— У меня к вам, Лера, дело. Где мы можем поговорить? Может, на улицу выйдем?

— В рабочее время?.. Не хватает только, чтобы мой начальник увидел меня в окно...

Они дошли до лестничной площадки. В зарешеченной шахте лифта бесшумно, непрерывной чередой ползли кабины: справа — опускались, слева — поднимались. Из одних выходили, в другие входили люди. На молодую пару никто не обращал внимания.

В двух словах Кирилл рассказал о затруднении в ансамбле. Его специально откомандировали, уверял он, чтобы уговорить ее. Без нее срывается главный номер программы.

— Вы серьезно? — Она рассмеялась. — Да что я, артистка?

— Между прочим, вас однажды приняли за нее... Лера, весь наш коллектив просит вас, в смысле умоляет...

— Не знаю, право, — сказала Лера уже менее уверенно, что отметил про себя Кирилл.

— А откуда меня знает ваш коллектив?

Но тут лицо девушки вспыхнуло. Мимо них летящей походкой, не глядя по сторонам, промчался маленький черный человечек с мрачно насупленными бровками.

— Начальник мой, — прошептала Лера. — Мне нужно бежать.

— Он и не взглянул на вас.

— Он всегда все видит, даже спиной...

Кириллу просто не верилось, что она может так испугаться.

Очередная кабина лифта, поднимающаяся снизу, была пуста. Когда ее пол почти сровнялся с уровнем площадки, молодой человек решительно шагнул туда, втянув за собой девушку.

— Куда вы меня везете, сумасшедший? — вырвалось у нее.

— Там видно будет. Подальше от начальского ока... Да, забыл сказать: в ансамбле вы встретите кое-кого из знакомых.

— Кого именно? — поинтересовалась она.

— Секрет. Придете — увидите.

Он имел в виду Гришу, а кем интересовалась она?

Перед глазами ползли этажи — пятый, шестой... На решетчатой стенке шахты вспыхнула лампочка, осветив дощечку: «Внимание! Выше этажей нет — выходите!»

— Надо выходить! — Девушка приготовилась шагнуть из кабины, но он не пустил ее: площадка седьмого, последнего этажа, медленно, уплывала вниз.

— Что вы наделали, Кирилл? — по-настоящему испугалась она. — Надо остановить лифт! Слышите?

Два экспедитора в таких же, как у Леры, халатах, выйдя на лестничную площадку, остановились и проводили удивленными взглядами молодых людей.

— Ничего не случится. — Кирилл, улыбаясь, смотрел на нее в упор. — Работаете здесь целый год, а ни разу «кругосветку» не совершили?! Я еще мальчишкой тут катался.

Над головой застучало колесо, по которому ползла бесконечная цепь с подвешенными к ней кабинами, перед глазами тянулась глухая оштукатуренная стена, в кабине стало темней.

— Ой, страшно!

Кабина качнулась вправо, проходя высшую точку подъема, сердце на миг сладко заныло, и они стали опускаться. Девушка прижалась к Кириллу, ее лицо было совсем близко. Он поцеловал ее крепко сжатые губы.

— С ума сошел! — шепнула она.

И Кирилл еще раз поцеловал раскрывшийся влажный рот.

— Вот я тебя и поцеловал! — объявил он счастливо.

— Молчи! — Она показала глазами вниз.

Экспедиторы в халатах еще стояли на площадке седьмого этажа. Увидев покрасневшую девушку и юношу, они ушли, качая головами: ишь, нашли себе игры!

— Нет, ты действительно сумасшедший, Кирилл!

— Да! — с готовностью согласился он. — И я тебя поцеловал.

— Между прочим, на работе...

— Тем более. — Он очень гордился собой. — Значит, я так и передам в ансамбле: ты согласна.

— Не знаю... А когда репетиция?

Она сдалась, это ясно как день.

— В субботу. Мы собираемся после шести вечера.

- В шесть я только кончаю работу.

— Знаешь, я скажу нашему худруку, чтобы за тобой прислали машину, — пообещал он.

— Пусть нажмет на постройком...

— Ну, это уж совсем не обязательно... Мой этаж...

Они сошли на площадке третьего этажа. Лера хотела уйти, не прощаясь, но он задержал ее.

— Скажи одно: как ты теперь относишься ко мне?

— Отрицательно!.. Оторвать человека от работы, напугать чуть ли не до полусмерти...

Это хорошо, по-вашему?

Она снова обращалась к нему на «вы», быть может, потому, что мимо ходили люди. Но это уже не имело значения: он ее поцеловал. Этого у него никто не отнимет!..

10

Неприятности вдруг посыпались на Кирилла. Началось с Одинцова. Перед началом работы инженер подошел к его столу.

— Должен огорчить вас, Малышев! — сказал он, протягивая свежий номер «Строительной газеты».

В десятистрочной заметке, отчеркнутой красным карандашом, сообщалось об успешном испытании на стройке в Дорогомилове «составных складывающихся подмостей для каменщиков системы инженера Веденеева». Из краткой информации можно было понять лишь то, что подмости комбинированные — из дерева и металла — и что вес их — около 900 килограммов.

— Так что ваши кухонные столики теперь того... — Одинцов надул щеку и ударил по ней кулаком, произведя звук лопнувшего пузыря.

— А вес? — не сдавался Кирилл. — Тонна почти! С такой машиной не очень поворочаешься на перекрытии. А стоимость?

К спору присоединились другие сотрудники: они уже считали малышевские столы-подмости «своими».

— Не понимаю, почему одно отменяет другое? — гудел чертежник Шитиков. — Лучшее не всегда — враг хорошего.

- Правильно, Петр Александрович! Мы должны быть патриотами своего отдела, — поддержала восторженная Наденька. И не совсем впопад заключила: — Вообще никто во вкусах не указчик: кто любит арбуз, а кто — свиной хрящик!

— А кто — деревянный ящик! — Одинцов явно намекал на незамысловатость малышевской конструкции.

Люда обожающими глазами смотрела на своего кумира, за которым и на этот раз осталось последнее слово.

Павел Иванович приехал с совещания в главке в середине рабочего дня, возбужденный и

немножко озабоченный. У стола Кирилла он привычно задержался.

— Чем это вы занимаетесь, Кирилл Васильевич?

Кирилл показал заметку в газете. Он прикидывал, во сколько может обойтись изготовление подмостей системы инженера Веденеева, чтобы доказать Одинцову их нерентабельность.

Павел Иванович недовольно побряхтел:

— К сегодняшнему дню вы должны были...

— ...Закончить схему подъездных путей к растворному узлу, — с готовностью подсказал Кирилл, разворачивая лежащий на столе чертеж. — Еще вчера сделал, Павел Иванович.

- Вчера и нужно было доложить мне.

Бросив мимолетный взгляд на чертеж, инженер тут же нашел какую-то ошибку в схеме и обвел карандашом место, которое нужно было переделать.

— Задержитесь после работы, товарищ Малышев, нам нужно серьезно поговорить. — Он впервые назвал Кирилла по фамилии, тот сразу отметил это. — Ко всем остальным убедительная просьба: не отвлекаться от своего основного дела! Тресту увеличили план капиталовложений. На нас с вами ложатся новые, более ответственные задачи. Можно вас, Виктор Алексеевич?

В комнате стояла напряженная тишина. Петр Александрович Шитиков, еще более мрачный и сосредоточенный, чем всегда, уставился в чертежную доску. Наденька с Людой, многозначительно переглянувшись, склонили головы над бумагой. Одинцов, оставив ручку арифмометра, подсел к столу Павла Ивановича; инженеры вполголоса заговорили о совещании в главке.

Когда Павел Иванович, еще более недовольный, чем до разговора со своим ближайшим помощником, вышел из комнаты, Одинцов поспешил на выручку к Кириллу. Он сразу нашел, в чем ошибка схемы, и подсказал, как исправить.

— Тут от силы на полчаса работы! — успокоил он огорченного техника. — Больше пользуйтесь калькой, Малышев, не чертите сразу набело. Кальку можно сто раз повернуть так и эдак... И не обижайтесь на Павлушку, сегодня ему, видно, здорово набили одно место, — закончил он шепотом.

С какой благодарностью посмотрел на него Кирилл!

После работы он показал Павлу Ивановичу исправленную схему.

— Что это? — не сразу понял тот. — А-а, подъездные пути. Хорошо, оч-чень хорошо! — И отложил чертеж в сторону. — Я вас, Кирилл Васильевич, не только за этим просил задержаться. — Инженер прошелся по комнате. — Понимаете ли вы, что нам предстоит? Почти революция в жилстроительстве. Да, да, я не боюсь этого слова: ре-во-лю-ци-я! Строить лучше, дешевле, быстрее! Дать каждой семье квартиру — вот задача! И она выполнима. — Молодой человек, соглашаясь, кивнул головой. — К сожалению, не все понимают это, далеко не все.

Кирилл был уверен, что инженер имеет в виду Одинцова. А Павел Иванович уже пересказывал выступление ленинградских строителей, тех самых, которые применили вертолет при монтаже ответственной фермы перекрытия. Об этом писали все газеты.

— О чем говорит сей небольшой факт, если рассматривать его диалектически? — спросил Павел Иванович и сам себе ответил: — О том, что в случае нужды нам предоставят любую технику. А мы с вами, простите, уперлись мордой в свои кухонные столики и ни с места!

Щадя самолюбие молодого сотрудника, инженер не рассказал, как смеялись участники совещания, когда один из работников главка, недавно приехавший к ним на площадку для выяснения причин невыполнения плана, в довольно юмористических тонах поведал о деревянных столах-подмостях, как «новом» слове рационализации. Вертолет и деревянные столы — это сопоставление показалось действительно смешным.

— С совещания мы ехали вместе с Разиным, он посоветовал доложить о работе отдела на ближайшем собрании. Не скрою, я предложил выступить Виктору Алексеевичу, он наотрез отказался. Вообще судьба отдела не больно-то волнует его. Так что вся надежда на вас, Кирилл Васильевич.

Кому бы не польстило такое доверие! Но почему не выступить самому Павлу Ивановичу?

— Не умею я публично говорить, Кирилл Васильевич, — честно признался руководитель отдела. — Не умею и не люблю. Конечно, было бы лучше, если бы от нас выступил инженер, но... Из всех наших сотрудников вы лучше других знаете положение дел на площадке. И Драгин к вам хорошо относится. На собрание придут производственники, молодежь, надо рассказать им, чем мы тут с вами занимаемся. Начать можно хотя бы... Вы возьмите карандаш и бумагу, Кирилл Васильевич!

Кирилл поспешно записывал тезисы своей будущей речи. Он постарается, черт возьми, оправдать доверие руководителя отдела. А ответственность велика: он еще ни разу не выступал на собраниях от имени всего отдела.

Павел Иванович, кажется, решил сегодня заночевать в тресте. Отпустив Кирилла, он снял пиджак и сел за расчеты: совещание в главке отняло почти весь рабочий день.

Проходя по коридору, Кирилл увидел свет в помещении сметного отдела. В комнате была одна Бельская, она разговаривала по телефону, сидя в своей излюбленной позе: на полуопрокинутом, державшемся непонятно как стуле. Она сделала знак Кириллу — не то приветствовала его, не то просила подождать.

Перед Лилей горела настольная лампочка, плафоны под потолком были тоже освещены. «Безобразия! — подумал Кирилл, поворачивая выключатель. — А на собрании кричит об экономии... Час прогорели лампочки зря — на электростанции кочегар подбросил в топку лишнюю лопату угля...»

Эту фразу Кирилл впервые слышал в раннем детстве от отца, когда тот, вернувшись с матерью из театра, сердито растолкал сына, заснувшего над книгой; свет в обеих комнатах был не погашен. С тех пор, глядя на зря горевшие лампочки — дома ли это было, на улице или на работе, — Кирилл каждый раз представлял себе усталого, немолодого кочегара, который подкидывает и подкидывает в топку добытый с таким трудом уголь.

Лиля в разговоре произнесла имя Лешки Шумова. О какой это встрече в тресте они договариваются? Кого и в чем может Лешка консультировать? И почему в суховатом голосе секретаря звучат незнакомые, чуть ли не кокетливые нотки?

— С твоим другом разговаривала, — сказала Лиля, кладя трубку на рычаг. — Как по-твоему: не подведет?

Едва научившись держаться на воде, Лиля стала одним из ярких энтузиастов плавания. Она считала, что каждый комсомолец обязан уметь плавать стилем. Несмотря на свои бесчисленные загрузки, комсомольский секретарь не пропустила ни одного занятия на водной станции. Злые языки поговаривали, что ее интересует не только плавание, но и тренер по плаванию.

Ухватившись за случайно оброненную Лешкой Шумовым фразу: «Какие вы строители, если не можете собственного бассейна построить!» — Лиля посоветовалась с проектировщиками. Сооружение зимнего бассейна для плавания планируется лишь в третью очередь. Но разве нельзя строить бассейн без крыши — такой, как у Крымского моста? Это и дешевле и проще. И почему бы не соорудать его методом народной стройки? Если каждый комсомолец треста отдаст стройке хотя бы несколько часов свободного времени — через год у них будет свой бассейн.

— Проектировщики согласились переделать проект в неслужебное время. А Шумова мы приглашаем консультантом-общественником. Он бывал в Венгрии, говорит, что в одном Будапеште десятки открытых бассейнов. Пусть разбередит наших чинуш.

Неугомонная Лиля и сама могла разбередить кого угодно. Как-то она водила Гришу Львова по молодежным общежитиям строителей, демонстрируя аляповатые коврики и мешанские вышивки на стенах. Пусть подскажет уважаемый художник, как воспитать у молодежи эстетический вкус! А теперь вот взялась за Лешку! Но почему его старый, верный друг ни полусловом не обмолвился о своих сепаратных переговорах с Лилей?! При случае Кирилл еще припомнит ему это.

— Если наше начальство не поддержит с бассейном, буду через райком действовать, — заключила девушка.

Нет, Лиля не была бесплодной мечтательницей, ведь и клуб строителей был закончен досрочно после вмешательства комсомола. Кириллу, не остывшему еще от возбуждения после разговора с Павлом Ивановичем, захотелось поделиться с ней тезисами своего будущего выступления.

Лиля слушала, привычно раскачиваясь на стуле. За сильными стеклами очков нельзя было разобрать выражения ее глаз.

— Ты меня слушаешь, Бельская?

— Очень даже слушаю. — Стул секретаря принял устойчивое положение. — Ты послан мне самим небом, Малышев. Выступать от лица одного своего отдела это, прости меня, местничество. Думаешь, наши сметы не нарушаются производственниками? Высчитываем тут каждую копейку, а мастера и бригадиры большие рубли приписывают. Вот и скажи на собрании о приписках и натяжках. Я не знала, кому это поручить — записываю за тобой, Малышев! — И она потянулась за уже знакомой Кириллу тетрадь.

На остановке трамвая он позвонил из автомата Лере. Увы, никто не отозвался, занятия в ее учреждении давно окончились. Тогда он по телефону предупредил мать, что задерживается на работе. Он решил съездить в Подрезково. Правда, он не знал номера ее дома, но направление, в котором ушла Лера в прошлый раз, помнил. Еще светло, может быть, ему повезет и он увидит ее в окне. Как-нибудь найдет...

Через час с небольшим молодой человек быстро шагал по дачной улочке, тянувшейся параллельно железнодорожному полотну. Совсем стемнело, в домах горели огни. У открытого окна одной дачи сидела, облокотившись локтями на подоконник, девушка. Нет, не Лера! Раздраженный женский голос, далеко слышный в вечерней тишине, звал какого-то Владика, уверяя, что ему ничего не будет. «Нет будет!» — упрямо отвечал мальчишеский голосок. Невидимый патефон играл «Хорошее настроение».

Кирилл не нашел Леры. Спрашивать в каждом доме, где она живет, было нелепо; ведь он не знал даже фамилии Лериных родственников, у которых она жила. Вообще глупо было приезжать вот так, наобум.

В низинке у железнодорожной насыпи была свалена куча камня. Осмотревшись по сторонам, не видит ли его кто, Кирилл сбежал с насыпи. Присев возле кучи, он выложил из белых камней по склону большими буквами: «ЛЕРА». Все-таки не совсем зря приехал. Может быть, завтра утром, спеша на работу, она заметит его творчество и тоже улыбнется. Больше ему ничего и не нужно!

На следующее утро Кирилл позвонил Лере. Она очень огорчилась, узнав, что он был в Подрезкове и не нашел ее. Она скучала весь вечер дома и была бы рада ему. Нет, никакой надписи из камня она не видела, она вообще не смотрит по сторонам, когда опаздывает на службу... Пусть он хоть теперь, с опозданием, запишет ее домашний адрес.

Объединенное собрание комсомольцев треста и стройки, созванное по инициативе комитета ВЛКСМ, привлекло не только молодежь — пришли люди всех возрастов. Пристроившись на подоконнике, Драгин пускал махорочный дым в окно. Рядом с Кириллом сидели Павел Иванович и Одинцов, пришедший «изучать нравы».

Бельская предоставила первое слово начальнику треста.

— Думаю, не нужно объяснять, во имя чего мы здесь трудимся, какие задачи стоят перед нами, все вы люди грамотные, знаете последние решения партии о развитии жилищного строительства. Пусть каждый представит себе ясно: выполненный сверх плана процент, всего процент — счастье еще одной семьи, живущей пока что в тяжелых жилищных условиях: — И Разин развернул перед слушателями картину того, что предстоит сделать тресту до конца года и в течение семилетия. Указав, какие отделы работают хорошо, а какие отстают, он призвал комсомол быть застрельщиком соревнования.

— Ты, Николай Антонович, конкретные фамилии назови, — подал реплику секретарь партийного бюро треста инженер Тутельян.

Кирилл безмерно удивился, даже сконфузился, когда Разин, приводя положительные примеры вмешательства проектировщиков в дела производства, назвал по памяти и его фамилию.

— Поздравляю, Кирилл Васильевич! — шепнул Павел Иванович, а Одинцов молча показал юноше оттопыренный большой палец.

Докладчик кончил. Лиля Бельская заглянула в список ораторов, но с места раздалось требовательное:

— Можно мне?

Не дожидаясь ответа, из середины зала к сцене пробирался широкоплечий экскаваторщик Ковалев.

— Давай, Боря, смелее! — подбодрил его кто-то из сидящих.

Выйдя на трибуну, богатырь первым делом залпом осушил стакан воды, не тронутой предыдущим оратором, что вызвало веселое оживление в зале.

— Мы, конечно, люди скромные; если нас не похвалят, мы сами о себе скажем! — После такого многообещающего вступления экскаваторщик рассказал, как была организована работа механизаторов на стройке Волжской ГЭС.

— Не забывай, товарищ Ковалев, — вмешался Жильцов из президиума, — у нас объемы земляных работ не такие, как там.

Оратор повернулся в его сторону.

— У нас и предпостройкома, к сожалению, не такой, как Михаил Александрович Бурматов на ГЭС. Однако вас, товарищ Жильцов, я буду драконить позже. — В зале зашумели, Лиля схватилась за звонок. — Раньше об организации работ. Сплошь и рядом это не организация, а дезорганизация. Вопрос: почему на той неделе двадцать груженых автомашин простояли полтора часа? Ответ: потому что прораб Драгин поставил на разгрузку всего десяток работниц. А какая это, простите меня за выражение, рабсила — девчата?

Звонкий девичий голос выкрикнул из темноты:

— Ты бы помог нам, силач, чем языком болтать!

Экскаваторщик взгляделся в зал.

— Я бы охотно помог тебе, Поля, если бы ты лично меня попросила... Но дело не в том, товарищи, бросит ли Ковалев свой экскаватор, чтобы сгружать машины, или не бросит... И не в том даже, что если бы наши водители были сознательнее, они бы не дымили полтора часа папиросками, а пришли на помощь девчатам... Экскаваторы у нас мощные, башенных кранов хватает, а чем оснащены разнорабочие? Больно смотреть, как махина-подъемник ждет, пока женщины лопатами насыплут песок на носилки и поставят их на платформу подъемника. А где малообъемные механические лопаты? Где электрокары?

Из зала послышались голоса:

— Нужны легкие бульдозеры для зачистки!.. А где бункера для сыпучих?.. Погрузочно-разгрузочные работы пора механизировать...

Тщетно стучала карандашом по графину Бельская, каждому хотелось высказаться. Строители были остро заинтересованы в «малой» механизации, отстававшей от требований жизни.

— Спасибо, товарищи, что поддержали, — продолжал оратор, — а мне позвольте перейти к председателю стройкома товарищу Жильцову, поскольку он сам подал голос. У нас о нем даже песенка сложена: «То плакат несет он в ручках, то призыв во рту несет...» Вот колонна груженых машин час стоит, два стоит, а что предстройкома делает? А он плакат перед головным грузовиком присобачивает: «Ни минуты простоя — это дорого стоит!» Грош цена такой «наглядной агитации», товарищ Жильцов! — В зале было шумно, но экскаваторщик перекричал всех. — Я знаю, вы - меня скандалистом называете, но я горжусь этим званием, потому что так и Маяковский себя называл.

Жильцов сидел надувшись, шея его побагровела, зато начальник треста слушал экскаваторщика с интересом, подавшись вперед всем корпусом, чтобы не пропустить ни слова.

— А за простой машин предлагаю взыскать с конкретных виновников. Прежде всего с Драгина.

— Ишь, какой быстрый! — крикнул с места прораб.

Экскаваторщик сошел с трибуны под гром аплодисментов. В зале поднялось несколько рук, среди них — рука Драгина.

— Товарищи, все получают слово, тут у меня есть ранее записавшиеся. — Бельская посмотрела в список. — Комсомолец Петров, арматурный цех. Приготовиться Малышеву...

Кирилл плохо слышал, что говорит арматурщик, так его взволновало выступление задиры экскаваторщика: забота о «малой» механизации работ входит в обязанности отдела, значит отставание в этом лежит и на его, Кирилла, совести. И стихотворный текст плаката о простом сочинил он по поручению Жильцова. Сейчас плакат казался ему просто нелепым, правильно смеялись над ним в зале. И работа производственно-технического отдела вдруг показалась почти ненужной.

В таком самокритическом духе он и построил свое взволнованное, сумбурное выступление, начисто забыв заготовленные тезисы. Закончил Кирилл заявлением, что хочет перейти на производство, ибо там, и только там, куется победа.

— Ишь, кузнец какой! — усмехнулся начальник треста Разин. — А в отделе кто будет работу налаживать?

Жидкие хлопки проводили незадачливого оратора. Павел Иванович, пряча глаза, пропустил Кирилла на место. Одинцов шепнул ему: «За что же вы Павлушку нашего так, а?» Еще один взгляд — огорченный, соболезнующий — перехватил юноша: это обернулась к

нему Наденька, сидевшая впереди.

А выступления шли своим чередом. Инженер из отдела нормирования труда предложил создать комсомольские посты на ведущих объектах стройки. Молодой бетонщик просил проектировщиков почаще выступать перед строителями с лекциями.

Лиля объявила фамилию очередного оратора, но из ряда пробирался Драгин, задевая костлявыми коленками сидящих.

— Не дают слова — сам возьму! — объявил он, став у сцены лицом к залу. — Очень меня, старика, два молодых человека обидели. Один предложил взыскать с меня штраф за простой машин. Дескать, сукин сын Драгин («Не говорил я этого!» — пробасил с места Ковалев) не дал рабсилу для разгрузки. Отвечу, молодой человек: прежде чем из мухи клопа делать, нужно положение дел узнать! (По залу прошел смешок.) Ня знаю, ня знаю, что тут смешного, товарищи начальники? Это очень даже грустно, когда у нас свой план, а у транспортной конторы, командующей машинами, свой. Прошу их: «Дайте завтра десять машин», — дают две, «Дайте две», — шлют двадцать две. А то намедни ночью пригнали вагон щебенки, когда никто не ждал. Куды ее? Спасибо, сон стариковский короток, сердце почуяло: неладно на площадке. Притопал сюда чуть свет... Все думаю: не приспособить ли раскладушку в прорабской? А то на работу едешь, душа болит: не случилось ли за ночь чего? А вы: штраф!

Голос его дрогнул, но прораб, быстро справившись с волнением, потряс в воздухе записной книжкой в клеенчатой обложке.

— Вот тут у меня записано, кто пригнал машины без соображения с делом и кто за простой вину несет. Но вопрос не в том, с кого убытки взыскать, а в том, как нам быстрее дома под крышу выводить!.. А еще меня другой молодой человек обидел: на производство, мол, хочу! Ну, а где вы сейчас находитесь, на небе, што ль? Или, вы думаете, дело быстрее пойдет, если своими руками машины подталкивать?

Вряд ли прораб мог разглядеть далеко сидевшего Кирилла, но тому казалось, что старик смотрит на него. Он опустил глаза.

— Скажу честно: я к вам давно присматриваюсь, товарищ техник. Нравится вы мне — толковый, начитанный, правильный юноша. Но сейчас, простите старика, не понравились. Зря вы плачетесь, что на бумажке сто раз переправлять приходится: в натуре ведь камень гранит трудней ворочать.

— А как вы, товарищ Драгин, относитесь к созданию комсомольских постов? — спросила Бельская.

— Можно, конечно, посты создать, товарищ начальница! Но стой ты хоть на посту, хоть на мосту — не двинется дело с точки, если на площадке десять начальников и двадцать командиров. Одна голова, как говорится, хорошо, а десять — хуже.

— Ну, это уж вы, товарищ Драгин, лишнее говорите, — вмешался Тутельян. — Коллективное руководство везде нужно.

Старик лукаво подмигнул:

— На собрании и то один председатель. А если б десять, а? Совсем говорить не дали бы...

Драгину хлопали долго и весело, хотя он увел разговор в сторону. Да и вообще собрание стало превращаться в обычное производственное совещание, где каждый говорит о том, что у него «болит», и любая мелочь выступающему кажется самой важной. Пошептавшись с секретарем партийной организации, Лиля предоставила заключительное слово Тутельяну.

Одобрив идею создания комсомольских постов, он предложил именовать их «летучими отрядами»: на посту, как верно заметил Драгнн, полагается стоять, а комсомолу надо действовать, и быстро. Тутельян выразил надежду, что молодежь треста будет активно участвовать в жизни производства. Куда девались листовки-«молнии»? Почему не работают кружки самодеятельности?

— Опоздали, товарищ Тутельян! — крикнул из зала инженер Озёрный. — Сатирический ансамбль скоро такое выдаст...

— Я-то слышал, товарищ Озёрный. А вот знают ли об ансамбле производственники?

Из зала никто не ответил. Оратор повернулся к Лиле.

— Видите, товарищ Бельская, нельзя такое дело втайне готовить, нужно побольше народу привлечь. Я на днях в молодежном общежитии был, там от скуки мухи на лету дохнут.

— Правильно! В ремесленном куда веселей было!.. Верно! — выкрикнули из зала сразу несколько молодых голосов.

- А веселье от нас самих зависит, товарищи! Будем работать лучше — и на душе станет веселей... И не придется проситься на производство тем, кто по самой должности своей обязан каждый день и час печься о нем...

Он не назвал фамилии Кирилла, очевидно щадя его, но молодой человек еще ниже опустил голову. В третий раз за вечер поминали Мальшева, и все наделал его необдуманый отказ от тезисов, которые так старательно продумал Павел Иванович.

11

Антонина Ивановна до тех пор не отставала от расстроенного сына, пока тот не рассказал о своем выступлении. Мать вздохнула облегченно: если даже Кирилл выступил неудачно — судят людей не по речам, а по делам. Что же касается его душевного состояния... У нее, помнится, тоже было ощущение провала после первой ее публичной речи на фабрике.

Лера, с которой он поделился своими сомнениями, сказала, что на месте Кирилла она бы не рвалась на производство.

— Впрочем, я мало смыслю в этом. А как считают твои товарищи по работе?

— Товарищи по работе? — насторожился он. — Кого ты имеешь в виду персонально?

— А кто твой лучший товарищ? — ответила она вопросом.

— Не Виктор Алексеевич! — почти вызывающе сказал Кирилл.

Ему все время казалось, что из всех его знакомых ее интересуется Одинцов. Ведь спросила же о нем Лера, приехав на первую репетицию. Ей показалось странным, что руководители ансамбля на нашли применения человеку с «такими внешними данными».

- Нас больше внутренние данные человека интересуют! — объяснил девушке Озёрный.

Репетиции проходили в клубе строителей. Пока одни участники ансамбля на сцене «отрабатывали» с худруком свой номер, другие занимались «черной работой»: мужчины под руководством озабоченного Гриши Львова малевали декорации, женщины шили новый занавес и костюмы.

Заждавшись вызова на сцену, Лера вышла из клуба подышать свежим воздухом. Над недостроенными корпусами вздымались руки кранов, по дороге один за другим катили

грузовики, шум работ не смолкал, несмотря на поздний час.

На асфальтированном пяточке за клубом стояли легковые автомашины. К одной из них упругим шагом шел мужчина в светлом костюме, он что-то насвистывал, постукивая в такт мелодии по колену теннисной ракеткой. Это был Одинцов.

Лере захотелось спрятаться, но он уже разглядел девушку.

— Валерия Павловна, какой приятный сюрприз! — Подойдя к ней, инженер поцеловал сначала одну ее руку, потом, словно по забывчивости, другую. — Вы участвуете в нашем капустнике?.. Какая жалость, что я не знал.

— А то бы?

— На любую роль согласился. Даже на «кушать подано».

Он сделал еще несколько изысканных комплиментов по ее адресу, но, бросив взгляд на часы-браслет, заторопился. К величайшему сожалению, он вынужден покинуть ее. Ровно в семь тридцать у него свидание на теннисном корте с очень милой особой. Не такой, разумеется, милой, как Валерия Павловна, но... Кавалеру опаздывать не полагается, она по себе должна знать, как это неприятно даме. Но теперь он знает, где ее найти.

«Самовлюбленный хвостун! — с неприязнью подумала Лера. — Зачем он докладывает о своих свиданиях? Я ж не просила его об этом...» И все же на минуту стало грустно, когда инженер, кивнув ей, проехал мимо на зеленой «Волге». Там, куда он едет, конечно, интересней. Почти нелепостью показалось Лере ее участие в чужом ансамбле.

Но стоило ей, вернувшись в клуб, окунуться в ту веселую, немножко бестолковую и, быть может, излишне нервную суету, которая всегда бывает перед премьерой, как все стало на место. Трагически вздымал руки небритый Гриша Львов, моля небо покарать «этих мазил», покрывших гениально задуманную им декорацию вместо берлинской лазури ядовитой синькой. Кирилл, тащивший на себе какую-то дверь, улыбнулся ей. Освободившейся худрук увлек девушку за собой в артистическую уборную; там они вдвоем репетировали свой секретный номер.

Предпоследняя перед объявленным днем концерта репетиция едва не сорвалась. Заболела ангиной студентка консерватории Ада, которую привлек к ансамблю Озёрный. Ошалевший от новой неудачи худрук сидел посреди сцены на табурете, являя своим видом полное отчаяние и покорность судьбе-злодейке.

В полутемном зале переговаривались кружковцы, закончившие занятия в клубе. К ним-то и обратилась с призывом Лиля Бельская, переживавшая не меньше худрука срыв ответственной репетиции; нет ли среди присутствующих пианиста? Велико было удивление Кирилла, когда на призыв откликнулся... Одинцов, забившийся в последний ряд партера. Как попал сюда инженер? Что он здесь делал?

Для любителя Виктор Алексеевич играл неплохо, он быстро подобрал музыку к номерам. И в остальном всех очаровал. Даже для Люды, самозабвенно, хотя и без строгого согласия с мелодией, прооравшей свои частушки, он нашел приветливое слово. А когда «артисты» окончательно выдохлись — шел уже пятый час репетиции — и худрук снарядил добровольцев в ближайший буфет за бутербродами, пирожными и пивом, Одинцов отвез их туда и привез обратно на своей машине.

Лишь на Леру всеобщий кумир не производил больше никакого впечатления. Девушка наотрез отказалась от его любезного предложения довести ее и Кирилла до метро.

— Мы ведь пройдемся, милый, да? — спросила она молодого человека таким тоном, словно вопрос об этом был давно решен.

Кирилл поспешно поддакнул. Они вышли на улицу.

Из промчавшейся мимо молодых людей «Волги» донеслась отчаянная частушка: Люда сегодня разошлась, как никогда.

— Боже мой, что за резкий голос у этой толстухи! — поморщилась Лера. — И есть люди — неискренние, по-моему, люди, — которые ей рассыпают комплименты.

— На этот счет у нашего худрука собственная теория. Он считает, что комплименты и аплодисменты — единственная зарплата самодеятельности, чего же их жалеть? — Кирилл подумал, что, может быть, Лера нервничает от неуверенности в себе как актриса. — Кстати, Озёрный тобою очень доволен.

— А мне все страшнее, Кирилл. Вся моя роль — каких-то два слова, но если бы ты знал, при каких обстоятельствах я их произношу, ты первый отговорил бы меня выступать. Сказать?

— Н-нет, лучше уж не говори! — Как ни хотелось Кириллу узнать содержание таинственного номера, он был членом коллектива, заинтересованного в участии Леры.

В полупустом вагоне девушка прижалась к нему. Ей так хорошо с ним! Кирилл улыбнулся.

— Хочешь, я скажу тебе один секрет, Кирюшка? — шепнула Лера ему на ухо, словно кто-то мог их услышать. — Если хочешь нравиться девушкам — всегда улыбайся! У тебя такая хорошая улыбка.

Всю обратную дорогу он улыбался, вспоминая ее слова. Бледная, усталая контролерша метро, отрывая корешок билета, удивленно посмотрела на него, и Кирилл постарался напустить на себя глубокомысленный вид. Дома он первым делом подошел к зеркалу: улыбающийся верзила глядел на него.

* * *

Субботний вечер. Новый клуб строителей переполнен. Самые молодые зрители, недавние ремесленники, еще до звонка расселись прямо на полу перед сценой. Первые ряды были забронированы для руководства треста, для гостей из главка и из министерства. Многие сотрудники пришли с женами.

Прораб Драгин вышагивал по фойе рядом со своей дородной седой подругой. Тем, кого он знакомил с ней, не ленился объяснить, что его Надежда Степановна — депутат райсовета, не чета ему.

Припарадившийся Павел Иванович привел свою хорошенькую миниатюрную жену. Перед началом концерта она так кокетничала с Одинцовым, что ввергла в великое уныние Люду, всю ночь шившую специально для концерта новое вечернее платье.

Прямо из типографии, не успев переодеться, приехала Катя: художник не простил бы ей, если б она не оценила его оформление.

И вот пополз занавес: оживление прошло по залу. На фоне декорации, изображавшей город из светлых, высоких, многооконных домов, выстроились участники ансамбля. Необычна была их поза — спиной к зрителям.

Из-за кулис вышел Озёрный, ведущий программу.

— Вас, товарищи зрители, наверное, удивляет, почему ансамбль выступает в несколько необычном виде, повернувшись к публике своим, так сказать, задним фасадом? Дело в том,

что большинство членов нашего ансамбля — работники треста, а так как трест до сих пор еще не повернулся лицом к производству.. — Конец объяснения заглушили смех и аплодисменты.

Хор все-таки повернулся к зрителям — сидящие в зале увидели знакомые улыбающиеся лица — и запел. После протяжной «Летят утки...», переделанной на «Летят сроки...», шла лихая «Песенка прораба», затем веселые, с танцами «Частушки-архитектушки». Имитатора заставили повторить его номер дважды, а участники «балета совместителей» едва стояли на ногах, столько их вызывали. Для большинства сотрудников треста неожиданностью явилось выступление чертежника Шитикова в роли фокусника. Он жонглировал тремя картонными макетами домов, вытаскивал изо рта полрулона кальки, держал на носу стул, причем делал все это со своим обычным, мрачно-невозмутимым видом, что вызывало дополнительное веселье зрителей.

— Вот так они и работают! — прокомментировал выступление конференсье, имея в виду уже не Шитикова-фокусника, а Шитикова — работника одного из наиболее отстающих отделов треста.

Номера шли один за другим, и каждый раз, когда занавес открывался вновь, в дырочках-окнах вспыхивали огоньки, показывая, что еще один новый жилой корпус вступил в строй.

Напрасно Лиля беспокойно смотрела сквозь дыру в занавесе на Разина, на Тутельяна, на товарищ из главка — всем программа нравилась. Даже Жильцов, вначале вытиравший, обильно выступивший на лбу пот, томно обмахивался платком, видя успех «начинания», поддержанного постройкомом.

Кирилл, написавший текст двух пародийных песенок, участвовал в программе и как чтец: он исполнил свою басню «Дом, который построил Трест». У всех в памяти были зловключения с корпусом № 5—6, который строил трест, поэта вызвали на «бис». Вздурораженный успехом, он решил прочесть монолог «Живи влюбленным!», написанный им перед концертом. Как многие авторы, он считал свое последнее, еще, так сказать, неостывшее творение самым лучшим.

Борис Озёрный, нюхом чувствовавший настроение аудитории, вполголоса предупредил чтеца:

— Только покороче, Кирилл: народ смеяться хочет!

— Не подведу, Боря!

— У меня сегодня с утра хорошее настроение, товарищи, — задумчиво начал Кирилл. — И я все думаю: отчего?

— Сто граммов натошак выпил, — пробасил кто-то в углу.

Раздались смешки, шиканье. Предпостройкома приподнялся в первом ряду и погрозил пальцем невидимому нарушителю тишины. Выждав паузу, несколько смущенный чтец продолжал свое стихотворение в прозе о молодом человеке, вставшем вместе с солнцем, о деревцах под окном, подросших за ночь на вершок, о корпусах, поднявшихся на целый этаж...

— Не слишком ли быстро?! — пробасил тот же голос.

Тут уже многие в зале рассмеялись, узнав голос экскаваторщика; Ковалев нарочно басил. Была суббота, люди пришли в свой клуб повеселиться, начало концерта оправдало их ожидание. Зрители и от Малышева ждали чего-то веселого.

А Кирилл, мысленно посвящавший свой лирический монолог Лере, которая стояла где-то рядом, за кулисами, запнулся: читать ли дальше? Слова, казавшиеся ночью, в тиши его комнаты, такими взволнованными и убедительными, падали в зал, как дождевые капли в

песок — без отзвука.

Облизав пересохшие губы, он храбро продолжал, на ходу сокращая текст. И все равно его слушали все хуже и хуже. Зал чуть притих, когда чтец перешел ко второй, полусатирической части монолога. Теперь он говорил о другой любви — любви не к знаниям, а к званиям, любви потребительской. Он помянул не нужную никому диссертацию о нужных механизмах, явно целя в Одинцова.

Прораб Драгин печально кивал головой, губы его, казалось, шептали: «Верно, молодой человек! Прожги их, делопутов проклятых!» Старик первый захлопал ему, и зал поддержал прораба.

Прочти Кирилл свой монолог в начале концерта, не посреди веселых номеров — успех был бы неизмеримр больше!

— Молодец, я думал, вовсе не вытянешь! — Поощрительно похлопав по плечу потного чтеца, Озёрный побежал объявлять следующий номер.

Лиля Бельская ураганом налетела на Кирилла. Больше всего ей понравился лирический монолог. Жаль только, что он сам себя обокрал! Нужно устроить специальный молодежный вечер под девизом: «Живи влюбленным!» В понедельник она поедет в райком договариваться об этом.

— Потом, Лиля... Позже поговорим...

Вытирая платком пот со лба, он высматривал Леру. На сцене выстраивался хор, помреж грозил кулаком механику, не опустившему вовремя декорацию. Девушки не видно. Неужели та, которой посвящался монолог, не слышала его?

Кирилл нашел Леру у дверей артистической уборной. На ее плечи был наброшен мужской плащ, из-под него выглядывали ноги в балетных туфельках.

— Счастливый, отмучился уже... — сказала она. — А я так волнуюсь, так волнуюсь... Ужасно пить хочется.

Он хотел идти за водой, но к Лере уже спешил Одинцов с бутылкой нарзана. В черном костюме и с галстуком бабочкой, с блестящими от бриллиантина волосами, он выглядел спокойным и уверенным в себе — настоящий артист среди любителей.

— Очень хорошо, что вы, Малышев, пришли. Помогите мне убедить Валерию Павловну, что зрители не кусаются...

Черт побери, и Одинцов не слышал его монолога! Не стал бы он так добродушно разговаривать с ним, если б слышал. Поставив нарзан на крышку рояля, инженер отошел в сторонку, чтобы не мешать их разговору.

Девушка взяла Кирилла за руку, пальцы ее были холодны.

— Не уходи, пожалуйста! Я так боюсь...

К ним уже спешили озабоченный Озёрный с помрежем.

— Пора гримироваться, Валерия, парикмахер ждет... — Когда девушка ушла с помрежем, Озёрный взмолился: — Кирилл, на вас с надеждой смотрит весь мир. Выручайте! Хотите, от имени ансамбля стану перед вами на колени?

— Что случилось, Борис?

— Нет, раньше дайте слово, что согласны. От вас зависит спасение гвоздя программы.

Оказывается, два участника ансамбля — экскаваторщик Ковалев и незнакомый Кириллу десятник, согласившиеся изображать «дойную корову породы Мосжилтрест», выпили для храбрости и пришли за кулисы в таком виде, что от их услуг пришлось отказаться. Оба исключены из списка членов ансамбля, их поведение будет разбираться на стройке,

но... срывается лучший номер программы.

— Нет, нет, — решительно запротестовал Кирилл, знавший содержание номера. — К тому же я не репетировал...

— Побойтесь бога, Кирилл! С вашими-то способностями?! Без репетиций отгрохал такой моноложище, а тут... — патетически восклицал Озёрный, подталкивая его вперед. — Вас Гриша ждет.

Всклокоченный больше обычного, художник хлопотал возле распряленной на стульях коровьей шкуры из папье-маше в крупных оранжевых яблоках. Он привязывал к коровьему животу вымя из вареных сосисок. По ходу действия субподрядчики должны были сначала «доить» покладистую коровку, а затем в нетерпении обрывать соски и тут же отправлять их в рот.

- И тебя, Гриша, втравили в это грязное дело?

- Грязное? — Художник показал чистую изнанку шкуры. — Реквизит ни разу не надеванный. Вы идите, идите, Боря, поэта я беру на себя...

Конферансье убежал. Кирилл присел на край стула.

- И не надейся, Гриша! Я не буду играть корову!

— А ее и не надо играть. Номер самоигральный, верь мне. Напьем на себя шкуру, немножко потопчемся по сцене — и вся недолга. У меня тут одна гениальная идея появилась: для большего сходства с натурой мы засучим брюки до колен.

А Кирилл все еще колебался. Не хватает теперь, чтобы сотрудники узнали его в еще одном качестве.

— Никто нас не узнает, не бойся! Разве что Катька разглядит мои волосатые конечности... Ты посмотри, что у меня припасено. Берег к концу вечера, но для такого случая не жаль.

Они выпили по глотку из бутылки, припрятанной предусмотрительным художником. Видно, уж таков был этот проклятый номер, что никто не решался его играть без предварительного поощрения.

На сцене меж тем установили макет районной бани с роскошным, отделанным под мрамор подъездом с колоннами, лепными панно на стенах, изображавшими различные стадии мытья головы, спины, ног. Номер назывался «Банька с излишествами».

Из артистической уборной вышла тоненькая фигурка в плаще. Парикмахер продолжал на ходу пудрить большой пуховкой волосы девушки, завитые мелкими колечками. Лицо ее было бело как мел: пристроившийся у кулисы Кирилл не сразу узнал Леру.

— Ваш выход, Валерия! — позвал Озёрный.

Поколебавшись немного, девушка скинула плащ: на ней было белое трико, туго обтянувшее стройную фигуру. У Кирилла потемнело в глазах: Озёрный сошел с ума, честное слово!

— Ой, как страшно! — прошептала Лера, закрывая лицо.

Помреж сунул ей в руку плотный бумажный блин, Озёрный помог войти на пьедестал и принять позу дискоболки. Словно опасаясь, что девушка может раздумать, он скомандовал:

— Занавес!

Кирилл стоял совсем близко, он видел, как дрожит вытянутая рука дискоболки, кап пульсирует жилка на белой шее. Ему было жаль Леру и немножко стыдно за нее.

Зрители разглядели на пышном фасаде вывеску: «Банька № 1». Одни хохотали, другие говорили: «Это вчерашний день». Кто-то заспорил с соседом: живая скульптура у входа или

макет?

Неутомимый Озёрный, изображавший на этот раз автора проекта бани, с удовольствием рассматривал свое детище в натуре. Он даже смахнул платком пылинку с ноги дискоболки. Но заказчик — его играл имитатор Валя — отказывался подписать акт приемки. Мало того, что оформление фасада обошлось дороже, чем стоила по смете вся баня, — к моечной забыли подвести воду, не было душей, в предбаннике стоял холод.

— Зачем мне колонны? Девица при чем? — недоумевал он.

— Колонны органически вписываются в окружающий ансамбль, а скульптура логически выражает идею сооружения: в здоровом теле — здоровый дух! Неужели не ясно?

— Это излишества! — не сдавался заказчик.

И тогда прекрасная статуя ожила. Девушка выпрямилась, открыла глаза, казавшиеся еще больше на белом лице, и, звонко шлепнув себя по бедру, произнесла свою единственную фразу:

— Это излишества?!

По замыслу Лера должна была запустить в заказчика диском, но, размахнувшись слишком сильно, бросила его в зал. Диск угодил в сидевшего в первом ряду почетного гостя, архитектора Рудника. Какое ликование тут поднялось! Все знали, сколько наплодил он за свою жизнь дорогостоящих излишеств.

Занавес опустился. На сцену с недовольным видом поднялась Лиля Бельская. На ее лице было написано: «Ну, это уж слишком!» А за кулисами все поздравляли друг друга.

— Гениально, Валерочка! — Озёрный тряс руку девушки. — Последний штрих особенно удался: не в бровь, а в глаз.

Согнувшись в три погибели, проклиная все на свете, Кирилл напялил на голову коровью морду. Низкорослый Гриша подлез под шкуру, примостился сзади. Правую руку он положил на плечо друга, в левую взял хвост, которым полагалось помахивать на ходу. Им сразу стало жарко в тесной оболочке. Кирилл ничего не видел: щели для глаз были прорезаны слишком узко.

Под звуки популярной песенки из фильма «Бродяга» — «Раз, два, три, на меня ты посмотри...» — четыре полуобнаженные ноги не в такт затоптались по сцене. За кулисами собрались участники ансамбля, изображавшие субподрядчиков, они ждали сигнала помрежа, чтобы начать «доить» добрую трестовскую коровку. Но то ли шкура из папье-маше была непрочна, то ли Гриша, далеко выбрасывавший в стороны свои волосатые ноги, зацепил за что-то, только вдруг корова развалилась на две половины. Ослепленный ярким светом, оглушенный криками «браво», потный и красный Кирилл пополз на четвереньках за левую кулису, меж тем как художник спешил спрятаться в правой.

— Би-ис! Коро-ову! — кричали из зала.

В ответ на просьбы зрителей сообщить, кто «играл» корову, вероломный Озёрный сказал, что он уполномочен объявить от имени ансамбля: ни техник Малышев, ни художник Львов к номеру с коровой отношения не имеют. В зале захлопали еще сильнее.

- Я никогда не прощу вам этого, Борис! — Кирилл освободился, наконец, от остатков коровьей шкуры.

- Вы ничего не поняли, Кирилл: корова забила всех, даже прекрасную Валерию. Она — гвоздь программы!

Это было глупостью, мальчишеством, чем угодно, но Кирилл, не попросившись ни с кем, оставив Леру, удрал черным ходом из клуба. По дороге он выпил две кружки пива и

домой вернулся в таком воинственном настроении, что даже Варя не решилась с ним заговаривать.

Кирилл так и не узнал, как отличился Гриша, исполнявший еще и женскую роль. В вечернем платье и белокуром парике художник был весьма эффектен, зрители лишь не могли понять, почему носатая блондинка вдруг начинает ни с того ни с сего подкручивать воображаемый ус. А какой энтузиазм вызвал заключительный гимн строителей, исполненный участниками ансамбля, выстроившимися на фоне прекрасного горящего огнями города! Все в зале поднялись с мест и начали подпевать хору.

...Всю ночь Кирилла преследовали кошмары: громадный бык подхватил рогами гипсовую статую, а та смеется, потому что это вовсе не статуя, а Лера — живая, обнаженная. Кириллу страшно, что животное может проткнуть девушку рогами. А бык, уставив копыта в бока, — нагло хохотал приговаривая: «Гвоздь программы!» И Лера, привстав на колени, тормозит Кирилла: «Гвоздь, гво-оздь, гво-о-оздь!»

Это Варя тормозила брата, смеясь и приговаривая:

— Кирястик, к тебе гость! Гость, проснись! Го-ость!..

Приподнявшись, он увидел входившего в комнату Гришу.

— Куда ты вчера пропал? — напустился на него художник. — Я не знал, как успокоить Леру, когда она поняла, что ты удрал. И зря, кстати: наша корова первым номером прошла.

Кирилл поморщился: он не хотел говорить об этом. К тому же у него болела голова.

— Долго вы там пробыли?

— Часов до трех отплясывали. — Гриша подкрутил предполагаемый грузинский ус. — Ваш покорный слуга имел бешеный успех.

- Леру ты проводил?

Художник смешался.

- Вот из-за этого я и пришел к тебе. Никого провожать я не мог, поскольку на мне висела ревнивица Катька... Но ты не волнуйся: Леру отвез на своей машине милейший Виктор Алексеевич. И нас с Катей доставил до дому.

Кирилл даже зубами скрипнул от досады: опять Одинцов.

— Советую немедленно ехать к Лере и извиниться. Так и Катя считает — она погнала меня к тебе за этим.

- Спасибо!.. Я сам знаю, что мне делать.

- Ни черта не знаешь, если бросил ее вчера! А уж как она на сцене хороша была!.. Мрамор оживший... — Задумчиво почесывая заросший подбородок, он рассказал другу о разговоре с председателем стройкома.

Жильцов, объяснившийся после вечера художнику в любви, официально предложил ему место воспитателя в молодежном общежитии строителей.

- Что, что? — до Кирилла дошел смысл сказанного. — Ты, вольный художник, переквалифицируешься в воспитателя?!

— А художник, если хочешь знать, и есть первый воспитатель эстетического вкуса молодежи! Еще неизвестно, кто в большем выигрыше останется от этой комбинации — строители или я сам. Жить среди героев моей будущей строительной сюиты, полными пригоршнями черпать прямо из жизни сюжеты!.. Ты представляешь себе, какую чудовыставку я отгрохаю через годик-полтора?! Мои коллеги по МОСХу будут локти кусать от досады, что не додумались до такого...

Гриша оживился. А разве помешают занятиям живописью те семьсот-восемьсот рублей,

которые он будет получать ежемесячно? Это значит халтуру побоку, это значит не думать каждый день о куске хлеба... И квартиру со временем, возможно, дадут — Жильцов и на это намекал. Квартиру с удобствами в новом доме. Это тебе не пыльный чердак, где так трудно наладить настоящую семейную жизнь. Надо же и о детках когда-нибудь подумать...

— Ты слушаешь меня, медведь?

— Прости, не слушаю! — сознался Кирилл.

— Ладно, тебе надо ехать к Лере. И мне пора бежать. Моя Катька небось рвет и мечет, куда я провалился. Она ж поручила мне кефир купить. Где у тебя тут поблизости молочная?..

Было ослепительное утро, когда Кирилл вышел на улицу, но ничто не радовало его. Он брел, не разбирая дороги, и вышел к Октябрьскому вокзалу. В два ряда стояли женщины с цветами. Он купил букет гладиолусов.

Будь что будет, а он поедет к Лере и прямо спросит ее: любит она его или нет? Разумеется, то, что произошло вчера, не слишком приятная предпосылка для такого разговора. Он читал где-то, что самое страшное — предстать перед любимой женщиной в смешном свете... Ну, а в каком виде сама она предстала перед залом? Гришке нравится, он художник, привык к натурщицам. Однако зал клуба строителей не студия живописца!

Или нет, он не станет упрекать ее ни в чем. Даже в том, что она уехала с Одинцовым. В конце концов инженер помог ей добраться до дома. Завтра он поблагодарит Виктора Алексеевича.

Трясаясь в вагоне электрички, он чувствовал себя одиноким и брошенным. А что, если Лера рассердилась на него?

В палисаднике перед Лериной дачей росли гладиолусы — белые, желтые, всех цветов и оттенков. Кирилл с огорчением взглянул на букет, который нес, придерживая у бедра, как кортик: нижние распустившиеся бутоны успели привянуть. Везти цветы за город было верхом нелепости, дарить такой букет просто невозможно; Кирилл сунул его в первую попавшуюся дыру в ограде.

На крыльцо вышла женщина с тарелкой в руках, она сыпала на землю пшено, приговаривая: «Цып, цып, цып!» И тотчас же из ближней клумбы выкатились желтые попискивающие шарики.

По дорожке, усыпанной песком, Кирилл направился к ней.

— Скажите, пожалуйста, Лера Удалова здесь живет?

Женщина подняла голову, ее лицо осветила радушная улыбка.

— Здесь, здесь... Только она еще спит, лентяйка, сейчас разбужу... Я ее тетя, будем знакомы!

Представившись, Кирилл решительно воспротивился предложению будить Леру: пускай спит, сегодня воскресенье. А вот если она соберется вечером в город, пусть позвонит ему.

— Зачем уезжать, коли вы уже здесь? Попьете с нами чайку с малиной... Вадим Никанорыч! — крикнула она не замеченному Кириллом толстяку в белой детской панамке и сетчатой майке, возившемуся с лопатой у ограды. — Брось ты, Христа ради, лопату, завтракать пора... Не думайте, молодой человек, что он всерьез садовничает — просто жир сгоняет...

Кириллу вдруг представилась вся нелепость его положения. Вчера бросил Леру на произвол судьбы, сегодня прикатил с утра пораньше, чтобы распивать чай с ее родственниками. А если она не простила его?.. Тут он увидел картину, заставившую его окончательно смутиться: толстяк наткнулся на злополучный букет и с удивлением

рассматривал свежие еще цветы, непонятно как оказавшиеся на территории дачи.

Распрощавшись с Лериной теткой и пообещав, что, может быть, зайдет попозже, Кирилл удалился быстрым деловым шагом. Лишь дойдя до станции, он опомнился: спешить было некуда. По насыпи прошумела электричка, оставив за собой взвихрившийся хвост из пыли и бумажек. Сотрясая землю, проехал товарный поезд, серый паровозный дым окутал Кирилла, словно облако, мелкие частицы сажи секли лицо, садились на волосы. Возвращаться в Москву, не повидав Леру, было бессмысленно, идти второй раз на дачу как-то неловко. И все наделала его дурацкая робость!

Он прошел вдоль главной дачной улицы, постоял у витрины пристанционного продуктового магазина, долго разглядывал выцветшие карточки на рекламном щите фотографии. Молодые люди в ослепительно белых кашне, с бритыми бровями предлагали вежливо друг другу прикурить папироску. Кудрявые, как болонки, девушки выставляли напоказ левую руку, чтобы были видны часики. Полная пожилая дама в купальном костюме, распялив пальцами в ямочках ожерелье из поддельного жемчуга, лукаво, как девочка-плутовка, смотрела в объектив...

За станцией, в запруде, под наблюдением воспитательниц купались детдомовские ребята. Вода была мутная, глубина — небольшая, но восторг ребят полный... Визг, смех, всплески...

Давно ли он пионером уезжал на все лето в лагерь! В Красной Пахре они так же купались на речке, когда из-за кустов, где плавали девочки, послышались крики: «Утонула, утонула!» Он первым добежал до кустов. Испуганные, в одних рубашках, девочки сбились в кучку и плакали, глядя на реку. Утонула Зина Осипова, их подружка. Кирилл крикнул с другого берега: пусть кинут что-нибудь в то место, где скрылась Зина.

Песчаные струйки хлестнули по воде. «Здесь, здесь!» — крикнули девочки, и он прыгнул в реку с обрыва. Он плыл с открытыми глазами и очень испугался, увидя на дне, среди колеблющихся водорослей, белую сидящую фигуру; она показалась ему раздувшейся и страшной. Вынырнув, Кирилл крикнул: «Нашел!» — и, набрав полные легкие воздуха, снова опустился на дно. Он боялся взглянуть на утопленницу и, схватив ее за косу, стал изо всех сил тащить вверх. Когда он, глотая воду, выволок девочку на берег, руки утопленницы немного разошлись.

Девочки плакали, дрожа в своих сорочках, мальчики из деликатности ушли за кусты, потому что спасенная была голой. Никто не знал, что делать с ней, и Кирилл, ругая товарищей трусами, положил девочку к себе на колени, как это делали при нем солдаты, откачивая захлебнувшегося товарища. Из ее рта хлынула мутная вода, какая-то зелень. Он стал делать Зине искусственное дыхание, стараясь не смотреть на нее. Вдруг Зина открыла глаза и, увидев его, оттолкнула от себя...

Весь лагерь стал звать девочку «Майской ночью или утопленницей», а Кирилла — «женихом», что очень злило его. Право слово, он ненамного поумнел с тех пор!..

Трижды пересчитав своих шумных питомцев, воспитательницы увели их на обед. Пора и ему восвояси. А может, еще раз пройти мимо дачи?.. Не заходить — только взглянуть на окна.

Теперь он шел по другой стороне железнодорожной насыпи. Обогнав Кирилла, по укатанной до блеска дорожке промчалась на велосипеде девчушка. На ближней даче завели все ту же пластинку: «И хо-ро-ошее настрое-ение не покинет больше вас!»

Напротив Лериного дома вдоль откоса росли елочки; выбрав просвет между ними,

Кирилл стал наводить солнечный зайчик в раскрытое окно комнаты, где жила девушка. Осколок стекла, заменявший зеркало, давал бледный блик.

И вдруг он увидел, как перед дачей остановилась зеленая «Волга», водитель дал три гудка. Высунувшись из окна, Лера крикнула что-то. Из машины вылез мужчина без пиджака, в светлых брюках. Одинцов!.. Кириллу хотелось от досады биться головой о телеграфный столб. Какого дурака он сваял, что сразу не разбудил Леру! Они бы уехали в город. Одинцов остался бы ни с чем... Но смутила и другая мысль: а если они еще с вечера договорились о встрече?

Провожаемый мелодией «Хорошего настроения», которую владельцы патефона, видно, решили запускать до тех пор, пока не будет вконец испорчено настроение соседей, он поплелся к станции. Хотя со стороны Леры случившееся было черной изменой, а со стороны Одинцова — предательством, Кирилл был спокоен. Что ж, значит, она сделала свой выбор! Пусть будет так!..

Дома Кирилл узнал от матери, что несколько раз звонила Лера и какой-то его сослуживец.

— Одинцов?

— Да, да... Он самый. Я не записала фамилию и уже забыла, но ты напомнил. Одинцов... Лера была очень огорчена, что тебя нет. Обещала звонить еще.

И снова все перевернулось в его душе. Лера сама звонит, хочет его видеть. И Виктор Алексеевич не боится посмотреть ему в глаза. А чего, собственно, должен бояться Одинцов? Того, что вчера проводил Леру, выручая Кирилла? А сегодня помогает ей разыскать его, дурака... Вот к чему порою приводят неумеренная фантазия плюс больное воображение!

Лишь теперь Кирилл вспомнил, что не завтракал. Он ел, прислушиваясь, не звонит ли в коридоре телефон. Услышав звонок, он мчался пулей, чтобы самому снять трубку. Увы, не она! Остальную часть дня и весь вечер он просидел дома, но Лера больше не позвонила. Антонина Ивановна успокоила его:

— Завтра позвонит, не волнуйся.

— А я и не волнуюсь.

Она подозрительно посмотрела на сына.

— Скажи, а ты не обидел ее вчера? Девушку свою.

— С чего это ты взяла?

— Странный ты вернулся: и злой и виноватый будто... Но я рада, если все в порядке.

— В полном, мама! — твердо сказал он, словно желая убедить себя в этом.

Но до полного порядка было далеко.

В середине дня Кирилла, мрачно склонившего голову над чертежом, вызвал на минутку в коридор руководитель ансамбля. Молодой человек вышел с неохотой, ему, признаться, надоело, что с самого утра во всех уголках треста сотрудники только и говорят о концерте; те, кто не был в субботу в клубе, сокрушались вслух и спрашивали у знающих людей, когда повторение программы. Незнакомый Кириллу пожилой инженер в очках приветствовал его утром у подъезда треста поднятым вверх большим пальцем. Прораб Драгин, пробегая по площадке, остановился на миг и, схватившись обеими руками за ремешок брюк, показал, как

он надрывал живот на концерте. Спасибо, хоть сотрудники отдела деликатно хранили молчание.

— Хорошие новости, Кирюша! — Озёрный предложил технику папиросу. Они подошли к окну, где было место для курения.

Бельской только что звонили из райкома ВЛКСМ. Второй секретарь райкома напустился на Лилю за то, что она не поставила в известность его инструкторов о концерте, не прислала приглашения. Все это говорит не только о том, что райкомовцы тоже любят посмеяться, это успех, причем в районном масштабе! Скоро, очень скоро потребуется повторить программку!

— Без меня! — мрачно выдавил Кирилл.

— Не будем принимать поспешных решений, дорогой поэт! Ведь, кроме номера с неким — гм! — рогатым животным, понравившимся решительно всем, кроме вас, существует еще монолог о любви. В райкоме им особо заинтересовались. — Видя, что молодого человека ничем не расшевелить, Озёрный перешел к новости номер два. — Ваша Валерия имела неслыханный успех. С утра пораньше звонили от Рудника, спрашивали у секретарши: в каком отделе работает «девушка с диском»? Похоже, старик не возражал бы переманить ее к себе в мастерскую. А я подумал: что, если устроить Леру в один из наших отделов? Она, помнится, жаловалась, что работа у нее скучная и народ неинтересный. У нас она могла бы в два счета выучиться на чертежницу...

— Я поговорю с ней, — сказал Кирилл не совсем уверенно.

Его неуверенность была вызвана ревнивым чувством. Стоит ли звать Леру в трест, где она будет близко от Одинцова?

Виктор Алексеевич, не подозревая ничего, перед началом работы разлетелся к Кириллу.

- Где вы, Малышев, пропадали вчера? Мы с Валерией Павловной без конца звонили вам.

— А это не столь важно, где я был...

— Зря дуетесь!.. Мы ездили в Химки, потанцевали немножко.

— Ну и что?

— Просто я считал своим долгом доложить вам по всей форме... Ведь она ваша приятельница, а не моя. Для меня все удовольствие от ее общества было безнадежно испорчено...

Отвернувшись от своего собеседника, Кирилл вытаскивал кнопки из чертежной доски, чтобы снять газетный лист, прикрывавший начатый чертеж. Последняя фраза Одинцова показалась ему верхом лицемерия, он решил съязвить в ответ:

— Уж не моим ли отсутствием, Виктор Алексеевич?

— Если б! — инженер горестно вздохнул. — Не надо бы говорить вам, Малышев, этого, но... Весь день вы незримо присутствовали между нами. Валерия Павловна думала о вас, гоняла меня к телефону. Согласитесь, это не очень весело!

Прозвенел звонок. Обойдя стол Кирилла сзади, инженер зашептал, чтобы не слышали входящие в комнату сотрудницы:

— Спросите у Валерии Павловны сами, что я ей о вас напел, какое будущее вам напроорочил. Не то что вы мне... на вечере.

Он все-таки слышал его выступление, неуязвимый Одинцов!

- Дайте, пожалуйста, бритву, Наденька! — громко попросил у своей соседки Кирилл: он сделал вид, что никак не мог вытащить туго сидящую в доске кнопку.

Занимаясь детализировкой дозера для растворного узла, Кирилл на все лады

переворачивал сказанное Одинцовым. Он и верил ему и не верил. Вроде и придрататься не к чему, все очень логично. И нелогично в то же время. Признать свое поражение и бросить скрытый вызов... Обвинять другого и вести себя так, словно сам в чем-то виноват.

В тот же день, беседуя за обедом с Павлом Ивановичем, Одинцов среди разговора объявил во всеуслышание, что никогда не женился бы на красивой девушке.

- Любоваться ею — пожалуйста, но жениться — ни в коем случае. По-моему, следовало бы взять всех красоток на особый учет, дать каждой солидное обеспечение, чтобы они не думали о замужестве и о работе. Их дело — украшать жизнь, радовать наши глаза! Пусть подольше остаются молодыми и красивыми.

И Павел Иванович и Шитиков, к которым он обращался, не стали спорить с новоявленным защитником красоты. Они считали, что Одинцов, по обыкновению, дурачится и разыгрывает всех. Однако Кирилл, увидев в разглагольствовании инженера как бы продолжение утреннего разговора, не выдержал:

— Какая чушь!

Одинцов принял вызов.

- Кажется, у вас, Малышев, есть знакомые художники, спросите у них: нужна ли красивой картине дорогая рама?

- Картина — вещь! Предмет неодушевленный.

- Браво, Кирилл Васильевич! — Шитиков демонстративно похлопал в ладоши. — Счастье — вот оправа женской красоты!

Павел Иванович посмеивался и довольно побрякивал: «Хоррошо, оч-чень хорошо!» Может быть, он вспоминал в эту минуту свою хорошенькую жену, с которой был вполне счастлив.

— Это все в теории! — продолжал настаивать Одинцов. — А на практике? Или вы, уважаемые караси-идеалисты, будете отрицать наличие такого немаловажного еще в нашей жизни фактора, как цехины и дублоны, они же рубли? Изучайте политэкономия, там сказано, когда отомрут дензнаки!..

Что говорить, самому Кириллу не раз приходилось сталкиваться с неумолимым денежным «фактором», особенно в последнее время. До знакомства с Лерой он никогда бы не подумал о том, чтобы нанять такси. А теперь ему казалось неудобным ехать с девушкой в переполненном троллейбусе или в вагоне метро. А как приятно было бы потанцевать с Лерой не на открытой танцплощадке Парка культуры и отдыха, а в ресторане под хорошую музыку! Слава богу, Лера не избалована, ей нравятся и встречи на водной станции и дружеские вечеринки в складчину на Гришкином чердаке. Только бы Одинцов не задурил ей голову своими «теориями»!

Как ни хотелось Кириллу мчаться к Лере, он заставил себя вечером сесть за поэму. Вчера она обещала позвонить — вот он и будет ждать ее звонка хоть до второго пришествия. У него нет своей машины, чтобы мгновенно перенестись за город.

Сам собою возник новый сюжетный ход: героиня увлеклась стилигой, возящим ее в рестораны на папиной «Победе». Дело пошло как по маслу. Ее характер раскрывался по-иному, отлично оттеняя положительные стороны героя-труженика.

Лерин телефонный звонок отозвался в сердце радостью, но Кирилл постарался запрятать ее подальше.

Где он пропал и почему не звонит?.. А разве он обещал звонить? Не наоборот ли? И сколько еще можно валять дурака? Работа не ждет!.. Все эти ансамбли и вечеринки —

неплохая штука, но уже середина лета, время летит, ни черта не сделано для вечности... Где уж тут на машинах раскатывать!

Лера молчала, он испугался: не повесила ли она трубку?

— И больше ты ничего не скажешь, Кирилл? Даже не извинишься за то, что бросил меня на вечере?

— Ты не очень скучала, по-моему. И на вечере и позже...

— Я звоню тебе не для того, чтобы выслушивать дерзости. Это уже даже не глупо, Кирилл, это просто подло. Да, да, подло! Ведь именно Виктор Алексеевич, узнав, что ты приезжал ко мне утром, предложил искать тебя. Мы звонили тебе из каждого автомата — то я, то он... И ты заблуждаешься, если думаешь, что мне с ним было безумно весело. Я давно не встречала человека, который обращал бы на меня так мало внимания.

— Тактика! — вставил Кирилл.

— И то, что он весь день о своей невесте рассказывал, — тактика?.. И что тебя превозносил?..

Лера сообщила потрясающую новость: у Одинцова невеста! Это многое меняло. Боясь, что она повесит трубку, он заспешил:

— Постой, постой, Лера!.. Откуда ты звонишь?

— С вокзала, — нехотя выдавила девушка. — До отхода моего поезда осталось девять... нет, всего восемь минут.

— Поедешь следующим... Нам надо увидеться.

— А вечность? Ты забыл о быстротекущем времени.

Лера издевалась над ним, он чувствовал себя просто олухом.

— Я буду на вокзале через четверть часа...

— Нет, нет, я не расположена к разговорам. Хватит с меня и того, что я выслушала сегодня на работе.

Горькая нотка в ее голосе встревожила Кирилла.

— А что случилось на работе, Лерочка?.. Алло!

Трубка молчала. В коридор вышла Антонина Ивановна.

— Кирилл, соседка ждет звонка, просила не занимать телефон долго. Зови свою девушку к нам.

— Лера?.. Алло!.. Ты меня слышишь, Лера?

— Слышу, — отозвалась она устало. — Мне пора ехать, Кирилл.

— Послушай, тут мама подошла, приглашает тебя к нам.

— Спасибо!.. Передай, что я благодарна, но... в следующий раз... Когда я тебя прощу.

— Через десять минут я буду на вокзале! — он повесил трубку, чтобы не слушать ее возражений.

...Ни встреча Леры с молодым человеком на лестничной площадке у лифта, ни участившиеся телефонные звонки в рабочее время, ни то, что девушка заметно изменилась за последние дни, повеселела и ожила, — ничто не прошло мимо внимания Егора Никитича. Он ничего не говорил Лере, был с ней, как и раньше, бесстрастно вежлив, но все чаще задумывался за своим министерским столом, сунув бровки и сжимая губы так сильно, что они чернели. И весь он казался почерневшим. Раза два он вскипал по таким пустякам, что даже Мария Михайловна, всегда защищавшая его, изумлялась.

Лера стала почему-то бояться своего шефа. Ей казалось, что он слышит из своего кабинета все, о чем она говорит по телефону; девушка попросила Кирилла не звонить ей

больше. Она сама позвонит, когда будет удобно. И все равно ей все время чудилось, что глаза-бусинки следят за каждым ее шагом сквозь матовые стекла перегородки.

Когда Егор Никитич предложил ей перепечатать во внеурочное время его новый труд для «Архивного вестника», девушка отказалась.

- Вам не нужны деньги, Валерия Павловна? — удивился он.

— Просто у меня нет времени, Егор Никитич.

- Так, так... Это очень грустно, когда для работы нет времени... — Похоже было, что с его языка сорвется язвительное словцо, но Егор Никитич не был бы самим собой, если бы не сдержался. — Как знаете. Я хотел, чтобы вам было лучше.

У Леры не проходило чувство, что надвигается гроза, должен произойти какой-то взрыв, — лишь тогда разрядится электричество, скопившееся среди мирных полок архива. И вот сегодня, в понедельник, это произошло.

В половине пятого Егор Никитич отправил в библиотечный коллектор Марию Михайловну, чего не делал никогда раньше, и разрешил ей не возвращаться в этот день в учреждение. Та не сразу собралась, и он дважды выглядывал, нервничая, что она опоздает. Наконец женщина ушла. Минут пятнадцать Егор Никитич не подавал признаков жизни. Лера заканчивала выдачу книг запоздалым сотрудникам.

Вот и последний из них ушел, до звонка оставалось десять минут. Лера начала собираться домой. Из кабинета быстрой своей походкой вышел Егор Никитич и, нырнув под деревянный барьерчик, закрыл дверь архива изнутри задвижкой. Все в Лере похолодело, она со страхом взглянула на запертую дверь, на своего начальника. Ноздри Егора Никитича раздувались, словно ему не хватало воздуха, глаза из-под насупленных бровок смотрели почти безумно. Да уж не болен ли он?

- Прошу не пугаться, В-валерия Павловна, нам н-надо объясниться! — от волнения он заикался больше обычного. — Так вот: все, что было меж нами раньше, — ложь, м-маскировка... Я... я л-люблю вас, Валерия Павловна, и, как честный человек, как мужчина, прямо говорю об этом. Хватит ломать к-комедию.

— Откройте дверь, Егор Никитич! — тихо попросила она.

— Я п-предупредил вас: бояться меня не надо, я к вам не приближусь! — Опустившись на дальний стул, он закинул ногу за ногу. — И з-задержу я вас совсем недолго.

В коридоре прозвенел звонок. Тут бы встать, уйти, не слушать ничего из того, что может сказать немолодой, потерявший голову человек. Но это походило бы на бегство, а Лера уже немного оправилась. Ей не хотелось показывать своего страха перед таким ничтожеством. Подняв голову, она смотрела прямо перед собой на книжную полку, стараясь сосчитать в уме, сколько книг в среднем умещается в одном ряду.

Всегда такой пунктуальный Егор Никитич перескакивал с одного на другое, не в силах сосредоточиться. Он говорил о своей случайной незадавшейся женитьбе и о том, как нужен юной девушке друг-наставник, знающий жизнь. Его больная жена давно уже не женщина, а он, черт побери, полноценный мужчина, хотя не все могут это оценить.

Тут он ударил сухоньким кулачком по столу так, что, подпрыгнув, скатилась на пол крышка чернильницы. Подняв ее, он аккуратно поставил крышку на место.

Никогда и никому еще он не раскрывал горькую тайну своей жизни, продолжал Егор Никитич, потому что никогда и ни к кому он не относился так чисто и так возвышенно, как к Валерий Павловне. Ее есть за что любить и уважать, он-то знает, как нелегко ей живется. Но она молодец, во всяком случае, до последнего времени была молодцом. Предупреждая ее

протестующее движение, он заторопился.

Нет, он не хочет, не смеет упрекать ее ни в чем, она вольна поступать, как желает, но его долг, святой долг старшего товарища предупредить ее, сколько существует в мире соблазнов. Чтобы уберечь ее от них — он готов на все. То, что она подрабатывала у него машинкой, — мелочь, чепуха. На его сберкнижке кое-какие сбережения, не очень большие — около десяти тысяч, и все их он готов отдать ей, чтобы сделать ее счастливой. Само собой разумеется, что все его будущие гонорары, все его труды отныне будут посвящены ей и только ей...

До Леры начал доходить истинный смысл его слов. Ей предлагают сожитительство, даже назначают плату. Какая гадость! Ездил к ней домой «по линии месткома», прикидывался отцом родным, шпионил... Червяк, жалкий червяк! Считает себя благодетелем за то, что она перепечатывала его скучные статейки, за которые он, кстати, платил ей меньше, чем профессиональной машинистке.

Егор Никитич, не слыша возражений, как-то незаметно сполз со стула и, оказавшись на коленях, пополз к ней.

— Ругайте меня, п-презирайте, но не отталкивайте... Не могу без вас, жизни лишусь... Видеть вас и не иметь возможности коснуться... Валерия Павловна... Валерия, жизнь моя!..

Напряжение, державшее нервы девушки туго натянутыми, только что пережитый ею страх разрядились вдруг нервным смехом, незаметно перешедшим в слезы.

Если смех озадачил, почти разозлил Егора Никитича, поднявшегося с пола, то рыдания ужасно напугали его. Он заметался по комнате, налил из графина воду в стакан и, не решившись передать его девушке, поставил перед ней на стол.

— Валерия Павловна, что с вами?.. В-вы не так меня поняли... Я люблю вас, но как? Как старший друг. Я в отцы вам гожусь... И ничего дурного я не хотел... не то что другие... В-выпейте воды, успокойтесь!.. Войдет уборщица — что она подумает?

Последние слова дошли до ее сознания. Не хватает только, чтобы вошел кто-нибудь посторонний и увидел ее плачущей.

- Вон отсюда! — тихо, но настойчиво потребовала она. — Немедленно вон, или я закричу... позову на помощь...

- Позвала?! — воскликнул в этом месте Кирилл, сидевший во время ее рассказа как на иголках. — По морде ему дала?

Лера покачала головой.

- А зачем?.. Он и так выкатился из комнаты, как побитый пес... Такой человечиска, как Егорычев, еще и против меня все бы повернул. Сказал бы, что я сама к нему, семейному человеку, пристала. Или что-нибудь в этом роде.

Кирилл мельком взглянул на электрические часы.

— Послушай, он еще там?

— Ну, конечно. Сидит и ждет тебя... Успокойся, Кирюша, вахтер не пропустит тебя.

— Ну, ничего... приду в другое время.

— Вот-вот... Приду, набью морду и получу пятнадцать суток за хулиганство. А меня оскандалишь на все учреждение. Честное слово, я жалею, что рассказала тебе все. Но тетке ведь не расскажешь...

— Хорошо, можно действовать по-другому. Пойти к вашему начальству, в партком. Нельзя оставить такое безнаказанным.

- Такое?.. А что, собственно, произошло?.. Слова, только слова... Как я докажу, что он

все это говорил?.. У Егора Никитича, наверное, ни одного замечания в трудовой книжке.

— Значит, по-твоему, таких гадов надо оставлять в покое, не разоблачать? В комсомольском патруле мы жалкого пьянчужку берем в оборот, а тут...

— Та же Мария Михайловна, которая хорошо ко мне относится, — продолжала Лера, — перегрызла бы горло любому, кто сказал бы хоть слово против ее обожаемого начальника.

— Вот потому, что мы не боремся с такими слизняками, они совращают наших девушек.

— Во-первых, меня пока еще никто не совратил. И не совратит, будь спокоен! А во-вторых, я тебе сто раз говорила: скоро у меня отпуск. После отпуска моя нога не ступит туда.

— На твое место придет другая.

— Тебя и другая интересуется?

— Дура! Никто, кроме тебя, меня не интересуется!

Тем и кончился разговор. Кириллу пришлось дать Лере честное слово, что до ее отпуска он ни под каким видом не заглянет в ее учреждение. Что же касается того, чтобы ей самой прийти к Кириллу в гости... Боже, да в первый же свободный день! Ей давно хочется познакомиться с его семьей...

13

Никогда еще Кирилл не проявлял столько заботы об уборке квартиры, как в то воскресное утро. Он натер до зеркального блеска паркет в обеих комнатах, подвернул занавески так, чтобы не было видно протершихся от частой стирки мест, поставил на видное место букет роз.

— Ты посмотри, мама, на какие подвиги способен наш спартаец! — посмеивалась Варя. — Так и невесту не встречают.

— А тебе, Варвар, разве хочется ударить в грязь лицом? Перед какой-то своей Танькой и то выставляешься!

— Во-первых, не какой-то. Таню я десять лет знаю...

— Тш-ш! — остановила их Антонина Ивановна. — Смени-ка скатерть на столе, Варя.

...Лера понравилась Малышевым. Антонина Ивановна все поддакивала, слушая девушку, и значительно поглядывала на сына, видно одобряя его выбор. Варя была в восторге: гостья похвалила фасон ее платья.

— Хотите, сошью вам такое же? — предложила Лере Антонина Ивановна.

Кирилл вздрогнул: не хватает, чтобы мать объявила себя портнихой.

— Вы сами шьете? Так хорошо? — удивилась Лера.

— Жаль, не могу показать лучшие свои работы. — Не обращая внимания на красноречивые взгляды Кирилла, хозяйка продолжала: — Сыну не нравится, что я шью, но вы женщина, поймете меня.

— О, если б моя мама умела так шить!

— На вашу фигуру шить легко. Какая у вас тонкая талия! Ну-ка, смеряем...

— Уж не думаешь ли ты, мама, сразу и к работе приступить? — занервничал Кирилл. — Лера в гости пришла, а не на примерку. И не к вам. Идем, Лера, в мою комнату. Ты «Три товарища» читала?

Варя сделала за спиной брата гримаску, которая в равной степени могла относиться и к «его» комнате и к Ремарку, которого она не дочитала.

В своей комнате Кирилл показал девушке чертежи разработанных им конструкций и авторские свидетельства, словно бы случайно забытые на столе, а когда увидел, что она листает роман Ремарка, подарил ей эту книгу. Было ли что-нибудь в этой комнате, чего он с радостью не отдал бы девушке!

За чаем разговор зашел о профессиях. Как Кирилл ни старался переменить «опасную», по его мнению, тему, Лере пришлось рассказать о своей работе в архиве. Антонине Ивановне специальность архивариуса казалась очень ученой и почтенной.

— Вот бы тебе, дочка, избрать что-нибудь в этом роде, ты ведь любишь книжки.

— Скажешь тоже, мать! — фыркнула Варя, считавшая, что уж она-то добьется в жизни большего, чем кто-либо.

— Все дело в том, дети...

— Что в наше время... — перебил ее семейный дуэт.

Лера не сразу поняла, отчего Антонина Ивановна весело смеется вместе с детьми, прикрывая ладошкой рот, чтобы не было видно дырочку на месте недавно выпавшего переднего зуба.

Провожая гостью, Антонина Ивановна и Варя вышли на лестничную площадку; такое внимание оказывалось далеко не всем.

Лере понравилось у Малышевых.

— Хорошо тебе жить на свете! — вздохнула она. — Иногда я так скучаю по мамочке.

Вот когда бы сказать: переезжай ко мне, будешь в семье жить! А ему показалось, что нельзя вот так, с наскока, предлагать себя в мужья. Он еще сто раз успеет сказать все.

Вернувшись домой, Кирилл застал следующую картину: мать, сняв с обеденного стола клеенку, озабоченно мерила сантиметром отрез из голубого крепа, Варя уткнула заплаканное лицо в диванную подушку.

— Что тут происходит?

— Не суйся в женские дела, сынок! Мы с Варей вместе решили, что такая красавица, как твоя Лерочка, не должна ходить в вискозовом готовом платье.

— Вместе?.. А почему ж тогда Варя плачет?

— Потому, что я тебя предупреждала, — взорвалась сестра. — Подлость отдавать другим недочитанные книги!

У Кирилла отлегло от сердца.

— Я тебе, дуреха, завтра же достану Ремарка.

Он хотел обнять сестру, но та ударила его по руке:

— Не подлизывайся!

— И отрез куплю. Поднебесного цвета.

— Да, купи, попробуй! — Варя горестно вздохнула. — Мой лучший материал.

— Ты жалеешь, дочка? Я еще не раскроила...

— Я не жалею, мама. Я только переживаю.

— А под каким предлогом, женщины, вы хотите преподнести платье? Такой подарок не всякая девушка примет.

— Мы и не подарим его «всякой», сынок, мы твою девушку имеем в виду. А предлог — твоя забота.

— Узнай, когда ее день рождения, — подсказала сестра, успокаиваясь. — Мой — не забудь! — двадцать шестого октября.

Прораб Драгин, ратовавший на молодежном собрании за единоначалие, неожиданно получил полноту власти на строительной площадке корпуса № 7—9. Начальник объекта Афанасий Петрович Егоров выехал в служебную командировку, а тут, как на беду, у его заместителя инженера Красовского внезапно заболела жена, и он взял внеочередной отпуск.

Старик дневал и ночевал на площадке, его голос будто бы немного осип, но не смолкал теперь ни на минуту: только что прораба слышали в подвальном этаже, а через минуту он гремел на верхнем перекрытии. И при этом Драгин ни разу не воспользовался микрофоном — на что ему эти новомодные штучки? Его и так бог голосом не обидел!

В первую же декаду его бурной деятельности строители перевыполнили план, пусть ненамного, но перевыполнили.

— Вот оно, одноначалие-то, еж вас ешь! — ликовал старик.

Перед началом работы Кирилл привык обходить площадку, отмечая каждое отклонение от плана организации работ. Павел Иванович подавал собранные им свежие данные начальнику треста, тот, если считал нужным, составлял соответствующий приказ диспетчеру стройки. Но случалось и так, что диспетчерский голос, усиленный радио, достигал того, кому был адресован.

Драгин, хитрая бестия, в эти случаях смотрел то на репродуктор, то на небо, прикладывая к глазам ладонь щитком.

— Ня знаю, ня знаю, откуда гром? Тучка еще вчерась развеялась, солнышко на небе светит, а тут — поди ж ты! — репродукторы от надсады лопаются.

Но старый прораб лишь храбрился, он не мог не видеть, что самое малое отклонение от графиков прежде всего било по нему.

Вот на высоте пятого этажа, под открытым небом, ведут кладку петрухинцы. Кирпич за кирпичом, ряд за рядом поднимаются стены жилого корпуса. Этажом ниже штукатуры с размаху шлепают на голые каменные стены лепешки раствора, придавливают к ним щиты сухой штукатурки. Еще ниже девчата в бумажных колпаках клеят обои: унылая оштукатуренная поверхность превращается в веселые, радующие глаз ситчики. Но стоит произойти задержке хоть в одном звене строительного конвейера — поток работ нарушился. Задержались с кладкой каменщики — нечего делать штукатурам, стынет клей в ведрах у обойщиков.

Здание растет в высоту, увеличивается нагрузка башенных кранов. На выручку им могут прийти домовые лифты; в строящемся корпусе их двадцать восемь, грех не использовать такую подъемную силу! Нужно только монтировать лифты одновременно с кладкой стен.

По проекту организации работ четыре лифта должны были быть сданы в эксплуатацию в последней декаде; освободившийся башенный кран перейдет к соседям. Не веря в то, что лифты будут смонтированы вовремя, Драгин самовольно оставил башенный кран на месте. Но пристало ли слону-крану поднимать такую мелочь, как паркет и трубы отопления, стекло и рулоны обоев? С этими грузами отлично справятся лифты.

Проходя по перекрытию седьмого этажа, Кирилл увидел, слесарей-монтажников; они курили, свесив ноги в шахту лифта.

— Когда пустите лифт, товарищи?

— Тросов нет, — ответил молодой монтажник. — На руках, что ли, поднимать кабину?

— А где трос?

— Известно где — на складе.

— Так сходите за ним.

Слесари удивленно переглянулись: скажет тоже!

— Наше дело — монтаж, — сказал тот, что помоложе и бойчее.

— Прораб не дал подносчиков, — объяснил второй, более вежливый. — А вы чей: наши или ихний?

Вот еще одна причина многих недоразумений: для субподрядчиков стройка до сих пор не стала своей.

Об этом разговоре Кирилл взволнованно доложил Павлу Ивановичу, вернувшись из очередного «свободного полета», как называли в отделе его ежедневные обходы площадки.

— Скоро все субподрядные организации будут переданы трестам, собраны, так сказать, в кулак, — успокоил инженер. — А пока что, Кирилл Васильевич, пишите докладную записку на имя начальника треста. На первый раз накажем этих двух субчиков-подрядчиков рублем. И Драгину наука!

Новый график работы кранов, составленный Кириллом, подписанный Павлом Ивановичем и утвержденный начальником треста, стал приказом. Значит, в силах Кирилла заставить беспечных слесарей пошевеливаться! Они еще попотеют, таская вручную материал, когда у них отберут простаивающий башенный кран. А не хотят носить вручную, пусть поторопятся с пуском лифта!

— Вы, оказывается, умеете быть жестоким, Малышев! — заметил Одинцов. — И вас не смущает то, что ребята в получку понесут домой... дырку от бублика?

— Вычтут не у рабочих, — поправил его Павел Иванович. — Вычтут у тех, кто не умеет беречь государственную копейку.

Перед концом работы Кирилла попросили к телефону. Он не сразу узнал Лерин голос. Чем она расстроена?.. Нет, ничего плохого не случилось. Просто она прикинула, как мало свободных вечеров осталось до отпуска. Так досадно, что они нигде не бывают... В «Эрмитаже» выступает «Голубой джаз», Юлька уже слышала его.

— А чего завидовать ей, давай и мы сходим! — бодро сказал он, еще полный событиями дня.

— Разве теперь достанешь билеты? — усомнилась Лера.

— Достанем! — уверенно сказал он. — Я позвоню тебе.

Нужно было раздобыть денег. Просить у матери не хотелось, он и так почти ничего не дал на хозяйство в получку. Он позвонил Грише, того не было дома. Лешке он только задал вопрос: «Ты богат?» И, услышав ответ, в унынии положил трубку.

Кирилл задумчиво перелистывал записную книжку. Листай не листай, а больше занимать не у кого! И тут чья-то рука выложила на стол перед ним сторублевую бумажку.

— Хватит этого, Малышев? — участливо спросил Одинцов.

В смущении Кирилл поднял глаза на инженера: ему припомнился недавний разговор о влиянии «денежного фактора» на жизнь.

— Что вы, Виктор Алексеевич!.. Разве я возьму у вас?..

— А почему нет? — Он придвинул бумажку поближе к Кириллу. — Считайте меня своим другом и финансовым покровителем! У меня самого есть палочка-выручалочка в лице денежного дядюшки. Только я ему отдавать не собираюсь, больно много должен. Да и на что старику деньги? — Взглянув на часы, инженер заторопился. — Уже седьмой час?! Привет

милой Валерии Павловне!

Одинцов ушел не оглядываясь. Он, видно, не сомневался, что Кирилл возьмет деньги. И действительно, кляня себя за слабоволие, тот сунул сторублевку в карман.

Билеты удалось достать у перекупщиков, джаз был хороший, хотя Кирилл ожидал чего-то большего. Честное слово, программа самодеятельного трестовского ансамбля была не хуже! Но самое большое удовольствие он получил от сознания того, что его Лера лучше всех — и в зале и на сцене. Ее лицо сияло от радости и возбуждения. Знала бы Лера, кому обязана сегодняшним весельем!

Концерт окончился рано, они прошлись по дорожкам «Эрмитажа», усыпанным красноватым песком. Кирилл хотел угостить девушку мороженым, но Лера только поежилась: ей и так не жарко! Предложение пострелять в тире из духового ружья — со школьных лет Кирилл любил стрельбу в цель! — вызвало удивление девушки. Зато у открытой веранды ресторана Лера жадно вдохнула шашлычный дымок.

— Ой, как вкусно!

— Ты хочешь есть? — догадался он. — Что ж ты молчала?

— А ты спрашивал?..

— Пошли! — И, пропустив девушку вперед, он поднялся на веранду, прикидывая в уме, сколько может стоять бутылка сухого вина и порция шашлыков. Вроде должно хватить.

Они сели за свободный столик. Багроволицый толстяк за соседним столом сосредоточенно, хотя и безуспешно, пытался поддеть вилкой маслину. Два молодых человека в светлых пиджаках, потягивая коктейль из соломинок, скосили глаза на Леру: женщин здесь было немного. Четыре или пять официантов в белых куртках обсуждали у буфетной стойки последние новости, ни один из них не шевельнулся.

— А может, удерем, пока не поздно? — предложила Лера, оглядевшись. — Что-то мне здесь не нравится.

— Больше мы никуда не попадем, поздно.

— Тогда прикинем наши реальные возможности, как говорит моя мудрая Юлька. — Она стала рыться в своей сумочке, держа ее в целях маскировки на коленях. — Десять... пятнадцать... Ура, почти двадцать пять рублей!

Кирилл насупился.

— Если я приглашаю девушку, я, кажется, отвечаю...

— И часто приглашаешь? — перебила Лера лукаво.

Он был в ресторане всего три раза, причем первое посещение можно было и не считать. Им с Левкой, решившим отметить окончание техникума, не хватило пятерки, чтобы заплатить по счету. Пришлось оставить товарища «в залог», мчаться домой на такси, будить маму... Лучше не вспоминать об этом.

— В любом случае, Лера, позволь мне самому отвечать за себя. Такой уж я человек, если хочешь знать.

Последняя фраза была, собственно, не его, он слышал ее как-то на площадке от экскаваторщика Ковалева. Сейчас она прозвучала явно не к месту. Лера, не удержавшись, прыснула. Багроволицый, бросив свои безуспешные манипуляции с маслиной, повернулся к соседке всем корпусом.

— Какой смешной толстяк! — шепнула девушка Кириллу. — А ты... Я потом скажу тебе, на кого ты сейчас похож, Кирюша.

Шашлыки были жестки и пережарены, даже крепкие зубы Кирилла с трудом

разжевывали мясо. Зато охлажденное шампанское сразу подняло его настроение.

Веранда постепенно заполнилась. Заиграла музыка, и багроволицый, пошатываясь, подошел к их столу пригласить Леру на танец. Ее спасло то, что на веранде не танцевали. Молодые люди в светлых пиджаках тоже ведь нацелились на нее.

Двадцать пять рублей, просунутых Лерой под столом Кириллу, оказались весьма кстати; он не учел ресторанной наценки. Все-таки Лера — настоящий товарищ!

— Я тебе завтра отдам! — пообещал он, расплатившись.

— Только непременно завтра, слышишь? Причем с утра пораньше. А то я и часу не проживу без этих двадцати пяти рублей!

В электричке Кирилл принялся рассказывать о недавнем совещании в министерстве, на котором побывал его шеф. Если осуществляются намечаемые планы, то их отдел займет важнейшее место в тресте, может быть, даже решающее. Ведь без железной организации работ невозможно наращивать темпы производства. Кое-что удастся делать и сейчас, но то ли их ждет?!

Лера закусывала нижнюю губу, чтобы не рассмеяться. Кирилл обиженно смолк.

— Прости, милый! — Она чмокнула его в щеку. — Я сегодня пьяная. Но мой смех к тебе не имеет отношения, честное слово! Это я чеховскую Абиссинию вспомнила...

— Какую Абиссинию?

— Не скажу, а то ты еще больше обидишься.

— Я не любопытен. Пожалуйста, не рассказывай!

— Я тебе уже говорила, Кирюша: тебе надо всегда улыбаться. А ты изо всех сил стараешься выглядеть серьезней и старше. И это тебе не идет... Хочешь, скажу, на кого ты был похож в ресторане? — вспомнила она. — Не обидишься?

Он пожал плечами.

— Ты мне совсем, совсем маленьким мальчиком показался. Мама послала мальчика купить что-то нужное для хозяйства, а он истратил деньги на баловство. Ему и приятно и боязно, что от мамы влетит. Сознайся: ее деньги тратил?

Кирилл оскорбленно молчал.

— Я знала, что обидишься. И это тоже доказывает, какой ты еще маленький... Ну, чего молчишь?

— Слушаю, что взрослая скажет.

На этот раз Лера не улыбнулась.

— А вот тут ты не прав. Мне все чаще хочется почувствовать себя снова маленькой и чтобы кто-нибудь обо мне заботился. А я, к сожалению, выросла, давно знаю всему цену. Например, знаю, что на зарплату техника нельзя угощать концертами и ужинами. И это не может не тревожить меня. Небось в долги влез, дурачок?

Кирилл и виду не показал, что она попала в точку. Деланно хохотнув, он спросил небрежно:

— Сколько тебе нужно? Могу одолжить. Не сегодня, понятно.

— Мне нужно одно: чтобы ты не делал из-за меня глупостей, Кирилл. И если ты мне друг, настоящий друг, то сегодняшние ресторанные расходы мы делим поровну.

— Друг, друг... А если меня не устраивает это слово? Не далее как сегодня Одинцов тоже просил считать его другом.

— А разве вы не друзья? По-моему, он очень хорошо к тебе относится.

Что мог Кирилл ответить на это? Пузырьки молодого шампанского, купленного на

деньги Одинцова, еще продолжали играть в его крови.

— Меня, Лера, больше интересует твое отношение ко мне. Учти, ты еще не все свои грехи замолила.

Она покачала головой.

— Мне нечего замаливать пока что.

— Пока что?

— Да. Но если ты не перестанешь подозревать меня в том, чего не было...

— Уже перестал.

Глядя в вагонное окно, Лера задумчиво заговорила:

— До чего странно устроен человек! Вот рядом с ним счастье — протяни руку, и, кажется, можно потрогать его... Почему же манит то, что далеко, несбыточно?

Приняв сказанное на свой счет, Кирилл демонстративно отодвинулся от девушки. Она не заметила этого.

— Вот сейчас я жду, как счастья, отпуск. Но разве это счастье? Месяц промчится быстро, а что меня ждет по возвращении в Москву? Та же служебная нуда?

— И нудный, оттого что слишком близкий, друг. — Он отодвинулся еще немножко.

Только сейчас Лера заметила его манипуляции, притянула к себе и, оглянувшись на дремлющего в углу вагона пассажира, стала целовать. Но почему же не было в этих поцелуях ощущения той самоотверженной отдачи всего себя, той полноты, которая и есть, наверное, верный признак любви. Как ни влюблен был Кирилл в девушку, он чувствовал это.

Алебастр, цемент и другие сыпучие материалы доставлялись на стройку навалом или в бумажных мешках. Мешки рвались, материал распылялся, а если шел дождь, превращался в жидкую кашу. Разгрузка была мучением для работниц: мельчайшая пыль пробивалась сквозь маски с респираторами.

Инженер Одинцов закончил разработку герметического бункера для сыпучих материалов, в механической мастерской сделали шесть опытных образцов. На алебастровом заводе под Москвой железные конусовидные коробки доверху заполнил белый порошок, грузовик привез их на стройку. За все это время — от завода до растворного узла — не просыпалось ни пылинки.

— Хорошо, оч-чень хоррошо! — Павел Иванович Зайцев попробовал, как открывается дроссельная заслонка, для чего-то пощелкал пальцем по стенке бункера. — Ну что ж, еще одну из малых проблем можно считать решенной. С вас магарыч, Виктор Алексеевич.

Изобретатель делал вид, что его мало интересует, как отнесутся окружающие к его конструкции. И все же не удержался, чтобы не кольнуть молчавшего Кирилла:

— А Малышеву мой ящик не нравится.

— Что вы, бункер замечательный, — спохватился тот, — не чета моим деревяшкам.

Да, это не столы-подмости, которые за полдня сколотит любой плотник, укажи только размеры! Здесь каждая деталь продумана и точно рассчитана, чтобы обеспечить минимальный вес, полную герметичность, безотказную работу конструкции. Оригинальное крепление настенных кронштейнов — мелочь будто бы! — хоть скопируй для бытовых нужд. Скоро ли Кирилл сможет самостоятельно разработать что-нибудь подобное?

Одинцов обратился к прорабу, уставившемуся в оконный проем:

— А почему Василий Федотович молчит?

— Другое заботит меня, товарищи начальники, — ответил старик. — На што мне подойник, если коровка не доится?

— Какая коровка? — не понял инженер. — И почему у вас, Василий Федотович, так тихо?

Электрик, забравшись на стремянку под потолок, тянул проводку. Две женщины-разнорабочие в глубине каменного коридора накладывали мусор на носилки. Но не было видно каменщиков, не было штукатуров. Среди голых стен гулял прохладный ветерок.

— Сейчас узнаем почему. — Ястребиный взгляд Драгина разглядел десятника, неторопливо поднимавшегося по лестничному маршу.

— Я ж вам, Гуляев, еще вчера наказывал: мелочь по мусоропроводу спускайте. А вы тут што за помойку развели?

— Горбылем забит мусоропровод, Василий Федотович! — сознался подошедший десятник. — Виноват, недоглядел.

— Горбылем? Отчего не бревнами? Увидели дырку и рады — суют, что ни попадя, еж вас ешь! — Сплюнув, старик ушел.

Одинцов спросил у десятника, почему приостановлена установка перегородок. Инженера это сейчас особенно занимало: алебастр, доставленный с завода в его бункерах, идет на приготовление раствора для штукатуров, если не нужен раствор — не нужны и бункера.

Сняв фуражку, десятник вытер платком лоб, сверкавший белизной, что так не вязалось с его загорелым лицом.

— Зашился наш Василь Федотыч! Думаете, он из-за мусора взбеленился? Стены во-он куда вывел, до шестого этажа, а с перегородками зарез...

Оказывается, Драгин, действуя по переиначенной им самим пословице: «Поближе положишь — поближе возьмешь!», создал на площадке большой запас кирпича. По графику же полагалось одновременно с кирпичом завозить и шлакобетонные блоки для перегородок и бетонные плиты сложного профиля — балконные и лестничные. Заботясь о фасаде, так сказать, лице здания, которое прежде всего бросается каждому в глаза, старик считал, что с остальным он всегда «вылезет». Не будет одних плит — заменит другими, только и всего! Но, как говорится, нос вытащил — хвост увяз.

Директор завода железобетонных плит, видя, что готовые изделия заказчик не вывез в срок, передал их другой организации. А тут новая неприятность: на шлакобетонном заводе, откуда доставлялись блоки, случилась авария. И если шлакобетонные блоки удалось достать в другом месте, то с плитами дело осложнилось, хотя на заводе всю неделю безвылазно сидел снабженец Пасько, правая рука Драгина.

И это не все. Теперь, когда привезут плиты, их будет нелегко подавать на перекрытие: потолочные балки уложены, стены поднялись выше шестого этажа. Придется просовывать материал в оконные проемы, а это и неудобно, и накладно, и задержит установку рам. Так одно цеплялось за другое.

— Просунем, не беспокойтесь! — Вернувшийся Драгин сразу догадался, на что жалуется десятник. — А вы, Гуляев, чем плакаться, глянули бы, на что лестничный марш похож! Говорил я, еж вас ешь, досточками покрыть ступени?

Десятник ушел, Драгин подвел инженеров к дверному проему, из которого наружу козырьком были выпущены выносные леса.

— Шкаф просуну, не то что...

— А по перекрытию как разносить будете? На носилках? Эдак мы с вами, дражайший Василий Федотович, до козы дойдем, — сказал, набравшись духу, Павел Иванович и низко нагнулся, показывая, как «козоносы» тащат на спине кирпич.

— Тяжело мне, хлопцы, столько дел сразу вершить, — неожиданно признался Драгин; его лицо казалось более худым, чем всегда, морщины отпечатались квадратами, словно старик спал, положив щеку на фибровый чемодан. — На ценсию, видать, пора.

Добрейший Павел Иванович уже жалел о том, что расстроил прораба. Похлопав его по плечу, он заявил, что такой старик любому молодому даст сто очков вперед. Не нужно только ломать графики, это сразу нарушает поток...

— Поток, поток!.. Боюсь, как бы не остаться, простите, без порток, если завод снова подведет...

Он еще ершился, но по всему было видно, что прораб взвалил явно непосильный груз на свои усталые плечи. Драгин мог самолично решить любую частную проблему, возникшую в ходе работ, — этому помогал его бесценный опыт. Однако координировать действия строителей и субподрядчиков, командовать сложными механизмами, строго выдерживая график, он не умел.

Работники отдела в молчании вернулись в контору.

— А вы, Малышев, говорите: рационализация, изобретательство! — обратился Одинцов к Кириллу, хотя тот ничего не говорил ему.

— Творишь, выдумываешь, пробуешь, а все упирается в дурака прораба или в прохвоста снабженца... Хоть бы ваши комсомольские посты вмешались, что ли.

Любопытно было услышать такое из уст скептика Одинцова!

Павел Иванович направился к начальнику треста «бить тревогу», как он выразился, а Кирилл заглянул к Лиле Бельской. Не может ли кто-нибудь из членов комитета комсомола съездить на завод и помочь снабженцу Пасько?

— Пасько, Пасько... — задумчиво повторила Лиля. — Он в нашей организации?

Кирилл рассмеялся, вспомнив седого краснолицего старика снабженца в белой фуражке, с громадным животом, так туго перетянутым ремнем, что живот выдавливался по обе стороны ремня, словно бурдюк, подвязанный к седлу. Быстрый на ногу, шумный и деловой, он был чем-то сродни Драгину. Недаром прораб питал к нему слабость и возил за собою со стройки на стройку.

— Что ты, Пасько явно вырос из комсомольского возраста.

Лиля строго посмотрела на него:

— Я с Приходько спутала, из транспортного отдела. А почему бы тебе, товарищ Малышев, самому не съездить на завод?

— Это я мог бы сделать и без комитета.

— Во-первых, ты поедешь в порядке комсомольского поручения. Во-вторых, я созвонюсь с райкомом ВЛКСМ, может быть, удастся взять шефство над комсомольцами завода. В-третьих, обеспечим тебя машиной... Улавливаешь разницу?

* * *

Впервые в жизни легковая машина подавалась для Кирилла. Радость от поездки несколько омрачилась объяснением с Лерой: они сегодня собирались в парк, поход придется отложить. А ведь о стольком надо было переговорить! Но, попав на завод, находившийся далеко за городом, Кирилл забыл обо всем, так захватил его размах производства.

Еще недавно, года два тому назад, за дощатым забором ютилось одноэтажное, барачного типа строение — контора карликового заводика, по сути дела, мастерской по изготовлению бетонных плит сложных профилей. Кроме конторы, здесь были две бетономешалки под навесом и недостроенная, потемневшая от дождей и времени эстакада. Заводик, не приспособленный к новым задачам, постоянно лихорадило, даже свой план — несколько сотен плит в месяц — он не всегда выполнял. А стройкам столицы требовались тысячи и десятки тысяч плит. И вот, не останавливая работу ни на день, завод начали реконструировать, пристраивая новые цехи, пропарочные камеры, склады.

Реконструкция не была доведена до конца, но завод разросся. Старые строения остались на месте, но за ними поднялись легкие, похожие не то на ангары, не то на выставочные павильоны цехи из сборного бетона. Колонны, потолочные балки, шатровые крыши — все было изготовлено здесь же; завод, если можно так выразиться, сам строил себя. Хотя он и носил прежнее название, хотя считалось, что старое производство только реконструировано, выходило, что к пуговице пришили пальто. Завод работал в три смены, давая неизмеримо больше продукции, чем раньше. А стройки требовали: еще, еще, еще!

Секретарь заводского комитета ВЛКСМ, невысокий, с густыми черными бровями паренек в сером халате походил на лаборанта. Однако пожатие крепкой руки говорило, что

он знаком и с вибратором и с молотком. Секретарь был инженером ОТК, отвечавшим за качество продукции.

Перепрыгивая через канавы, по которым прокладывали трубы теплосети, или дожидаясь, пока проедет автокар с плитами, он обговаривал с Кириллом детали шефства комсомола треста над заводом. Техническая помощь его не особенно интересовала: у них хватает своих специалистов. А вот не выступит ли в клубе завода трестовский ансамбль? Райкомовцы, сообщившие о приезде Кирилла, успели рассказать о недавнем концерте.

— У нас ведь, товарищ Малышев, молодняк, вчерашние десятиклассники, прибывшие по путевкам комсомола. Им после работы потанцевать охота, развлечься. Никак не могут в толк взять ребятки, что мы тут не просто бетон месим, а москвичей жильем обеспечиваем. Я подсчитал недавно: всего полтора процента перевыполнения дневного плана — еще одна семья вселяется в новую квартиру!

— Надо плакаты вывесить об этом! — посоветовал Кирилл.

— Товарищ техник у нас такие сочиняет, ого! — вставил снабженец Пасько, присоединившийся к ним у склада готовой продукции. — В рифму даже.

Секретарь умоляюще взглянул на Кирилла:

— Может, выручишь, Малышев?.. В шефском порядке...

Кирилл не нуждался в рекламе, его злило также, что Пасько уже не в первый раз называет его по должности. Секретарь заводского комитета ВЛКСМ примерно ровесник Кирилла, он держится с гостем как равный с равным, зачем же какому-то снабженцу подчеркивать разницу в их положении? И вообще Пасько суется не в свое дело. Кириллу был неприятен этот суетливый старик, так не подходивший для должности снабженца крупного столичного треста.

Да и что это за должность: снабженец-толкач! Вымирающее племя...

А Пасько, семеня сбоку, развивал перед молодыми людьми идеи, выношенные им за долгую, беспокойную жизнь хозяйственника. Он зримо представлял себе необъятный, больше московского ГУМа, магазин стройдеталей, такой большой, что тягачи с прицепами свободно въезжают в его двери. Звонок по телефону, и магазин присылает на площадку любую нужную тебе деталь — окно, лестничный марш, колонну, крышу. Хоть дом собирай, хоть целый завод!

Конечно, пока это только мечта! Вон по шоссе катят грузовики, горячий воздух дрожит над неостывшими кирпичами: ждать некогда, каменщики не должны простаивать.

— А вы, оказывается, мечтатель, Аркадий Ефимович! — сказал секретарь комитета. — Вот чего нам часто не хватает: мечты.

— Все это так, а куда же снабженцев девать, товарищ Пасько? — поинтересовался Кирилл. — На свалку?

Старик, кажется, уловил неприязненные нотки в его голосе. Вспомнив о каком-то неотложном деле, судя по всему вымышленном, он отстал от молодых людей.

— Зря ты его так, Малышев, — обиделся за снабженца секретарь. — Старик дело говорит. У нас его очень полюбили. Стар, стар, а на днях за вибратор встал, когда наша бетонщица палец себе прищемила. Ребята мои рассказывали, что на шлакобетонном заводе — неподалеку от нас тут — до сих пор легенды ходят, как ваш Пасько в горячую печь для пропарки лазил, когда та вышла из строя. Мастера утверждали, что при такой температуре нельзя делать ремонт печи, а молодежь рвалась в бой. Аркадий Ефимович полез с ними, ему, видишь ли, нужно было заказ получить первым. А потом, рассказывают, валидол лизал...

Энтузиаст!

Кириллу стало совестно, что он невежливо обошелся со стариком, что комсорг чужого завода больше знает о Пасько, чем сам он, работающий со снабженцем бок о бок не первый месяц. Ему показалось даже, что он говорил со стариком одинцовским голосом. Вот и вопрос задал такой, какой мог бы задать только Одинцов. Перед отъездом он разыскал Пасько в вахтерке: железная кружка с кипятком была в одной руке старика, булка с домашней котлетой — в другой.

— Едемте домой, Аркадий Ефимович! Жена небось заждалась.

— Спасибо, товарищ Малышев, никак нельзя, — Пасько вздохнул. — Василий Федотович Драгин наказывал: без плит не возвращайся! Будут плиты — буду и я, теперь уже недолго ждать... А жену я в курсе событий держу, каждый час по телефону докладываю, сколько плит изготовлено. Чтобы знала, когда свою плиту разжигать. — Он подмигнул молодому человеку. — Как она кулебяку делает — ого! — пальчики оближете.

Он стал рассказывать о своем старшем сыне-доценте, о меньшей дочери — студентке финансового техникума. Кирилл нетерпеливо переминался на месте.

— Меня, понимаете, машина ждет. Потому я вас и пригласил.

— Видел, видел... — Старик вдруг погрузился. — А мне никогда не давали легковушку, в лучшем случае — грузовик попутный. И то сказать, слишком часто езжу туда-сюда... А вы поезжайте, голубчик! И будьте спокойны: без плит не вернусь!

На Кирилла так подействовал разговор со стариком снабженцем, что он отпустил машину у первой же остановки метро: пусть и шофер вернется домой пораньше.

Антонина Ивановна, услышав за ужином рассказ сына о Пасько, заметила:

— Вот о каких людях надо писать, Кирюша. Они, как челнок в станке ткацком, всю жизнь снуют без устали.

Но как ни уважал Кирилл мнение матери, как ни понравился ему Пасько, в его поэме старику снабженцу делать нечего.

* * *

Так мало времени прошло с их последней встречи, а Леру не узнать — задумчивая, рассеянная. Они сидят на скамейке в сквере, Кирилл рассказывает о своей поездке на завод.

— Ты слушаешь меня, Лера?

— Что? — Она точно очнулась. — Ты говорил о каком-то старичке со смешной, фамилией, который доставал плитки...

— Электрические? Или метлахские?... Ты, как школьница, думаешь, главное — повторить последнюю фразу учителя... А как ты провела вчерашний вечер?

— Смотрела фильм.

— Какой?

— Это что, проверка? — удивилась она.

— Тогда бы я спросил: с кем ты была в кино?

— С подружкой. А фильм старый — «Возраст любви».

Лера стала рассказывать о подруге, которой встретился один человек — умный, интересный, не особенно молодой, не совсем свободный, хотя и не женатый. А у той уже есть друг, замечательный парень. И хотя парень интересуется ею, а тот, другой человек, не

обращает внимания на нее, он не совсем безразличен ей. Впрочем, возможно, он только притворяется безразличным. Ведь не она ему, а он ей звонит, назначает свидания. А у самого — невеста...

— Словом, Одинцов! — Кирилл усмехнулся. — Зачем ты выдумала эту историю? Я начинаю понимать тебя и без аллегорий.

Он мог бы сообщить Лере кое-что любопытное об Одинцове, например, рассказать, как однажды, вернувшись после работы в отдел за оставленной книжкой, застал конец весьма бурного объяснения. Пунцовая, с заплаканными глазами Люда теребила край своего кружевного платочка, в то время как инженер с насмешливой учтивостью выговаривал ей за что-то. На следующий день в «мужском разговоре» Одинцов пожаловался Кириллу: он просто не знает, что делать с этой девицей. Разве он виноват, что Люда по уши влюбилась в него?!. Но Лера не назвала имени Одинцова, — зачем ему рассказывать эту историю.

— Ужасно глупый разговор мы завели. Это я начала, прости, Кирюша! Ну что ты можешь знать об Юлькином знакомом?

— Опять Юлька? — На миг ему показалось, что Лера и впрямь имела в виду не себя. — Хоть бы увидеть ее...

— Она тебе, наверно, не понравится... Ну, досказывай о своем старичке со смешной фамилией.

— Нет, Пасько мы на сегодня оставим в покое. Это слишком хороший человек, чтобы говорить о нем походя.

— Слишком хороший? — повторила она, словно проверяя эти слова на слух. — Может быть, и ты для меня слишком хороший? Или просто слишком молодой?

— Последний недостаток пройдет с годами.

— Все пройдет с годами... Может быть, через год ты и не вспомнишь меня...

— Послушай, Лера, а хочешь, расстанемся на год? И ровно через год, вот на этом месте, я повторю тебе все, все, что говорю сейчас. — Утверждая это, он был совершенно уверен, что выдержит любое испытание.

А Лера прижалась лицом к его плечу, быстро заговорила:

— Не хочу! Слышишь: не хочу! Не говори, что ты можешь так долго со мной не видаться. Что год — в один день все может перевернуться. Прошу, не отпускай меня от себя!

Встревоженный Кирилл не мог понять, что с ней происходит.

— Я пошутил, Лерочка, никуда я тебя от себя не отпущу. Разве что в отпуск, к родне твоей.

— И к ним не хочу! Чего я там не видела, в глуши?

Он гладил ее, словно маленькую девочку, по голове. Лера поймала его руку, прижалась к ней губами.

— Такая большая рука. Добрая и умная. Научи меня быть умной, Кирилл! И сильной.

...Воскресный день Лера провела в городе; нужно было запастись продуктами на дорогу, купить подарки домашним. Кирилл стоял в очередях, нес ее авоську, раздувшуюся от покупок. Увидела бы Варя в эти минуты своего гордого брата, еще подростком заявившего, что он предпочтет голодную смерть хождению по магазинам!

Вот Лера задержалась у витрины ювелирного магазина.

— Ах, какой тут лежал перстенок! Наверно, его давно продали... Нет, вот он! — Девушка показала на золотое колечко с аметистом: камень отбрасывал фиолетовый огонек на бархатную подушечку. — Когда-то я смогу носить такое?

Будь у Кирилла лишние деньги, он, не задумываясь, надел бы ей колечко на палец. А давно ли он считал кольца глупым буржуазным пережитком!

Но если Кирилл только мечтал о подарке, то Антонина Ивановна сумела приготовить свой. С утра она строго-настрого наказала сыну, чтобы он привел Леру хоть на минутку. Когда они с девушкой поднялись с покупками на пятый этаж и усталая Лера опустилась на стул, мать торжественно вынесла из своей комнаты новое голубое платье.

Как рукой сняло Лерину усталость, едва она, уступая уговорам Антонины Ивановны, примерила платье. Даже Варя была вынуждена признать, что ее подруга Таня, первая красавица их класса, померкла в эту минуту перед Лерой. Антонина Ивановна, неважно чувствовавшая себя последнее время, оживилась.

— Чудесно, просто чудесно! — повторяла девушка, не уставая поворачиваться перед зеркалом. — Даже снимать не хочется.

— А зачем снимать? В руках оно больше помнется.

Щеки Леры залил румянец. Она отлично понимала, что платье сшито для нее, но не могла, не должна была она принимать такой дорогой подарок. Кто она, собственно. Кириллу?

— При чем тут он? — удивилась Антонина Ивановна. — Это мой подарок! Или вы думаете, у меня уже нет сил заработать на такой пустяк?.. А если вас что-то смущает, считайте, что берете в долг... Я думаю, женщины всегда сумеют договориться.

Как ни противилась Лера, ей пришлось принять подарок. Девушка не сняла платья — семейство Малышевых, объединившись, не разрешило ей сделать этого — и всю дорогу украдкой любовалась им. А перед своей станцией спохватилась:

— Но что я тете скажу?.. Купила?

— Что-нибудь придумаешь... Ты могла неожиданно получить премию на работе.

— А когда я не вернусь в свое богоугодное заведение, тетка первая скажет: как можно бросать место, где тебя так ценят?.. Скажу, что есть! — решила она в конце концов. — Антонину Ивановну нельзя обижать, она так старалась...

Мог ли возражать против такого довода Кирилл?

В день Лериного отъезда он с утра начал нервничать. Ему хотелось поторжественнее обставить проводы, а от получки не осталось ни гроша. Просить денег у матери теперь, когда она сделала такой богатый подарок, было бы просто бессовестно.

Он договорился с Павлом Ивановичем, что уйдет с работы раньше, и уже с обеда посматривал на часы.

— Что это вы, Малышев, нервничаете? — поинтересовался Одинцов. — На поезд опаздываете?

Когда инженер вышел в коридор покурить, юноша направился за ним следом.

— Мне очень совестно, Виктор Алексеевич, я и старого долга вам не отдал... Вы не выручите меня еще раз... Может, и не понадобится, но на всякий случай...

— Зачем столько лишних слов! — Одинцов вынул бумажник. — Пятьдесят? Сто?

— Что вы! Полсотни за глаза хватит...

Кирилл радовался, что инженер не спросил, зачем понадобились деньги. Не хотел он, чтобы Одинцов знал это.

Перед тем как ему уезжать, в отделе возник случайный разговор, подпортивший, однако, настроение Кириллу. Павел Иванович вышел из комнаты, и Наденька поделилась с сотрудниками своими восторгами по поводу виденного ею фильма. Люда к слову

припомнила свой любимый фильм «Возраст любви»; она смотрела его семь раз и жалела, что картина не идет больше.

— Могу вас обрадовать, Люда, — заметил Кирилл. — На днях одна моя знакомая видела его.

— Не может быть, я каждый день «Вечерку» просматриваю. А где он шел? Я бы в любой окраинный клуб поехала.

— Узнаю — скажу, — пообещал он.

Лера поджидала его у крыльца дачи. В белом пыльнике, с букетом нераспустившихся роз палевого цвета в руках, она выглядела не по-дорожному нарядной.

— Ой, Кирилл, где мы машину достанем?

— Понимаешь, эти черти таксисты отказываются ехать за город, — соврал смущенный своей оплошностью Кирилл; конечно же, надо было брать такси из города, как он собирался вначале. — Но я постараюсь поймать на шоссе попутную...

— Незачем тратиться! — Лерина тетя опустила на крыльцо чемодан. — Прекрасно доедете и на электричке.

Подошла кудрявая девушка. Лера представила ее Кириллу как свою лучшую подругу.

— Юля? — почему-то решил он.

— Это Нина, дочь соседки по даче. А Юлька должна приехать прямо на вокзал. — Тут Лера заметила, что Кирилл уставился на букет. — Правда, чудесные розы?

— А я не успел ничего купить, так спешил. — Молодой человек с грустью подумал про себя, что на такой букет у него все равно не хватило бы денег.

— А знаешь от кого? Тебе нипочем не догадаться....

— Знаю, — отрезал Кирилл. Ему ли не помнить этот редкий палевый оттенок, как у розы, сорванной некогда Одинцовым в Химках для Люды. Так вот почему инженер знал, куда спешит Кирилл. Когда же она успела сказать Одинцову о дне отъезда?

— Виктор Алексеевич как-то звонил мне на работу, я сказала, что уезжаю, но я не думала, что он запомнит число...

— Довольно разговоров! — оборвала тетя, успевшая сбегать за авоськой с продуктами. — Отношения выясните по дороге.

Они подошли к платформе одновременно с электричкой, но сесть не успели. Следующий поезд был через пятьдесят минут; чуть ли не единственное «окошко» в расписании пришлось, как нарочно, именно на этот час. Тетя встревожилась.

— Говорила тебе, Валера: выезжать надо за два часа.

— Я думала, что будет машина...

— И будет! — Кирилл помчался к шоссе.

В сторону Москвы прошло несколько легковых машин, в них сидели люди. Неудачно попытавшись остановить пустой «ЗИЛ», молодой человек не на шутку взволновался. Эдак действительно опоздаешь! По шоссе мчался четырехтонный, весь в известке грузовик. Кирилл поднял руку — шофер притормозил.

— Выручай, браток, на поезд опаздываем. — Вынув деньги, он стал совать их водителю.

— Ладно, потом рассчитаемся! Вещи есть?

Кирилл побежал за чемоданами.

— Грузовик? — не поверила глазам Лера, выйдя на шоссе.

— Как интересно! — воскликнула ее подружка и даже в ладоши хлопала. — Я еще не ездила на грузовиках.

Водитель улыбнулся девушкам.

— Одна может сесть в кабину.

— Чур я в кузов! — восторженно объявила Нина.

Рядом с водителем села Лера и сразу уткнула нос в букет. Перебросив вещи в кузов, Кирилл помог Нине вскарабкаться.

— Поторапливайтесь! — крикнул он, свесившись к кабине водителя. — Меньше часа осталось.

— С ветерком прокачу.. К Москве будем подъезжать — присядьте в кузове и прикройтесь брезентом. А то как бы автоинспекция не придралась...

Машина помчалась. Пустой кузов немилосердно подбрасывало, на поворотах Нину, державшуюся за верх кабины, заносило в сторону. Чемоданы подпрыгивали и били по ногам, ветер свистел в уши, задувал в ноздри.

— Интере-есно! — крикнула девушка, наклоняясь к самому его уху. — Глупая Лерка: в кабину села...

Ветер забросил прядь ее волос на лицо Кириллу. Жаль, что рядом не Лера — о стольком надо бы еще переговорить. А может, ни о чем не нужно спрашивать ее? Быть выше подозрений!

Регулировщик у заставы, кажется, хотел задержать их машину. Нина послала ему воздушный поцелуй, и регулировщик, улыбувшись, взял под козырек. Усевшись на брезент, девушка смотрела вслед убегающим зданиям, лицо ее пылало.

— Самый поэтический вид транспорта!

Если б это сказала Лера, ему, возможно, понравилось бы определение, сейчас он только пожал плечами.

А девушка не унималась.

— Вы поэт, я знаю... Лерка мне все уши прожужжала о вас.

Когда они остановились у аветофора, Кирилл спросил:

— Вы не знаете, Нина, где идет фильм «Возраст любви»?

— Понятия не имею! — Она погрозила ему пальцем. — Вот скажу Лерке: не успел проводить и уже о развлечениях думает.

— Меня на работе просили узнать, честное слово.

— Он еще оправдывается! И краснеть не научился! — восхищалась девушка.

Водитель одержал слово: к вокзалу они подкатили за четверть часа до отхода поезда. Расплатившись, Кирилл взгляделся в толпу у подъезда: Гриши не видно. Значит, обманул. А ведь обещал принести такой букетище, что все ахнут.

Подхватив чемоданы, он помчался за перронными билетами.

— Лера! Нина! Десять минут осталось!

Девушки нагнали его у входа на перрон. Лера продолжала нюхать нераспустившиеся бутоны, поглядывая по сторонам. Вот ее глаза радостно блеснули, и Кирилл, посмотрев в ту сторону, увидел спешащую к ним худую особу с большим малиновым ртом, в платье того же малинового цвета. Это была Юлька. Он только кивнул ей, не выпуская чемоданов из рук: шестой вагон где-то в середине состава, а времени оставалось в обрез.

Двое молоденьких лейтенантов, соседи Леры по купе, увидев, кто едет с ними, как по команде, поднялись; один помог ставить вещи на полку, другой побежал за водой для цветов. Кирилл разозлился на них: даже попрощаться не дадут!

— Сейчас я вас выдам, — лукаво сказала Нина, протискавшись в купе. — Лера, он тут

без тебя в кино собирается. Спрашивал меня, где идет «Возраст любви».

Лера не успела ответить — вмешалась Юлька:

— Это он другое выпытывал: с кем Валерия ходила в Дом кино. Успокойтесь, молодой человек, со мной.

Увидя выражение лица Кирилла, Нина уже пожалела о своей выходке. Расцеловавшись с подругами, Лера выпроводила их из купе, вышли в коридор курить деликатные лейтенанты.

— Ну, что ты, Кирюша, скажешь мне на прощанье?

— Я тебя ни в чем не упрекаю, — начал он мрачно. — Но за время отпуска ты должна серьезно подумать... взвесить все.

— Не понимаю... — В ее глазах было неподдельное изумление. — А если виною всему эти бедные розы?.. Обещаю тебе выкинуть их в окно, как только поезд тронется.

— При чем тут цветы?.. Я о другом говорю, о самом серьезном... — Кирилл все еще был мрачен, хотя ее отношение к подарку Одинцова несколько успокоило его. — Ты подумай на досуге, сделай окончательный выбор...

— Выбор? — удивилась она. — Да разве любовь выбирают? — Лера порывисто прижалась к нему. — Люби меня!.. Не забывай!.. Работай спокойно!.. Ты пришлешь мне поэму, когда закончишь?

— Там видно будет... — Но он уже улыбался, оттаяв.

Приоткрыв дверь купе, проводница предложила молодому человеку «очистить» вагон. Поезд отходил через минуту.

Когда Кирилл спрыгнул на платформу, толпу провожающих растолкал красный, запыхавшийся Гриша. С обезьяньей ловкостью он вскочил на подножку трогającegoся вагона. Художник с маху вlepил поцелуй в губы вышедшей в тамбур Леры, сунул ей в руку рисунок в красках — роскошный букет красных пионов — и, победно крутнув воображаемый ус, соскочил в конце перрона, едва не сбив с ног старушку, махавшую платком вслед поезду.

— Молодец! — прокричали в открытое окно лейтенанты.

— Псих ненормальный! — сказала проводница.

Художник подошел к Кириллу и девушкам сияющий; он был доволен тем, что все успел: и Леру поцеловал и подарок сделал. Лучшие цветы завянут, а его букет — никогда, утверждал он. Но ни шутки друга, ни болтовня девушек, которых они поехали провожать, не могли рассеять тяжелого чувства, оставшегося у Кирилла после проводов.

С утра лил дождь, словно Лера увезла с собой лето. Просто не верилось, что еще вчера было жарко. Уж не осень ли наступает? Глинистый грунт на площадке строительства развезло, снова самосвалы буксовали в грязи. Каменщики спешили вывести стены корпуса № 7—9 под крышу.

— Прикроюсь крышей — сам черт мне не страшен, товарищи начальники, не то что вода с небес! — храбрился Драгин.

А храбрился он потому, что первый же затяжной дождь показал, к чему приводит самоуправство и работа во имя одних кубометров. Если б работа велась планоно и все здание равномерно, по всему периметру, поднималось в высоту, то каждый построенный этаж был

бы накрыт потолочным перекрытием следующего этажа, как крышей. Но, увлекшись фасадом, прораб задержал кладку перегородок, что, в свою очередь, вызвало задержку с перекрытиями. И вот два верхних этажа напоминают собою пустую каменную коробку, которую переkreшивают косые потоки дождя.

Вернулся из отлучки инженер Красовский: состояние его больной жены улучшилось. Он добился, чтобы не отдавали соседям башенный кран, задержал на время лучшую бригаду монтажников — словом, всеми способами выправлял драгинское «единоначалие». А прораб то с тревогой, то с надеждой взирал на график организации работ: быть может, впервые он увидел в нем не просто бумажку, а своего рода гарантию от бед, которые сам накликал на себя.

И Кирилл почувствовал отсутствие Одинцова, неожиданно для всех собравшегося в отпуск: руководство треста удовлетворило просьбу инженера, после того как его бункер был принят на «ура» комиссией из министерства. Виктор Алексеевич умел почти шутя помочь технику выйти из любого затруднения, направив мысль по верному пути, а теперь приходилось с каждым пустяком обращаться к и без того занятому Павлу Ивановичу.

— Да, что с вами, Кирилл Васильевич? — удивлялся добряк. — Вы ж недавно подобную чепуху, как орешки, расщелкивали!

Наденьки и чертежник Шитиков, больше всего терпевшие от насмешек Виктора Алексеевича, с первого дня его ухода в отпуск признались, что в отделе стало чего-то не хватать. О Люде и говорить нечего: бедная девушка столько раз в течение дня с тоской поглядывала на пустой стул у окна, что концы линий на ее чертеже невольно скашивались в ту сторону, словно лепестки растения, тянувшегося к солнцу.

Никто в отделе не знал, какая сцена разыгралась за день до отъезда Одинцова между ним и Кириллом. Узнав, что Виктор Алексеевич оформляет отпускные документы, молодой человек всполошился: а как же с долгом?

— Пустое, Малышев! Отдадите потом, после отпуска. Даже если я не вернусь в трест, придется заходить за документами.

— Павел Иванович знает о вашем решении?

— Догадывается. У нас с ним в последнее время наметились принципиальные разногласия. Старик взял курс на железную организацию работ, копытом землю роет. Ничего, кроме лишних забот, это ему не даст. Тихая жизнь отдела кончилась.

— Так это ж замечательно!

— Вы, Малышев, безусый энтузиаст, это мне давно известно. Меня ж года к суровой прозе клонят... Надоело жить среди молний...

После работы они вышли вместе. Одинцов был без машины: готовясь к отпуску, он поставил свою «Волгу» на профилактический ремонт.

— Виктор Алексеевич, вот вы говорите, не вернетесь в трест. Я давно хочу спросить вас... получить кое-какие разъяснения... — Из-за волнения Кирилл никак не мог приступить к сути. — Вы пользуетесь успехом у женщин, у вас, я слышал, невеста есть. Почему же вы... Лере морочите голову?

Одинцов казался изумленным.

— В каком, собственно, смысле морочу?

— Я не так наивен, как вы полагаете, Виктор Алексеевич! Вы проводили ее тогда домой с концерта, за это спасибо вам. Но вы и после ездили к ней в Подрезково. Зачем?

— Позвольте и мне спросить вас, Малышев: вы говорите от своего имени или Валерия

Павловна просила вас об этом?

— Разве я не имею права спросить? Неужели то, что я ваш должник, позволяет вам...

Одинцов не дал ему договорить:

— Фи, Малышев, это уже запрещенный прием! О деньгах мы, кажется, договорились...

Так вот: если вы не уполномочены на то Валерией Павловной, разрешите мне не вступать в объяснения, они могут завести нас слишком далеко. — Инженер сбоку взглянул на юношу.

— Знаете, кого вы мне сейчас напоминаете, Малышев? Вы кутик, эдакий милый, полугодовалый щен... Ну, не щен... — поправился он, увидя выражение лица Кирилла. — Вы олень, гордый, благородный олень. Это вас устраивает?

Не дождавшись ответа, он продолжал:

— Я не стал бы разговаривать с вами, Малышев, если бы вы не были мне чем-то очень симпатичны. Может быть, тем, что при вашей внешности социального героя, при анкете, которая, без сомнений, устроила бы самого придирчивого завкадрами, вы законченный рыцарь печального образа. Вам бы серенады распевать под окном прекрасной Дульцинеи. И, пользуясь своей силой, закалывать на рыцарских турнирах каждого, кто взглянул в сторону вашей дамы... Ну, что это за домострой, что за тургеневщина? Нельзя же в век Пикассо и Хемингуэя, в век атома и рок-н-ролла ратовать за менюэт — он еще нашим бабушкам казался слишком медленным... Я человек современный, мне нравится все красивое — и что же? Кстати, ваша Лерочка — простите, что я называю ее по имени! — далеко не красавица. Самая обыкновенная девушка: милая, свежая, в меру наивная.

Кирилл не хотел обсуждать вслух качества любимой девушки.

— А если б за вашей невестой ухаживал другой?

— О боги мои! — В голосе Одинцова было неподдельное изумление. — Такого я не ждал даже от вас, Малышев, вы опоздали родиться лет эдак на сто, не меньше!.. Во-первых, я был бы просто польщен тем, что моя невеста нравится другим. Во-вторых, я абсолютно убежден, что вот в эту минуту, когда мы с вами возвращаемся с работы, за моей невестой тоже кто-нибудь ухаживает. А почему нет? Она мила, остроумна, очень современна, без всяких предрассудков.

— Ухаживают или сбивают с толку?

Одинцов расхохотался от души.

— Простите мне, Малышев, мой глупый смех, но... вы чудак! Можно подумать, что мы с вами не в современном, цивилизованном мире живем. Давайте я познакомлю вас с Ириной Владимировной — так зовут мою невесту — и попробуйте сбить ее с толку, как вы выражаетесь... По рукам?

Кирилл не принял протянутой руки. Идя по краю тротуара, над обрывом, он делал вид, что рассматривает дома и крыши противоположного берега Москвы-реки.

— Нет, голубчик, я не святой и тем более не святоша. Как сказал поэт: «грешник, развратник, безбожник, но он любил Беатриче». Люблю жизнь и лучшее создание ее — женщину. Люблю все, что заставляет трепетать сердце: соперничество, борьбу, преодоление препятствий, ну и, разумеется, победу... Ах, Малышев, Малышев, вы даже приблизительно не представляете себе, каким я могу быть, когда распушу свой павлиний хвост. Нежным и грубым, внимательным и черствым, недоступным и, как Паратов в «Бесприданнице», расстилающим шубу под ногами...

Как бы ни относился Кирилл к тому, что говорил инженер, он не мог не отметить про себя, до чего хорош был Одинцов в эту минуту! Его тонкое лицо казалось одухотворенным,

движения маленьких, красивых рук были плавны и округлы, хорошо поставленный, воркующий голос мог убедить в чем угодно. Да, такие вот блистательные циники, наверное, нравятся девушкам больше, чем робкий парень со своей первой неумелой любовью! Соблазнительно-бесстыдные речи скорее зажгут иное сердце, чем застенчивое признание и недомолвки. Было от чего прийти в уныние!

И вдруг Кирилл насторожился: говоря о том, что гимназическое поклонение ныне не в моде, Одинцов рассказал о чеховском гимназисте, который повел даму в ресторан. Денег у него было рубль двадцать копеек, счет подали на сумму в три раза больше. Владелец ресторана выдрал его за уши, гимназист заплакал, после — скучный разговор с дамой об Абиссинии... Так вот почему весело хохотала Лера в электричке после «Эрмитажа», вот от кого она слышала эту историю.

— Прощайте, Виктор Алексеевич! — сказал он, останавливаясь. — Мне... в другую сторону.

— Туда? — Одинцов, улыбаясь, показал на обрыв. — Не советую, Малышев, жизнь прекрасна! — Он поколебался минуту, продолжать ли, затем спросил небрежно: — Да, хотите пари на прощанье: удастся мне отбить у вас Леру или нет?

Кирилл чуть не задохнулся от такой наглости, высказанной к тому же с приветливой улыбкой.

— Вы... вы... какая же вы скотина, Одинцов!

— Грубите, Кирилл Васильевич? — Инженер был предельно вежлив, он впервые назвал молодого человека по имени и отчеству. — Не скрою, вы даёте мне этим моральное преимущество.

— Я не боюсь вас, Одинцов!.. И я буду с вами бороться, слышите?.. Всеми средствами...

— Монологам на вечерах самодеятельности? Или через стенную печать? Но вы забыли: я уйду из треста. Или вы пришлете анонимку в институт?

— Вы не только подлец, Одинцов. Вы еще и трус, да, трус! — Кирилл яростно рубанул воздух сжатым кулаком.

Виктор Алексеевич, щурясь, смотрел на него, но это был уже не знакомый, ласковый прищур, который привык видеть Кирилл. Так прищуривает глаз стрелок, чтобы лучше прицелиться.

— Фи, как грубо, Кирилл Васильевич! Поэт, мечтатель — и вдруг такая проза. А я-то собирался вас со своей невестой знакомить... Хотите продемонстрировать свою физическую силу? В длине рычагов и в весе у вас явное преимущество.

Нет, инженер не был трусом, он стоял в спокойной выжидательной позе. А когда молодой человек, не зная, что делать дальше, сбежал с откоса, Одинцов беспокойно крикнул сверху:

— Пойдите, куда вы, ненормальный?

Перепрыгивая через канавы с риском подвернуть ногу, Кирилл ругался вслух, в груди его все клокотало, а на глазах — от ветра ли, от обиды — выступили слезы; он не хотел, чтобы их увидел Одинцов. Пробегая мимо дерева, он с такой силой ударил по шершавой коре, что содрал кожу на ладони.

Речная вода, которой умылся Кирилл, несколько охладила его. С яростным аэропланным треском промчался глиссер, подняв белые буруны. Волны дошли до берега, колыхнули ветки старого разлапистого вяза, склонившегося к воде.

На следующий день Кирилл до начала работы молча положил на одинцовский стол конверт с деньгами: с вечера пришлось обегать всех друзей и знакомых. Если б не полученный Гришей в издательстве аванс и не Лешкина щедрость, неизвестно еще, удалось ли отдать долг. Виктор Алексеевич небрежно сунул конверт в карман. Похоже было, что инженер хочет что-то сказать, связанное со вчерашним. Кирилл отошел, не желая разговаривать с ним. С этим покончено!

Никогда еще Кирилл не писал так увлеченно, как в первые вечера после отъезда Леры. Некого было провожать, не к кому мчаться в Подрезково, а столько накопилось невысказанного:

Все лучшие слова
И сочетанья их
Дарю тебе, едва
Они сложились в стих.

Все лучшие дела
Тебе я посвятил...

В конце вещи найдет свое место последнее его объяснение с Одинцовым, причем герой поэмы будет говорить более умно, чем сам он, и вести себя станет куда как решительно.

Кажется, он сумеет сделать неплохой подарок к Леринуму возвращению. А это важнее, чем вечерний строительный, о котором не устает напоминать Антонина Ивановна. Институт нужен ему одному, а поэма — и Лере! Дело ведь не только в опубликовании вещи, дело в том, что печальная судьба героини поэмы должна будет подсказать кое-что самой Лере.

Когда от усталости тяжелела голова, Кирилл шел на улицу. У него были свои излюбленные маршруты: Большой круг и Малый круг — называл он их. Первый оставлялся на воскресенье или на праздничные дни, так как требовал много времени. Он начинался у Новодевичьего монастыря и вел излучиной реки от Окружного моста к Крымскому. Можно было идти по тропинке над самой водой, глядя на сновавшие по реке лодки, катера, речные трамваи, а можно было подняться на высокий склон Ленинских гор и любоваться оттуда необъятной панорамой Москвы, знакомой с детства и в то же время что ни день меняющейся.

Давно ли в низине Лужников до середины лета стояли лужи, оставшиеся от половодья, росла капуста в огородах да грязными, беспорядочными пятнами были разбросаны домишки и бараки! Теперь Москва-река, одевшись в гранит, стала шире и как будто моложе. В излучине левобережья раскинулся веселый спортивный город с исполинскими шатрами игровых арен, со стотысячным бетонным ульем футбольного стадиона, с бассейном для плавания, с теннисными кортами и городошными площадками, с цветниками и кудрявыми молодыми рошицами. Спортивные сооружения так естественно вписывались в окружающий пейзаж с рекой и зелеными склонами правого берега, что казалось, городок здоровья существовал здесь всегда.

С площадки перед университетом и старому москвичу нелегко определить, где дома

Усачевки, которой некогда кончался окраинный район столицы. Светлые многоэтажные корпуса, обогнув стадион имени Ленина, вымахали к самой воде, новый арочный мост связал берега реки. А что за диво—громады поднялись за университетом и по обе стороны от него, где всего несколько лет назад тянулись поля, перерезанные оврагами? Это ж целый город с широкими проспектами и площадями, школами, клубами, кинотеатрами! Обойти его не хватит и дня.

Малый круг вел тихими, кривыми переулками Арбата, с их старинными особняками и новыми зданиями, вдоль палисадов, где играла детвора и сидели с газетой в руках или вязаньем пожилые люди. Каждый дом, каждый камень и дерево были знакомы здесь Кириллу. Вот чугунная ограда детского диспансера выгнулась в одном месте дугой, повторяя форму ствола старого тополя, наклонившегося в переулок. Вот пожарное депо, выстроенное в дни, когда с безоблачного московского неба сыпались в переулки фашистские зажигалки и фугаски.

Кирилл шел не спеша, слушая радиомузыку, доносившуюся из открытых окон квартир, и, хотя он прекрасно знал, куда выйдет, снежно-белые, сходящиеся в высокой синеве грани высотного дома на Смоленской всякий раз заново поражали его. Серебряная башня здания тепло освещалась лучами заходящего солнца, точно просвечивалась насквозь, в то время как окружающие арбатские дворики уже тонули в наступающих сумерках.

Широкое Садовое кольцо, по которому безостановочным потоком, в несколько рядов, ехали машины, выводило к улице Горького — шумной, полнолюдной, яркой от света неоновых реклам. И так разителен был контраст между почти патриархальной тишиной родных переулков и бурлящей через край жизнью центральных магистралей, что домой Кирилл возвращался возбужденный, подстегнутый, освежившийся.

Но почему знакомый Малый круг то и дело вытягивался эллипсом, достигнув в месте наибольшего удаления от своего центра Октябрьского вокзала? Не в Подрезково же собрался Кирилл!.. Там ему нечего делать...

На улице Горького он поймал себя на том, что высматривает среди прохожих Леру. Что за наваждение, она ж далеко отсюда!.. И все же Кирилл не удержался, чтобы не заглянуть в лицо девушки, чем-то напомнившей ему Леру. Разумеется, не она.

А однажды ноги сами привели его к дому Юльки: он запомнил ее адрес с того дня, когда с Гришей провожал девушку с вокзала. Кирилл пришел в «клубный день»; возбужденная, хлопочущая хозяйка обрадовалась новому гостю, хотя и не могла уделить ему особого внимания — нужно было варить кофе для компании. Улучив момент, он спросил, нет ли писем от Леры.

— Каких писем? Ах, уже больше недели прошло?! Не бойтесь, бык ее не забодал. И разлюбить она вас не успела. Сколько я знаю Лерку — она никого еще никогда не любила так, как вас, чудак вы человек.

Кирилл готов был расцеловать ее за эти слова. Наблюдая за шумной, подвыпившей компанией, он не мог представить себе, что здесь бывала его Лера. Этой стороны ее жизни он, оказывается, совсем не знал.

* * *

Производя хронометраж кладки перегородок шестого этажа, Кирилл заметил облачко

алебастровой пыли, пробившееся откуда-то сверху. Почему распыляется материал? Там же бункер.

На седьмом этаже подсобница, стоя на лестнице, выгребала из бункера лопатой алебастр и кидала его в носилки на полу. Лицо ее было повязано платком так, что виднелись одни глаза.

— Почему лопатой пользуетесь? — Кирилл с трудом сдерживал досаду, видя, что герметически закрывающийся бункер, стоивший немалых денег, используется как простой ящик.

Женщина отвела платок ото рта.

— Заела ваша техника! Приказано вручную выбирать.

Кирилл потрогал дроссельную заслонку бункера — она не открывалась. Он с силой подергал ее — тот же результат. Женщина насмешливо смотрела на него, потом взялась за лопату.

— Отойди, начальничек, запылю!..

Осмотрев бункер, он понял, в чем дело. После прошедших дождей заслонка, которую своевременно не смазали тавотом, заржавела. Погнутый край ее и следы кирпича на ручке показывали, что бункер пытались открыть самым примитивным способом.

Он сбросил куртку и, подняв с пола железный прут, попробовал поддеть им заслонку. Ручка снова действовала, но когда Кирилл попытался закрыть ее, он защебил три пальца: из-под почерневших ногтей выступила кровь.

— Руку повредили? — участливо спросила подсобница, спускаясь со стремянки. — Давайте перевяжу.

— Ерунда! — Он обернул пальцы носовым платком.

Через полчаса кисть вздулась. Дежурный врач поликлиники, смерив Кириллу температуру, сделал ему противостолбнячный укол. Пострадавшая рука повисла на бинте.

— Денька три-четыре придется высидеть дома, товарищ Малышев. А если станет хуже, вызывайте районного хирурга.

Дома время потянулось медленно.

Первый день, лежа на диване со вздувшейся рукой, отдающей болью где-то в плече и в затылке, Кирилл прислушивался к дребезжанию толстого бемского стекла парадной двери в подъезде дома: не письмоносец ли? Его слух обострился до такой степени, что он слышал, как шуршит опущенное почтальоном в ящик на лестничной площадке письмо. И стучал в стену Варе.

— Тебе ничего нет, — неизменно сообщала сестра, проверив содержимое ящика. — Какой нетерпеливый! Из района почта медленно идет. Не на Северный полюс уехала, чего волнуешься?

Поздно вечером шаги человека, поднимавшегося по лестнице, затихли на площадке пятого этажа чьи-то руки шарили по двери. Завернувшись в простыню, Кирилл выскочил на лестницу. Его появление перепугало полную подслеповатую женщину, изучавшую дощечку с фамилиями жильцов; она ошиблась этажом.

Утром следующего дня сестра вбежала к Кириллу, держа руку за спиной, и потребовала: пляши! Но письмо оказалось от Юрия Власова, товарища по техникуму, которому он не ответил еще на предыдущее послание. Пожурился Кирилл за молчание, Юрий сообщал о своих успехах. Он был уже младшим прорабом в котловане Сталинградской ГЭС; продвижение по службе здесь быстрое. А какие девчата в их топографической партии! Одна

немножко похожа на Олю К. из параллельной группы в техникуме. Не знает ли, кстати, Кирилл ее координаты?

Как давно это все было: техникум, серьезный, начитанный Юрий, дружба с которым немало ему дала в ту пору, хорошенькая Оля Кружкова, нравившаяся им обоим. Именно ее Кирилл имел в виду, когда задумывал свою поэму. А позже появилась Лера, затмив собою всех. Когда-то Юрий, не умевший зарифмовать и двух слов, бережно собирал стихотворные пустяки, которые выходили из-под пера Кирилла. Вот кому он пошлет на суд поэму.

Но почему все-таки Лера не пишет? Обиделась за проводы? Нет, грузовик — не худшая его выходка. Если она умна, то поймет, что это стоит букета роз. Не случилось ли с ней чего в дороге? Она могла простудиться, захворать. Он же вот повредил себе руку, никуда не выезжая. Или тут другое?..

...Над белыми домиками Слободки кружит самолет, девушка в голубом платье выбегает во двор, машет летчику платком. Она знает, кто прилетел — тот самый парень, который был влюблен в нее в школе. Пилот увидел девушку и приветствует ее, накренив самолет. Он никогда не забывал свою первую любовь, даже перевелся в гарнизон поближе к ней. И каждый раз, вылетая на задание, делает круг над ее домом.

...Нет, вовсе это не пилот, а Одинцов. Он вылезает из машины в Слободке, Лера с букетом полевых цветов встречает его. Инженер решил провести отпуск вблизи от девушки. Должен же он выиграть пари, хотя его не принял Кирилл...

Жар поднимался теплой волной, приятно кружа голову. Воспаленное воображение рисовало одну картину за другой, реальные фигуры мешались с выдуманными...

В комнату вошла мать с вязаньем: бросив шить, она взялась за спицы.

— Что это ты раскраснелся, сынок? Да ты весь горишь!

Сунув под мышку сыну градусник и заботливо подоткнув простыню, Антонина Ивановна стала припоминать, как в свое время получила за счет фабкома путевку в дом отдыха и целых двадцать четыре дня — почти месяц! — блаженствовала на Истре. Если ей не изменяет память, со станции Истра письма шли до Москвы больше недели, хотя тут нет и ста километров.

— Ты бы, мама, мне еще сказку рассказала на ночь.

— А помнишь, тебе было десять лет, ты лежал с воспалением легких и каждую ночь усыпал под мои сказки. Думаешь, ты стал намного умнее с тех пор? Вот послушай, какую историю я слышала в госпитале от раненого бойца-киргиза...

Мать рассказала о быстроногой красавице Ак-Бозат — кобыле с белой звездочкой на лбу — единственном сокровище бедного пастуха. Важные баи предлагали бедняку за его лошадь табуны кобылиц, войлочные юрты и много всяческого добра. Самый богатый полновластный хозяин степи скрепя сердце согласился выдать за упрямца свою дочь, если тот расстанется с Ак-Бозат. Влюбленная девушка в конце концов перешла в дырявую юрту пастуха, но лошадь он так и не отдал.

Бесчестный вор, подкупленный отцом девушки, темной ночью увел Ак-Бозат, обвязав копыта тряпками. Проснувшись в тревоге, пастух услышал вдали знакомое жалобное ржанье. Вскрикнув, как безумный, он вскочил на первого попавшегося скакуна и помчался за похитителем. На рассвете он стал нагонять свою красавицу, хотя вор нагайкой полосовал ее бока. До слез обидно стало пастуху, что его гордость, его мечту, его сокровище можно догнать на простой лошади. И крикнул он в ярости: «Отпусти поводья, шайтан!» Вор отпустил поводья, и Ак-Бозат стрелой умчалась в степь...

Не в первый раз мать поражала Кирилла пониманием того, что с ним происходит. Он постарался не показать виду, как его задела рассказанная история.

— Мораль сей басни такова: свое сокровище беречь получше надо! Так я тебя понял, мама?

— А может быть, и другое: не бойся отпустить поводья! — сказала мать уклончиво. — Мечта дороже всех сокровищ, сынок. А поводьями никого не удержишь — ни лошадь, ни тем более человека.

Что она знала? О чем догадывалась? Кирилл мог бы сказать матери, что ни за кем в жизни он не гонялся и не будет гоняться, но, боясь выдать волнение, предпочел отмолчаться.

— Очень хочется видеть тебя счастливым, Кирюша! Внуков понянчить хочу. Ох-хо-хо, доживу ли?.. Дай-ка градусник!.. Ну, слава богу, падает температура... Спи спокойно!

Среди дня позвонила Наденька, от имени отдела осведомилась о его здоровье. А вечером неожиданно ввалился экскаваторщик Борис Ковалев. Кирилл удивился его приходу; они ведь недостаточно близко знакомы.

Большой потный Ковалев не мог найти места, куда положить кепку, и кончил тем, что сел, держа ее на коленях. Адрес заболевшего техника он узнал в производственно-техническом отделе.

— Неприятности у меня, товарищ Малышев, — прямо начал он. — Жильцов грозит привлечь за хулиганство, Бельская вызывает на бюро. Поскольку вы свой человек — хотелось раньше с вами обменяться... Да, а как ваше здоровьечко? — спохватился гость.

— Все в порядке. Так что с вами стряслось?

Не зная, чем привлечь внимание гордой крановщицы Полины Глушко, рассказал экскаваторщик, он надумал сделать ей такое признание в любви, какого никто никогда никому не делал. Раздобыв ведерко мазута и кисть, он после конца смены подвел свой «Воронежец» к торцовой стене недостроенного корпуса, задрал как можно выше стрелу экскаватора и, забравшись по ней, словно по лестнице, на высоту третьего этажа, вывел аршинными буквами: «ПОЛЯ, Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!»

— Здорово! — Кирилл присел на диване в возбуждении; он вспомнил свою проделку с надписью в Подрезково. — И что?

— Что, что?.. Наутро вся стройка сбежалась смотреть мое художество. Жильцов начальство привел. Какая-то комиссия работает в тресте — тоже пришла в полном составе... Кто смеется, Жильцов ругается, Полинка моя ревела весь день. Со мной и разговаривать не стала, через подругу передала, что я хулиган, публично ее оскорбил. — Он ударил себя кулаком в грудь, загудевшую, как пустая бочка. — А меня, может, за озорство такое в газете хвалили.

Экскаваторщик имел в виду надпись на каменной глыбе, легшей на дно перекрываемой Волги: «Привет судакам от бригады Ковалева!» В свое время газеты воспроизвели ее текст, кинохроника засняла момент падения ковалевской плиты в Волгу, весь Советский Союз посмеялся остроумной выходке бригадира. Но плита легла на дно, судаки не могли прочитать надпись, а настенное признание в любви колело глаза не только той, которой было посвящено.

Видя, что гость, несмотря на напускную бравату, всерьез расстроен, Кирилл прочитал по памяти стихотворение о влюбленном мальчишке, который, не зная, чем обратить на себя внимание своей подруги, «на каменных плитах, где милой ботинок ступал, «Хорошая девочка Лида» в отчаяньи написал»...

— Ух, ты! Ваше? — Узнав, что стихи написаны известным советским поэтом и много раз перепечатывались, экскаваторщик обрадовался еще больше. — И книжка у вас есть? Дайте мне ее на пару деньков, я прочту Полинке. А Жильцову и прочим деятелям скажу, чтобы больше изучали художественную литературу.

Кирилл поинтересовался, цела ли сейчас надпись.

— А что ей сделается? Только буквы малость потекли, жидковат мазут оказался... — Он ухмыльнулся, показав желтые моржовые клыки. — Жильцов кипятился: в двадцать четыре часа стереть! А как сотрешь, если мазут в силикатный кирпич впитался. Ничего, новый корпус пристроят, буквы штукатурка скроет. Стена-то внутренняя...

Одобрение Кирилла исправило настроение экскаваторщика. Томик стихов скрылся в его необъятном кармане, а на свет появилась бутылка портвейна «777». Подмигнув больному, дескать, это лекарство никому еще не вредило, богатырь одним ударом широченной ладони выбил пробку. Отхлебнув порядочный глоток, Кирилл вернул бутылку гостю.

— Я попрошу сестренку насчет закуски сообразить.

— У нас все предусмотрено. — Ковалев достал из кармана две шоколадные конфеты. — Так ты когда, Малышев, на работу?

— Денька через три-четыре.

— Бюро меня не пугает, на Жильцова мне — тьфу! А вот с Полинкой ты, Малышев, поговори. Она тебя ужас до чего уважает.

— За что? — искренне удивился Кирилл.

— Что ты! — замахал руками Ковалев. — По тебе не одна из наших девчат-подсобниц вздыхает. Поля призналась мне как-то: «Мой идеал — техник Малышев...» Поначалу я даже приревновал тебя, а потом увидел: парень ты серьезный. Небось своя есть студенточка? — Он еще раз подмигнул Кириллу.

Они выпили за примирение Бориса с Полиной, за Леру.

Экскаваторщика спугнул приход Гриши: ревнивец до сих пор не простил художнику посещения башенного крана.

Озабоченный, небритый, что сразу делало его старше на несколько лет, Гриша поделился своими огорчениями. Жюри выставки отклонило серию его строительных зарисовок.

— Я сам виноват, поспешил. Раньше нужно было у вас на стройке обнародоваться. Очень уж название придумалось беспроектное: «Растут этажи...» Ни черта не помогло — ни название, ни тематика. Рисунок, говорят, слаб, особенно в портрете. Будто я и сам не знаю, что мой конек — пейзаж, цвет. — Вспомнив о рисунке, художник, продолжая разговаривать, стал набрасывать, на листке блокнота лежащего Кирилла; он решил отныне использовать каждую минуту для практики. — Хоть бы постройкомщики не пришли на выставку.

Предприимчивый Гриша успел пригласить на открытие выставки, так сказать, авансом, предпостройкома Жильцова и кое-кого из клубных работников в расчете на то, что его рисунки прямо с выставки будут приобретены для клуба строителей.

— Не напомнишь — не придут, — успокоил друга Кирилл. — А как с «Весной московской»? — Он имел в виду картину, которая понравилась ему и Лере.

— Первый тур прошла благополучно... Тьфу, тьфу, тьфу! Хоть бы Владимир Илларионович поскорее возвращался из Варшавы. У него там персональная выставка гравюр открылась. Без поддержки старика может трудненько прійтись... Послушай, как называются

эти земляные столбики? — вдруг вспомнил он. — Ну, которые остаются после выемки фундамента под дом.

В прежнее время, когда выемка грунта велась лопатой, землекопы оставляли контрольные столбики нетронутой земли, так называемые целики. По ним десятник при замере работ наглядно видел, сколько грунта вынута за день.

— Не вздумай только в свою картину вставить целичок. Тот же Борис Ковалев засмеет тебя за отсталость.

— А если я своими глазами видел этот самый целик? Знаешь, в дальнем углу участка, где глинистый грунт... Но меня не целик интересует, а человек, который сделал из глины голову Маяковского. Лопатой ли он снимал грунт или еще чем, только черты поэта схвачены точно... Самородок!

И тут же Гриша перескочил на другое: а что, если украсить стрелы башенных кранов головами жирафов или аистов из папье-маше? Затраты небольшие, зато эффект какой! Железный жираф поднимает корзину с кирпичом...

— А Драгина вырядить Серым волком, да? — в тон ему продолжил Кирилл. — А Павла Ивановича — Красной шапочкой.

Ему не терпелось поговорить о Лере, а художник, как назло, не спрашивал о ней. Кирилл осведомился о здоровье Кати.

— Здорова, что ей делается. Лучше скажи, как наша прекрасная Лерочка доехала? — спохватился Гриша.

Кирилл рассказал о странном молчании девушки.

— Когда моя Катька прохлаждалась в санатории полиграфистов, она вовсе три недели молчала. Вдобавок мне стало известно, что в той же партии отдыхает ее завцехом, препротивный тип, ухаживавший за Катей до меня. Что делаю я? Лечу в Сочи и навожу порядочек. — Он крутнул воображаемый ус. — Слава богу, мы не в онегинские времена живем, в нашем распоряжении передовая отечественная техника.

— Ты, Гриша, представитель свободной профессии.

— А до какого числа у тебя бюллетень?

Узнав, что бюллетень продлен до субботы, а Лерины родители живут под Харьковом, художник стал убеждать друга лететь немедленно. До Харькова каких-нибудь три часа лету, за сутки можно обернуться! На Леру и на ее родных его прилет, несомненно, произвел бы самое благоприятное впечатление.

— А деньги? По бюллетеню гроши причитаются: я ж без году неделю работаю. Вот и тебе долг еще не вернул...

— О долге забудь, но что касается новых ссуд, то... — И Гриша вывернул пустые карманы.

Нужную сумму в тот же вечер привез Лешка, которому позвонил художник. Назвав Кирилла влюбленным идиотом, а Гришу — авиасводником, пловец тем не менее снял со сберкнижки часть «неприкосновенной» суммы, которую копил на «Москвич».

Всю ночь Кирилл проворочался без сна, обдумывая план отлета. Рука, кажется, больше не болела, С утра пораньше он помчался в городскую контору Аэрофлота, сказав дома, что идет на перевязку. Билетов на ближайшие самолеты не было, кассирша посоветовала ехать прямо в аэропорт.

— Перед вылетом остаются места по броне.

Он отправился в ювелирный магазин, у витрины которого стоял когда-то с Лерой:

колечко с аметистом, к счастью, не продано.

Дневная почта не принесла ничего нового. А вечером Кирилл тайком вышел из дому, оставив записку Варя.

В кассе аэропорта билетов на вечерний самолет пока что не было: бронь еще не снимали.

Прохаживаясь по залу ожидания, наполненному деловитыми, озабоченными или равнодушными ко всему пассажирами, прислушиваясь, как диспетчер в третий раз приглашает по радио какого-то гражданина Сизова, отлетающего в Хабаровск, занять место в самолете «ТУ-104», Кирилл все больше чувствовал себя «не в своей тарелке». Здесь, в деловой атмосфере аэропорта, его тщательно продуманный план казался просто глупым. Домой могут позвонить с работы, его решит проведать кто-нибудь из сотрудников — что они подумают о коллеге-летуне? Ведь приходил же без предупреждения Борис Ковалев. О матери он старался не вспоминать. Хоть бы Варя, предупрежденная запиской, успокоила ее.

Не выдержав, он позвонил домой. Подошедшая к телефону Варя напустилась на брата. Очень хорошо, что он еще не улетел, пусть немедленно, сию же минуту возвращается домой, не то она позовет к телефону мать. Варя и слушать не хотела возражений. Пусть он сразу садится в автобус и едет домой, если здоровье мамы хоть немного беспокоит его. Нет, пока ничего не случилось, мама еще не знает, куда собрался ее легкомысленный сынок. Но неужели он такое чудовище, что не понимает, как все это может на нее подействовать?

— Подожди минутку, стучат! — другим голосом сказала Варя. — Я открою дверь.

Он решил, что она пошла за матерью, сердце билось так, что стук отдавался в трубке. Но вот Варя радостно прокричала:

— Почту принесли. Тебе, дураку, письмо и открытка... Штмп посмотреть?.. «Слободка, Харьк. обл.». Доволен, дурень?

В стеклянную дверцу телефона-автомата Кирилл увидел остановившийся у подъезда аэропорта рейсовый автобус, ехавший в Москву, и выбежал на улицу.

Ничего особенного не было в Лерином письме — двух страничках почтовой бумаги, исписанных крупным, размашистым почерком. Почему же Кирилл перечитывал эти листки снова и снова, даже захватил с собой на работу?

— Ня верь, ня верь, молодой человек, тому, что девки пишут, — сказал Драгин, застав его с письмом в руке за штабелем кирпича. — Все равно омманут!

Кирилл усмехнулся: «Что ты, папаша, в этом смыслишь?»

Она не написала сразу по приезде потому, что надо было обегать все любимые места, повидать стольких людей. Как здесь хорошо: все цветет, над жнивьем летят паутинки, на заре выпадают обильные росы («я бессильна описать такую красоту, тут стихи нужны»). Родители рады ей, восхищаются ее видом («платье тоже сыграло свою роль»). А уж как завидуют ее подружки рассказам о Москве, о художниках и поэтах («хотя поэт у меня один — ты!»). Его письмо, пришедшее неожиданно быстро («спасибо за него, милый!»), усовестило ее. Кстати, родители заинтересовались: кто это так быстро по ней соскучился? Пришлось объявить: жених («ты не возражаешь?»).

Это место письма неизменно раздвигало его губы в улыбке, один раз, не удержавшись,

он даже поцеловал бумагу, к которой прикасалась ее рука... И он мог не верить ей, своей невесте?! Однако в поэме он оставит все как написано, — без конфликта нельзя! Да и сколько можно переделывать вещь!

Лера обещала писать часто и подробно, но снова замолчала. А затем пришло письмо, поразившее Кирилла своим уныло-безнадежным тоном. Если б у нее были лишние деньги, писала Лера, она бы уехала куда-нибудь к морю, как это делают другие. Все вокруг серо, неинтересно, до тошноты знакомо. Лишь первые дни ее могло развлечь общество подруг, но в общем они такие безнадежные провинциалки. По вечерам идти некуда, не в городской же сад, где на сколоченной из досок площадке танцуют первобытные мазурки... А ночью в доме закрыты ставни, душно, не спится от дум. В свое учреждение она больше не вернется, это пройденный этап жизни. Но куда идти, что делать? «Ах, если бы ты знал, Кирилл, как мне тошно — ты бы прилетел на крыльях».

В краткой приписке, которую он сначала не заметил, сообщалось: через Слободку, по пути на юг, проехали Одинцов с невестой и незнакомой Лере супружеской парой. Она проболтала около часу с Виктором Алексеевичем, чинившим машину...

Что ж, причина перемены ее настроения ясна. И надо ж было случиться, что Лера оказалась на шоссе именно в ту минуту, когда сломалась проезжавшая мимо машина Одинцова! Не сговорились же они о встрече заранее?!

Кирилл ответил довольно сдержанно. Ему понятно, что происходит с Лерой, но пусть она потерпит до Москвы. Он делает кое-что для их общего будущего. Что касается Одинцова, то он многое порасскажет о нем при личной встрече.

О том, чтобы бросить работу и мчаться к ней, Кирилл не мог теперь и помыслить. Сотрудники рассказали, что во время его болезни Павел Иванович засиживался в отделе до глубокой ночи, сам брался за рейсфедер. А как схватилась за сердце мать, услышав от Вари о его сумасбродном и, к счастью, неосуществленном плане! Так плохо, как в эту осень, Антонина Ивановна никогда не выглядела, у нее было усталое, с нездоровым, восковым оттенком лицо. Вот кому нужен отдых!

Как важно, чтобы поэму поскорее приняли и напечатали. Во всех отношениях важно. Но именно в этом, в главном, как ему казалось, пункте Кирилла ждало горькое разочарование.

Литературный консультант журнала, куда он, не доверяя почте, сам отнес рукопись, сразу принял его. Поначалу Кирилл лишь делал вид, что слушает маленького человечка с редкими льяняными кудерьками и заспанным, а быть может, просто усталым лицом. Но консультант так увлеченно говорил о поэзии, что Кирилл незаметно для себя заслушался. А когда он услышал из чужих уст свои стихи, они показались ему такими безнадежно слабыми, что он низко склонил голову.

— Простите, сколько вам лет, товарищ Малышев?

«А какое, собственно, это имеет значение?» — хотелось спросить Кириллу, но вместо этого он покорно сообщил свой возраст, зачем-то «округлив» его на целых полтора года.

— Борец?

— Что? — не понял Кирилл.

Перегнувшись через стол, для чего ему пришлось лечь круглым животиком на бумаги, консультант с уважением похлопал молодого человека по бицепсам.

— Я спрашиваю: какому виду спорта отдаете предпочтение?

— Плаванью, — пробурчал в досаде Кирилл, вместо того чтобы хоть на этот раз сразить болтуна.

— А я как топор плаваю, честно признаюсь. Зато в стихах не плаваю, нет. Не возьмусь утверждать, что вы не будете поэтом — подобных вещей никто не может сказать утвердительно! Но то, что это, — консультант пошлепал по синей папке с рукописью, — не поэма, увы, факт! Здесь и содержания-то строчек на шестнадцать от силы: он ее любит, она его нет, она попрыгунья, а он поэт. — Миниатюрные ладони умоляюще прижались к груди. — Поверьте человеку, много лет верой и правдой служащему литературе: поэма — один из труднейших жанров.

Кирилл не знал, где и чем служил литературе консультант, да это его и не интересовало. Значит, поэмы нет!

— Не думайте, я не педант и не брюзга, считающий, что котят надо топить, пока они слепые. Ведь как радуешься одной — хотя бы одной! — настоящей строчке, свежему поэтическому образу! А вы не мыслите образами, вот в чем все дело... Сейчас я вам покажу, какой перл я выудил из редакционного «самотека»... Это стихи о любви, о творчестве... Автор — начинающая поэтесса из Горького... — Он рылся среди бумаг на столе, затем стал выдвигать ящики один за другим, но, не найдя того, что искал, прочел по памяти; голос его дрожал, глаза блестели: — «Я как стрела, влюбленная в полет, я как пчела, расплавленная в мед...» Нет, не «расплавленная», там лучше было сказано, точней. — Он снова начал рыться в бумагах, потом шлепнул себя ладошкой по лбу. — Старческий склероз памяти: я же сам их вчера на машинку отправил... Прочтете в ноябрьской книжке журнала.

Кирилл поднялся, чтобы идти.

— В басне свои силы пробуйте, в газетном фельетоне! В фельетоне особенно перо острится, многие большие мастера с этого начинали. И не надо, батенька, сразу в толстый журнал. Есть журнальчики потоньше, есть многотиражная печать... Ну, желаю удачи! — Проводив автора до двери, консультант горячо пожал ему руку. — Ого, какая ладонища! Послушайте, давайте меняться: вы мне отдаете свое здоровье и возраст, а я вам — этот стол, книжки и все прочее. По рукам?

«Очень мне нужно твое консультантское место!» — решил про себя Кирилл, а вслух сказал:

— Подумаю...

— Не сердитесь, если что не так сказал... Знали бы вы, как меня в свое время Валерий Яковлевич Брюсов пушил — пух и перья летели!.. Будете проходить мимо Зиночки, секретарши нашей, попросите отметить, что забрали рукопись. У нас учет!

Пожилая секретарша, которую Кирилл перед тем уговаривал вручить поэму в руки главного редактора, спросила только: «Возврат?» — и сделала пометку в толстой книге регистрации. Слава богу, не узнала его!

— Простите, как фамилия консультанта, у которого я был? — решился он спросить ее.

Секретарша удивленно взглянула на молодого человека.

— Там же на двери написано! — И она назвала фамилию литератора, известную Кириллу еще из школьной хрестоматии.

А он-то невнимательно, с раздражением слушал его советы!

На лестнице Кирилл перелистал свою рукопись. На полях ее были бесчисленные пометки, вопросительные и восклицательные знаки, редкая строчка не подчеркнута одной или двумя чертами. До чего слабыми, вымученными казались ему слова, недавно рождавшиеся во вдохновенном нетерпении!.. Проходя мимо урны, он сунул в отверстие свое опозоренное детище.

Гриша пригласил Кирилла на открытие осенней выставки. Художник сам встречал друзей у входа в районный Дворец культуры, предоставивший свои залы работам молодых живописцев, графиков и ваятелей. В парадном костюме, с шевелюрой, до известной степени укрощенной бриллиантином, он выглядел именинником, словно открылась его персональная выставка.

— Да здравствуют поэты! — крикнул он, увидя Кирилла.

Молодого человека смутило громкое приветствие; несколько незнакомых людей, стоявших в очереди у гардероба, повернули головы в их сторону. Отведя художника в уголок, он попросил Гришу не величать его — хотя бы при посторонних — поэтом.

Гришу кто-то позвал.

— Встретимся в девятом зале, гвоздь выставки там! — И он рысью устремился по лестнице наверх.

Стоявшие у вешалки посетители уже передавали друг другу:

— Слыхали? В девятый зал надо идти!.. Там гвоздь!

Гул сдерживаемых голосов, шарканье подошв, восклицания и приветствия постоянных посетителей вернисажей наполняли залы. Газетных рецензентов можно было узнать по бесстрастным лицам и неизвестно где добытым каталогам, куда они вносили понятные им одним пометки. Молодые авторы — иногда это были люди с солидной лысиной, отцы семейств — потные, ошарашенные публичными весьма противоречивыми отзывами о своих работах, метались в поисках устроителей выставки: каждому автору казалось, что именно его картина повешена не там, где нужно, и освещена не так, как нужно. Зато их жены держались уверенно, словно они были авторами всех этих работ. Два старшеклассника украдкой посматривали на зеленоватый, под бронзу, торс пловчихи, надевавшей купальную шапочку. Моряки, организованно переходившие от картины к картине, как по команде, повернули голову в сторону хорошенькой посетительницы: натуру они явно предпочитали изображению.

Первые залы Кирилл миновал быстро, лишь мельком взглядывая на монументальные картины, изображавшие то плавку стали, то сцену проводов молодежи на целину, то момент подписания договора на соцсоревнование между бригадами. Иные полотна, еще пахнущие свежей краской, казались уже виденными. Утомляло великое множество густонаселенных картин, с добрым десятком старательно выписанных, словно сфотографированных на цветной пленке лиц, с огурцами и помидорами на столе столь натуральными, что хотелось протянуть руку и попробовать их, хотя для этого лучше было сходить в овощной магазин.

А жанр, еще недавно так несправедливо забытый! Стоило появиться и получить шумный успех таким вещам, как «Опять двойка» или «Прием в комсомол», — и в очередь выстраивались бесчисленные ремесленнические подражания им: «Единица в дневнике», «Исправил отметку», «На классном собрании», «Вызвали на бюро ВЛКСМ» и так далее. Отметили в прессе художника за то, что он взялся за изображение, скажем, семейного быта, и уже потянулась вереница ушедших и вернувшихся в семью мужей, становились в затылок плохие или, напротив, хорошие жены. А жюри, вместо того чтобы отвести работы, отображавшие не жизнь, а лишь копию изображения с нее, мирволили художникам.

Выгодно отличалась от подобных конъюнктурных поделок композиция, названная

автором «Одна». Перед этой картиной все время толпились зрители, хотя висела она действительно неудобно, в простенке между окон. На полотне были изображены двое: молодая женщина сидела лицом к зрителям и смотрела прямо перед собой; во взгляде ее были тоска и безнадежность, руки безвольно легли на колени. В позе мужчины, обернувшегося к ней спиной, угадывалась скука, если не презрение. Быть может, он зевал, глядя с балкона на вечернюю улицу, или свистел — лица его не было видно... Что произошло между ними? Ждала ли она ребенка, от которого отказался ее охладевший возлюбленный? Томился ли он прискучившей покорностью женщины?.. Композиция вещи приковывала внимание, заставляла задумываться, а красное пятно женской фигуры на темно-синем фоне неба вызывало какое-то смутное, тревожное чувство. Отходя от полотна, зритель невольно уносил в памяти эти две фигуры, как бы олицетворяющие самое страшное на свете — одиночество.

А сколько мыслей вызывала скульптурная группа, изображавшая трех товарищей — не то экипаж боевого самолёта, не то советских танкистов, попавших в плен, не то рабочих, отказавшихся грузить вражеский эшелон! Смело, не мигая, смотрели двое в глаза врагу, лишь третий, тяжело раненный, а быть может, измученный нечеловеческими пытками, не мог смотреть: закрыв глаза, он уперся подбородком в литое плечо товарища, почти повис на нем. Люди, казалось, вросли в землю, как вырастает в родную почву корнями могучий дуб. Таких не собьешь, не затопчешь, не уничтожишь, им, бессмертным, стоять в веках!

Рядом с такими работами «Московская весна» Гриши, висевшая в девятом зале, будто поблекла, казалась мельче по мысли, слабее по исполнению. Перед полотном толпилась группка спорщиков. Старик с бородкой клинышком не мог понять названия картины.

— Весну всегда изображают в виде девушки, — терпеливо объяснял юноша в лыжной куртке, обращаясь не столько к нему, сколько к девушке в зеленой вязаной кофточке. — А Москва?.. Во-он внизу памятник Пушкину!

Сделав вид, что он не слышал объяснения, старик продолжал:

— И эта решетка а-ля модерн? Непереваренный Бонапарт на советской почве!

— Попробуйте-ка найдите такое у ваших хвалёных французов! — адресовалась студенческая куртка к жадно внимавшей девушке.

— Почему моих? — обиделась бородка клинышком. — Вас еще на свете не было, сударь мой, когда я поклонялся Сурикову и Репину, ловил каждое слово Владимира Васильевича Стасова.

Гриша, появившийся в зале с гурьбой родственников и знакомых, был доволен: у его картины толпятся люди, они спорят, значит вещь не оставила их равнодушными.

Гришина мать, маленькая, смуглая, седая старушка с поблекшим лицом, по которому можно было заключить, насколько красивее сына она была в молодости, близоруко щурилась и благодарила всех: «Спасибо! Спасибо вам!» Вдове скромного фармацевта, которую сын вызвал в Москву к открытию выставки, казалось невероятным, что Гришина работа висит в этом огромном зале, что столько людей любят ее.

Отцу Кати, степенному, молчаливому печатнику в серой тройке, портрет дочери понравился. А ее мать сказала:

— Хороша, да непохожа! Не моя дочь, нет!

Напрасно покрасневший от смущения автор, теребя подразумеваемые усики — если бы усы были настоящими, несдобровать бы им в этот день! — доказывал, что дело не в сходстве. Он писал не портрет Кати, которую знают в лицо лишь родня да знакомые, а картину под

названием «Московская весна».

— А по мне, хоть весна, хоть зима, лишь бы похожа была. Вот Зою Космодемьянскую я сразу признала, хоть и каменная... Ничего, Гриша, не кручинься, еще научишься!..

Всей компанией пошли смотреть работы Гришиных друзей.

Слушая шумные споры, читая первые записи в книге отзывов (Гришина «Весна» была отмечена добрым десятком посетителей), Кирилл как-то особенно ясно осознал свою собственную несостоятельность. И Львов и его товарищи, что бы ни говорили об их работах, владели профессиональным мастерством, их творчество получило признание. А он, видно, полная бездарь!

После вернисажа Гриша отвез мать, едва передвигавшую от усталости ноги, к дальней родственнице, у которой старушка всегда останавливалась; на «чердак» сына ей было тяжело подниматься. В тесном дружеском кругу художник отметил открытие выставки. А когда они остались вдвоем в студии, Гриша выслушал самокритический рассказ друга о посещении литконсультанта.

— Если б я слушался всех, кто ругает меня, я бы давно выбросил кисти в окно и переквалифицировался на управдома. Молод, красив, силен как бык, любит и любим, и хнычет: поэма не удалась! Ну и черт с ней, с этой поэмой! Лера — вот лучшая твоя поэма!.. Ты всерьез уверен, что стихи — самое важное в жизни? Думаешь, я в твои годы не марал бумагу? Совсем недавно, когда я за Катей ухаживал, я все письма ей в рифму сочинял. Прочешь? — Увидев, что Кирилл насупился, Гриша обвел руками стены своей мастерской. — Видишь, сколько этюдов, набросков, кроков!.. И все это лишь подготовка, разгон к моей поэме — «Московская весна». Сколько времени, красок, души я на нее убил! А думаешь, она дала мне что-нибудь, так сказать, в материальном выражении? Ноль целых, хрен десятых!.. Для того только, чтобы ее повесили как следует, я три дня и три ночи не вылезал из Дворца культуры, со всеми тамошними билетершами и сторожихами дружбу свел... Быть может, позже, если картина обратит на себя внимание рецензентов и общественности, я и заработаю толику. Но строить, как ты, все свои жизненные планы на одной вещи?.. Никогда!..

Художник, с утра находившийся в приподнятом настроении, разошелся. А что, если Кириллу организовать на стройке литературное объединение? Способных людей хоть отбавляй, стихи строителей любое издательство схватит — вот и поэмку за компанию тиснуть. Свою «Строительную сюиту» Гриша решил проталкивать через изостудию треста, которой он теперь руководил.

А Кирилл все больше мрачнел. Неужели Гриша не видит разницы между собой, профессиональным художником, приглашенным руководить студией, и им, жалким любителем?

— Есть еще вариант. Редакция «Московского комсомольца» просила меня сделать карикатуру на моральную тему. Что, если ты сочинишь к ней подпись в стихах? То есть не подпись — целый стихотворный фельетон! Я могу поставить обязательным условием, чтобы текст был твой. А вырезку Лере пошлешь.

Не грустно ли, что Гриша повторил совет консультанта. Нет, фельетоны и басни Кирилл уже писал. И печатал. Но даже сотня мышей не составит одного кота! Не о фельетоне он мечтал, намекая в письмах к Лере на грядущие перемены.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал он, поднимаясь.

— Никуда я тебя не пущу такого! — возразил Гриша. — Сейчас пятый час, чего мать зря

тревожить.

Он расстелил для гостя на полу свой бухарский ковер.

В полусне, забыв, где он находится, Кирилл принял белую фигуру, лежащую рядом на тахте, за Леру.

— Лера!.. Лерочка! — зашептал он, глядя кисть свесившейся руки.

— А?.. Что?.. — У привскочившего Гриши был хриплый со сна голос. — Фу, как ты меня напугал, медведь! Чего тебе?

— Холодно... Укрыться нечем?

Кирилл уже не заснул до рассвета.

Дома его встретила заплаканная сестра.

— С вечера маме плохо было, я хотела «Скорую помощь» вызывать. И тебя нет. — Варя всхлипнула.

На цыпочках он вошел в большую комнату. Антонина Ивановна повернула голову к сыну, на губах ее дрожала улыбка, заставившая его сердце сжаться от жалости.

— Все хорошо, сынок, — прошептала она. — Ты где задержался?

— У Гриши. После выставки мы полночи проговорили. — Он проклинал себя за то, что не предупредил мать, хотя бы по телефону. — Сейчас я врача вызову.

— Не нужно, милый!.. Это все сердце... Варюша так жалела, что из-за меня не пошла на выставку. Интересно было?

Антонина Ивановна изо всех сил старалась не показывать, как ей плохо.

Кирилл вызвал районного врача. Полнейший упадок сил, определил тот. Сердце не по годам изношено. Нужен постельный режим и абсолютный покой. Все зависит от сопротивляемости организма, а организм у больной, кажется, сильный.

И действительно, силы Антонине Ивановне было не занимать. Едва Кирилл уехал на работу, а Варя ушла в магазин, больная встала и принялась, потихоньку хлопотать по хозяйству. Не могла, не умела она сидеть без дела. «Отдохну в могиле», — была любимая ее поговорка.

* * *

Получив зарплату, Кирилл заехал в плавательный бассейн: нужно вернуть Шумову хотя бы часть долга. Но он забыл о цели своего визита, услышав ошеломляющую новость: час назад на улице Горького его приятель видел Леру.

— Что ты мелешь, Леша? Ты с кем-то ее спутал.

— Может быть, и пижона твоего трестовского спутал с кем-нибудь? Который нас из ресторана по домам развозил... И машина та же самая — зеленая «Волга». Они стояли у светофора, я все рассмотрел: Лера была в голубом платье, загорелая, волосы, как у «Колдуньи»...

Одинцов раз уже проезжал через Слободку, почему бы не завернуть туда и на обратном пути! Правда, отпуск его не окончился. И непонятно, куда девалась невеста Виктора Алексеевича.

— А еще в машине кто-нибудь был? — спросил Кирилл.

— Никого. Только вещи на заднем сиденье... Я тебя, кажется, огорчил, старина?

— Что ты? — Кирилл постарался беззаботно улыбнуться.

Лешка говорил какие-то прописные истины насчет правды, которая, даже самая горькая, лучше красивой лжи, а Кирилл уже не слушал его. Против ожидания он был спокоен.

Выйдя на улицу, Кирилл продолжал улыбаться. Он не знал, как и почему встретился Одинцов с Лерой, лишь понимал: она сделала свой выбор. Ну что ж, одно к одному! Сначала — поэма, теперь — Лера.

Однако не все было так ясно, как ему казалось. Дома Кирилла встретила оживленная мать; ей было лучше.

— Сейчас и ты, сынок, запрыгаешь от радости. Только что звонила... Кто бы ты думал?

— Лера. Я знаю, что она в Москве.

Антонину Ивановну огорчил его безразличный тон.

— Ты, наверное, сердисься, что она не дала телеграмму в выезде? Но она и сама не знала, что случится оказия: ее подвез до Москвы один ваш общий знакомый. Так удачно вышло, ей даже не пришлось на билет тратиться... Что я еще хотела тебе сказать?.. Да, в получку можешь не давать на хозяйство, у меня деньги есть. Сходи с Лерой в театр, она небось наскучалась в своей Слободке. — Тут она разглядела лицо сына. — Ты что морщишься?

— Зуб ноет. — Он прошел в свою комнату.

Не мог он рассказать матери все то, что мучило его с давних пор и что близилось сейчас к концу.

На следующий день из разговора с Павлом Ивановичем он узнал, что Одинцова срочно вызвал научно-исследовательский институт, куда инженер подавал заявление. Но почему он вернулся без невесты? Кириллу не верилось, что Одинцов из простой любезности заехал за Лерой. Не такой он человек!

Днем в трест позвонила Лера: она просила Кирилла сразу после работы увидеться с ней, у нее срочные дела. Какие дела, Лера не сказала. Она все объяснит при встрече.

Его удивил и, признаться, озадачил ее звонок. Не так разговаривают люди после разлуки. Ну, а если бы у нее не было срочных дел, значит и встречаться ни к чему? Будто она не знает, что он примчался бы по первому ее зову.

Девушка с загорелым лицом и светлой копной волос, свесившихся по одну сторону головы, улыбалась ему со знакомой скамейки в сквере. Конечно, он сразу узнал Леру, и все же это была словно и не она. Загар опростил, огрубил ее лицо, прическа напоминала девушек с улицы Горького: нынче стало модно высветлять волосы и носить их а-ля Марина Влади.

Кириллу не раз представлялось, как он бросится к Лере, зацелует ее, а она прижмет к его груди.

Но хотя он видел, как она обрадовалась ему, что-то словно сдерживало ее. Не потому ли первые его слова были:

— Прическа у тебя какая-то... не твоя.

— Я не успела сходить к парикмахеру... А ты белый, белый, Кирюша. И похудел вроде.

— Зато ты пополнила... .

— Ой, только не это! Загар всегда толстит... — Они оба говорили не о том. — Послушай, мне нужно до семи вечера осмотреть одну комнату. Ты меня проводишь? Потому что я не хочу ничего делать без тебя.

— Конечно, провожу. Но какую комнату? — удивился он.

— Все, все узнаешь... Возьми такси, милый. У меня деньги есть, на обратном билете сэкономила.

Кирилл обиженно пожал плечами: о деньгах все же она могла бы не упоминать в первые минуты встречи.

Он остановил машину с зеленым глазком. Лера назвала шоферу адрес: Фрунзенская набережная. Такси помчалось.

— Мы даже не поздоровались с тобой, Лера!.. Здравствуй!

— Прости, Кирюша, это я виновата... — Оглянувшись, не видит ли ее шофер в свое зеркальце, она чмокнула молодого человека в щеку. — Здравствуй, милый! Я очень, очень рада, что вернулась. — Девушка смахнула слезинку.

— Ты плачешь?

— Плачу?.. Что ты?.. Это от радости. Значит, ты считаешь, что я располнела? Ну-ка, дай руку! — Она положила его тяжелую ладонь к себе на колено; это был жест большого доверия. — Ну, что? Нет, ты пощупай, пощупай!.. Ни жиринки. И все от плавания. Я весь месяц не вылезала из Оскола.

Сквозь тонкую ткань Кирилл чувствовал упругую полноту ее тела. Осторожно, чтобы не обидеть девушку, он убрал руку.

— Как Москва хороша! — восхищалась вслух Лера. — А в Слободке все так мелко, неинтересно. Дома по-старому, родители здоровы, начинают стареть понемножку. А как Антонина Ивановна? — вспомнила она.

— Сейчас ей лучше. А было худо. Очень худо.

— Да? — только и сказала Лера. Тут она вспомнила о комнате, которую они едут смотреть. — Один знакомый уезжает в длительную командировку, хочет сдать ее...

— Твой знакомый? — поинтересовался Кирилл.

— Если бы мой... — Она вздохнула. — В том-то и дело, что я его совсем не знаю. Просто мне сказали: нужно осмотреть комнату немедленно, пока ее не занял кто-нибудь другой.

— А сколько платить?

— Тоже не знаю. Вообще я ничего не знаю, милый. Потому и просила тебя сопровождать меня.

А он-то рисовал в мечтах, как привезет ее с вокзала прямо к себе домой. С вокзала?! Одинцов снова спутал все карты...

— Послушай, Лера, о чем я хочу тебя спросить. А куда девал Виктор Алексеевич свою невесту?

Девушка метнула на него быстрый взгляд, испуг проглядывал в нем, словно он подслушал ее тайные мысли.

— Не знаю... А почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Потому, что я ничего не понимаю...

— Видишь ли, милый... Я не хотела говорить об Одинцове, зная твое к нему отношение, но если ты сам его вспомнил... Хозяин комнаты, которую мы едем смотреть, знакомый Виктора Алексеевича... Одинцов- вскользь упомянул о нем по дороге в Москву, когда я

жаловалась на жилье, а сегодня утром заехал ко мне в Подрезково сообщить о комнате... Тебе это не нравится?

Кирилл криво усмехнулся. Конечно, Одинцов, как можно было сомневаться в этом? Сначала подвез, —теперь жилье подбирает... Все очень логично. Только Виктор Алексеевич не из тех людей, кто делает что-либо задаром. Или она дала ему гарантии?

— Какие гарантии, о чем ты болтаешь? — Девушка обиделась и в то же время казалась смущенной. — Комната ведь не Одинцова. И я сама буду платить за нее...

Машина выехала на Фрунзенскую набережную, справа потянулись высокие новые дома. Взглянув на бумажку с адресом, Лера попросила шофера остановиться у нужного дома.

— Даже не знаю, вместе нам идти или мне одной подняться?.. Пожалуй, для начала неловко являться вдвоем к незнакомым людям... Ты подожди меня здесь, милый!

Кирилл остался в такси. Он слушал потрескивание невыключенного счетчика, глядел, как медленно поворачивается диск с красными цифрами, и думы его были невеселы. Леру совершенно не интересует, как он тут жил без нее, и что у него дома, и как движется его работа. Вот она и приехала, но не к нему, это ясно, как день. Чужая, совсем чужая!

Он опустил стекло. Не нравился ему этот большой серый дом, где она собиралась жить. И Фрунзенская набережная не нравилась. А почему, собственно? Что-то связано с ней, но что именно — он не мог вспомнить.

Вернулась Лера, ее походка была не такой бойкой, и вся она казалась какой-то подавленной.

— Ничего не вышло? — спросил он.

— Потом расскажу.. Уедем отсюда скорее... — Садясь в машину, она со страхом оглянулась на подъезд серого дома.

— Куда едем? — спросил шофер, поворачиваясь к ним.

— Все равно, — проговорила Лера устало.

— Обратно в центр! — сказал Кирилл шоферу.

Развернувшись, машина помчалась в сторону Москворецкого моста. По реке плыл водяной трамвай, переполненный людьми.

— Дорого? — спросил Кирилл.

— Что? — не поняла девушка.

— Я говорю: дорого за комнату запросили?

— Да. Вообще мне условия не подходят. — Лерины губы обиженно дрогнули, словно она с трудом сдерживалась, чтобы не расплакаться. — Да, в чем-то ты был прав, Кирилл.

— Ты можешь ничего не говорить, Лера. Но если тебе будет легче оттого, что ты выговоришься — говори!

Она могла бы порассказать ему все то, что пережила за эти короткие минуты, если б он понял ее без дополнительных объяснений. Поднявшись в лифте на нужный этаж, Лера позвонила, обдумывая про себя, что скажет квартирной хозяйке. Дверь неожиданно открыл Виктор Алексеевич — улыбающийся, свежесбрившийся, в мохнатом халате: видно, он только что принял ванну и неплохо себя чувствовал. В приоткрытую дверь был виден низкий столик с вазой, наполненной фруктами, негромко играл магнитофон.

— Вы? — изумилась она.

— А кого ты ожидала встретить?.. Заходи, детка!

— Но вы ж сказали, что сдается комната... Что это квартира вашего уехавшего приятеля...

— Так точно. А когда он уезжает — это моя квартира без номера. Сейчас и твоя. Но, может, ты, Валера, войдешь? Не будем же мы переговариваться через дверь... — Он хотел взять ее за руку. Лера поспешно убрала руку за спину.

— Нет, нет! Внизу меня ждут...

— Малышев?.. Фи, это было не самое умное, детка, тащить его за собой.

В квартире зазвонил телефон. Воспользовавшись тем, что Одинцов снял трубку, Лера стала поспешно спускаться по лестнице. Она слышала, как он зовет: «Валера! Валерия Павловна!..», и ускорила шаги, шагая через две ступеньки.

Как рассказать такое Кириллу, чтобы он все понял? Тогда уж надо признаться и в том, что случилось раньше, по дороге в Москву. Юлька, которой она сегодня выложила все как на духу, категорически заявила: «Ни в коем случае ничего не говори Кириллу! Твой герой слишком идеальный, чтобы понять и простить...»

Машина встала перед светофором у Охотного ряда. Шофер спросил, куда ехать дальше.

— Давай сойдем! — предложила Лера. — Пить хочется.

Они зашли в кафе-мороженое. Сегодня она с удовольствием выпила бы чего-нибудь покрепче, объявила Лера. Кирилл удивился, но заказал к мороженому бутылку цимлянского.

Отпив вина, девушка стала задумчиво размазывать пальцем лужицу на мраморной доске столика. Мороженое таяло в серебристой вазе. Разговор не налаживался: Кирилл твердо решил не спрашивать ее ни о чем. Захочет — скажет сама.

— А что с поэмой? Ты ничего не рассказал о ней.

— Положим, ты сама не спрашивала. — Он начал с юмором описывать свое посещение литературного консультанта.

Девушка слушала плохо, она словно была где-то далеко-далеко.

— Я вижу, тебе это совсем неинтересно, Лера.

— Прости, я действительно рассеянна... В общем провал.

— Полный! — проговорил он с притворной беспечностью.

— Так я и думала... То есть те отрывки, которые ты мне присылал, были хороши, особенно посвящение, — поправилась она. — Как там у тебя: «Все лучшие слова и сочетанья их...» Очень здорово! Но я слышала, про любовь неохотно печатают:

— Там не только про любовь, — усмехнулся он. — Одна любовь немного стоит.

— И почему мне так не везет в жизни, милый?

Лера проговорила это с такой тоской и болью, что сердце его сжалось. И вдруг, в эту самую минуту, без всякой видимой связи с ее словами, Кирилл вспомнил: «квартира без номера». Да, именно так однажды разоткровенничавшийся Одинцов назвал свою холостяцкую квартиру, которую ему постоянно уступал на лето приятель. Вот почему Кириллу показался знакомым этот адрес; Фрунзенская набережная. Именно Фрунзенская...

Доставая платок, чтобы вытереть лоб, Кирилл едва не выронил завернутый в папиросную бумагу перстенок. Он собирался надеть его Лере на палец в первую минуту встречи, да как-то не вспомнил о кольце. А сейчас, пожалуй, и вовсе не время. Он переложил колечко в маленький карманчик брюк.

— Значит, не повезло с «квартирой без номера»? Ты надеялась, что вместе с комнатой Одинцов предложит тебе руку и сердце?

Он говорил просто так, наугад, не зная, что каждое слово больно бьет в цель. Лера прижала руки к груди.

— Ты можешь не верить мне, но я не ожидала встретить его... Клянусь жизнью мамы,

что я не лгу!

— Ну, конечно... Мы маленькие девочки... Мы только вчера родились на свет.

Лера покачала головой, светлая прядь попала ей на глаза, и она нетерпеливо откинула ее в сторону рукой.

— Я не девочка, Кирилл... И если уж ты так заговорил, то знай все... Я была замужем, Кирилл...

Он не смог скрыть свою растерянность: значит, она, рассказав ему о себе все, умолчала о главном. Впрочем, главное ли это? Какое значение имеет то, что было в ее жизни до него? Он ведь тоже не отчитывался перед нею за то время, пока не знал ее, Все это Кирилл, сбиваясь, высказал Лере.

— А если...если это было уже после нашей встречи? — ее глаза были полны слез...

— Ты... ты пьяна, Лера! Что ты болтаешь?

— Ой, голова кружится, сама не знаю, что говорю! Не слушай меня, милый!.. Зачем ты не приехал ко мне, когда я тебя звала? Ведь о тебе одном я думала все время. Если б можно было вернуть хоть один день жизни!.. Ну, хочешь знать все?

Ее слова, а еще больше выражение ее лица испугали его.

— Успокойся, — сказал он. — Успокойся и замолчи.

Лерины слезы закапали на мраморную доску. Сидевшие за соседним столиком старшеклассницы потрясенно переглядывались. Кирилл подозвал официантку и расплатился.

Чужая девушка вышла с ним на улицу! Припухшее от слез лицо не потеряло привлекательности, какой-то мужчина, засмотревшись на Леру, чуть не оступился. А Кирилл не видел ничего.

— Ты проводишь меня? — спросила она неуверенно.

— Что за вопрос, конечно...

Они промолчали всю дорогу. Кирилл не знал, о чем с ней говорить. Чужой, бесконечно чужой человек шел рядом. Невероятно, что еще сегодня он мог думать о каком-то кольце. Дотронувшись до карманчика, он проверил: здесь ли оно?

«До чего все-таки была права Юлька, ах, до чего ж права! — с горечью повторяла про себя Лера. — Не надо было ничего говорить ему. Мужчине не понять этого, даже самому лучшему. Да и кто вообще поймет, как порою все складывается одно к одному?!»

Разве ты виновата, что за тобою заехали на машине, предложили с комфортом довезти до самого дома? Или в том, что в гостинице автостанции, как на грех, не оказалось свободных мест и пришлось устроить привал у костра на лесной опушке? Быть может, в одном ты виновата — в лишнем глотке вина из термоса. Но кто знал, что за коварная штука это вино, охлажденное в термосе. Сладкое, приятное на вкус, будто бы вовсе некрепкое, оно скоро разобрало тебя так, что кружилась голова, и звезды в небе начали водить хороводы, и хотелось обнять весь мир — до того было хорошо. И ты с благодарностью пожала руку человека, устроившего для тебя этот праздник.

Задержав твою руку в своей руке, он полунасмешливо, полупечально рассказал, что поссорился со своей невестой и, похоже, навсегда. Она оказалась слишком ревнивой. Нет, нет, курортные дивы тут ни при чем! Она приревновала его к некоей девушке из Слободки, из-за которой он сделал умышленную остановку по пути на юг. И ревновала она не без оснований: с первой встречи на Садовом кольце он запомнил эту девушку, искал ее всюду на земле и на воде, и так далее в том же духе.

Ты шутливо погрозила ему пальцем: давайте не будем считать эту слобожанку провинциальной дурочкой. И, пожалуйста, не надо портить такой чудесный вечер! Самая ревнивая невеста простит своего жениха, если он ведет себя хорошо...

Тяжело вздохнув, он стал устраиваться на ночлег. Он хотел демонстративно лечь на землю, предоставив даме плед и кожаное сиденье, вынутое из машины. Но ты не разрешила ему лечь на отшибе: места хватит для двоих. И он растянулся подле на пледе, его голова была рядом с твоей на кожаной подушке.

Громкий всхрап, который раздался вдруг в ночи, рассмешил и, пожалуй, чуточку обидел тебя: хорош кавалер, уже спит! А впрочем, устал, бедный, просидев столько часов за рулем. И это сделало его ближе и понятнее. Ты даже помогла ему повернуться на правый бок, чтобы он больше не храпел. И не сняла руку, которая случайно легла на твое бедро и там застыла...

А когда ты заснула, точно провалилась, тебе показалось, что рядом с тобою милый, он обнимал тебя, и ты не сразу поняла даже, где сон и где явь. И уже не вырваться из сильных, ласковых, беспощадных объятий, и нет смысла кричать, и некому жаловаться...

— Ох, не надо было мне то вино пить!

Она не заметила, что говорит вслух.

— Голова болит? Дома пирамидон прими, как рукой снимет.

Нет, не сегодняшнюю красную шипучку она имеет в виду, но зачем Кириллу знать это?

Он проводил ее до самой дачи. Окна в доме были темны, наверное, тетя с дядей уже легли. Лера спросила неуверенно:

— А ты... ты не зайдешь ко мне?

— Слишком поздно.

— У меня свой ключ, мы никого не разбудим... Ты мог бы даже... остаться у меня... — закончила она шепотом.

Он покачал головой:

— Вообще слишком поздно.

«Да, ты была права, подружка! Все они такие, даже самые хорошие. Если бы Кирилл позвал ее раньше, еще до отпуска, она бы пришла к нему, не побоялась бы ничего. А теперь вот она сама позвала его и оказалась ненужной».

— Скажи что-нибудь на прощание! — попросила Лера. — Или улыбнись, я унесу с собой хоть твою улыбку.

Кирилл задумчиво вертел в руках какой-то маленький предмет, словно растирал листок меж пальцами.

— Что же мне с этим теперь делать?

Фиолетовый снопик на миг попал Лере в глаза.

— Кольцо? — вскрикнула она. — То самое?.. Ты купил его?

— Нет, украл...

Это было грубо, Лера вздрогнула, словно ее ударили.

— Что ж, подари его другой... более достойной.

— Это специальный заказ! — Широко размахнувшись, он забросил колечко под откос. Что-то тоненько звякнуло о рельс, фиолетовый снопик вспыхнул еще раз и погас в придорожной пыли. — Все!

— Зачем ты сделал это, зачем? — Лера замолотила сжатыми кулачками по его груди, повторяя сквозь слезы: — Пусть я плохая, пусть дрянь, но ты ничего не понял, ничего...

Лучше б ударил... Лучше бы меня туда бросил... Уходи! Совсем уходи! Ты мне не нужен такой... Ты слишком хороший для меня, слышишь? — Последние слова она выкрикнула, как угрозу...

Он отвел ее руки. Была секунда, когда ему захотелось прижать глупую, плачущую девушку к себе, но, подавив это желание, Кирилл быстро зашагал к станции.

Среди дня Кирилла вызвали с площадки к телефону. Сначала он не узнал голоса Вари: так растерянно он звучал, а узнав, не сразу понял, о чем говорит сестра. Как могла мама упасть в коридоре, если ей прописан полный покой и она лежит?

— Упала, и ей плохо, очень плохо, — твердила Варя, почти плача. — Совсем плохо, понимаешь...

— Сейчас буду! — крикнул он. — Но что значит «совсем плохо»? Алло!..

Варя не отвечала.

Автобус полз черепахой. На Садовом кольце Кирилл пересел в такси, не сообразив, что на метро быстрее. Бесконечно долго держал машину каждый светофор, Кирилл совсем изнервничался, пока доехал до дому. Может быть, мать, падая, разбила голову? Ведь что-то должны означать слова «совсем плохо».

У подъезда стояла машина «Скорой помощи». Ребятишки, обступив ее, обсуждали вслух, в какой квартире несчастье. Одним духом Кирилл взбежал на пятый этаж. Дверь на лестницу была открыта. Соседи, толпившиеся у порога, молча расступились, пропуская его, кто-то стал рассказывать, как увидел Антонину Ивановну распростертой на полу в коридоре и как помогал нести ее.

Мать лежала в том же положении, в каком он ее оставил утром, но головы к нему уже не повернула.

Врач в белом халате и медицинская сестра, раскладывая шприцы на салфетке, постеленной по-верх клеенки, посмотрели на вошедшего.

— Я же сказал: никого не пускать! — рассердился врач.

— Я сын, — прошептал Кирилл, подходя к кровати.

Щеки матери запали, глаза были закрыты, за ушами что-то чернело: не сразу он понял, что это пиявки.

Варя сидела в ногах у больной и поглаживала их сквозь одеяло. Подняв глаза на брата, девушка шепнула:

— Днем она еще немножко говорила. Тебя все звала. Карандаш просила — написать что-то. Но удержать не могла.

— Мама, мамочка, что с тобой? Ты слышишь меня, мама? — Он склонился над матерью. — Это я, Кирилл!

В лице больной дрогнул какой-то мускул, из глаза выползла одинокая круглая слезинка. Чувствовалось, что она прилагает все усилия, чтобы отозваться, но из этого ничего не получается.

— Это я, мама! Сын твой! — продолжал взывать он.

— Сейчас ее нельзя тревожить, — медицинская сестра настойчиво подталкивала Кирилла к двери. — Прощу вас выйти!

По совету соседней Кирилл помчался в платную поликлинику на Арбате, затем на квартиру профессора, адрес которого ему дали, и все это бегом, задыхаясь: казалось, что так быстрее.

Старик профессор недолго осматривал Антонину Ивановну.

— Вы, голубчик, кем ей приходиться? — спросил он Кирилла. — Такой большой сын?.. Ну что ж, вы взрослый мужчина, должны понимать: ни я, ни кто-либо другой помочь вашей матушке — увы! — уже не в силах... Нет, нет, денег за визит я не возьму!

— Что он сказал? — спросила Варя, когда профессор ушел.

Вместо ответа он обнял ее. Тут и Варя, кажется, поняла все и заплакала, прижавшись к брату.

Остальное было точно в тумане. Дыхание больной, как могло показаться со стороны, становилось спокойнее, но это была агония; интервалы между вдохами сокращались и сокращались, заканчиваясь всхрапами... Кирилл двигался по комнате, что-то делал, кому-то звонил. Соседи удивлялись его выдержке, но если б его спросили, что он говорил только что, он бы не вспомнил. Кажется, он только что послал телеграмму-«молнию» дальней родственнице, и вот уже маленькая близорукая старушка кусает скачущие губы и, глядя на покойницу, наверное, в десятый раз с горечью спрашивает:

— Но почему, почему меня не вызвали раньше?..

И неизвестно, чем бы могла помочь слабая старушка там, где даже медицина бессильна, и невдомек ей, что раньше, всего несколько дней назад, легкие каблуки Антонины Ивановны еще стучали по паркету, ее руки, не знавшие усталости, быстро двигались. А теперь на ногах матери черные матерчатые туфли, а ее руки трудовые, ласковые, красивые, словно их выточили из желтоватого мрамора, спокойно сложены на груди. И блестят серебряные нити в ее поредевших волосах — как много седины, оказывается, у мамы!

В квартире толпятся и распоряжаются чужие люди. Кирилл с удивлением узнает то снабженца Пасько со своей стройки, хлопчущего насчет гроба, то суровых, заплаканных товарок матери по швейной фабрике, то бородатого земляка Антонины Ивановны, прозванного Варей «женихом» в те далекие дни, когда умер Василий Петрович Малышев и бородач приезжал свататься к молодой вдове. Он был решительно отведен на «семейном совете». Этот большой, сильный мужчина весь как-то обмяк от горя, его по-детски голубые глаза влажны, и он все качает головой, ходя вокруг гроба, и повторяет почти про себя: «Ах, Тоня, Тоня!.. Как же это ты так, Тонечка?..»

Сколько их, родных и близких, у Антонины Ивановны! Как быстро узнали все о беде в семье Малышевых!

Предместкома швейной фабрики, полная седая женщина, некогда работавшая в одном цехе с покойной, укладывает живые цветы вокруг головы и тела подруги... Гриша обвил крепом большой портрет Антонины Ивановны: он его сделал за одну ночь с моментального снимка для паспорта... И вот Кирилл с Лешкой Шумовым, глядящим на друга с острой жалостью, берутся за гроб, позади них — непривычно насупленный Павел Иванович с торжественным Ковалевым, еще дальше — всхлипывающий, как ребенок, «жених» и озабоченный управдом...

Сквозь слезную пелену Кирилл видит, как на площадках лестницы, по которой несут, сильно наклонив, гроб, стоят люди без шапок, как на улице останавливаются любопытствующие прохожие, как провожающие рассаживаются в грузовики, присланные швейной фабрикой и трестом. Он видит всех — и не видит никого, слушает все — и не

слышит ничего... Порою ему кажется, что немыслимая, непоправимая беда случилась не в их семье, а в другой... Но, даже думая так, он знает, что это неправда.

И надо еще выслушать в крематории траурные речи, в которых склоняется имя Антонины Ивановны, незабвенной Тони Малышевой, нашей Тонечки... И надо проститься с матерью, хотя то, что лежит в гробу среди цветов, уже не мать: неузнаваемо исказилось родное лицо, глубже запали щеки, провалились веки... И надо поддерживать ослабевшую от слез Варю: ей он должен заменить теперь и отца и мать.

— Как же мы, как же, как мы, Кирюша, без мамы теперь?

Он успокаивает сестру, хотя и сам не представляет, как может продолжаться жизнь, если больше не пройдет по земле лучший человек, какого он знал...

На семейном совете, впервые проведенном без Антонины Ивановны, принимается решение: одинокая старушка родственница переберется в Москву. Варя первое время поживет у подруги: она не может даже подумать о том, что придется спать в той комнате, в которой затихло дыхание мамы.

Ночь после похорон сестра проводит вместе с Кириллом, как в детстве. Кириллу не спится, ему чудится, что из соседней комнаты доносится стук машинки. Этого не может быть, и все же, подняв голову, он долго прислушивается.

Понемногу до его сознания начинает доходить глубина несчастья, непоправимость случившегося... Кирилл вспоминает, как мать мечтала посмотреть его стройку. Он обещал привезти ее на машине, когда закончат отделку корпуса № 7—9, в который вложена частица и его труда, — никогда уже она не побывает там!.. Мать так хотела видеть его студентом вуза! Теперь хоть два института окончи, она не узнает этого... И поэму свою он ей не прочитал, все думал: успеется!.. Некому пожаловаться больше, не перед кем похвалиться, никто уже не порадует за тебя так, как может радоваться лишь мать!

Как волновалась мама из-за пустячной в общем ссадины на его руке, а сама была уже неизлечимо больна. Ей бы отдохнуть в санатории, подлечиться — он мечтал на следующее лето непременно отправить мать в санаторий... Никуда! Никогда! Ничего больше!.. И все, что он не успел сделать для матери, все, что не успел ей высказать, вся сыновья ласка, которую не успел растратить, тяжким грузом давит на сердце...

Вот Кирилл почти со страхом вспоминает, как летом собирался лететь к Лере, не дождавись ее писем. Хорошо, что хоть этого огорчения он не нанес матери. Недавно он целовал Лерины письма, а сейчас, не задумываясь, отдал бы полжизни за то, чтобы хоть раз еще получить те смешные, милые каракули, которые присылала ему мать в пионерский лагерь. Кирилл постыдился тогда показать ее писания своим товарищам, но ему не было совестно купаться, и загорать, и собирать грибы, в то время как мать все лето без устали крутила ручку швейной машинки... По радио говорят о советском спутнике — как бы радовалась мама, какой праздник был бы сегодня у нее!

* * *

Вскоре после похорон Кирилла позвали к телефону.

— Слушаю, — сказал он.

Трубка молчала. Почему-то он был уверен, что на том конце провода молчит Лера. Он переспросил еще раз и, не дождавись ответа, повесил трубку.

Через несколько дней таинственный звонок повторился.

— Алло! Слушаю вас! — повторил он.

Телефон молчал. Он сказал в трубку:

— Если тебе нечего мне сказать, не звони больше!

С тех пор звонки прекратились. Конечно, это была Лера.

А жизнь продолжалась.

Кирилл отказался от внеочередного отпуска, который выхлопотал ему заботливый Павел Иванович: на работе легче забыться, да и Варю не хотелось оставлять одну, пока старушка родственница не перебралась в Москву. Впрочем, дома он бывал мало. Кончая работу, Кирилл мчался на занятия в вечерний институт: здорово выручал его мотоцикл, который удалось купить по дешевке через Лешку Шумова. А в воскресенье, посадив Варю на багажник, он выезжал куда-нибудь за город. Никогда еще брат и сестра не были так дружны.

В отделе произошли изменения: на место Одинцова пришел молоденький, только что окончивший институт инженер Демин. Невысокий, в очках со слишком большой для его кукольного, румяного личика роговой оправой, он изо всех сил старался казаться старше, даже отпускал усики, выглядевшие пятнышком разведенной туши на его верхней губе. Представляясь, он крепко жал сотрудникам руки, не ленись повторить каждому свое имя и отчество: Алексей Семенович. Но острая на язык Наденька тут же окрестила его Чижиком, и все в отделе, кроме влюбившейся в него с места в карьер копировщицы Люды, ласково звали инженера за спиной «наш Чижинька».

Демин начал с того же, чем занимался в отделе Кирилл, — с «малой» механизации, но насколько легче было инженеру! Там, где Малышев действовал по наитию, порою брел на ощупь, то и дело прибегая к помощи Одинцова, новичок действовал до удивления самостоятельно. Он пропадал часами на площадке, потом, окружив себя клубами дыма, до позднего вечера что-то рассчитывал и чертил, а потом знакомил главного инженера с готовыми результатами. Так было с механической лопатой для загрузки подъемника, о которой давно мечтали такелажники, с разработкой нового метода крупноблочной кладки стен... Он не боялся вступить в горячий спор с Павлом Ивановичем и нередко одерживал победу.

— Помяните мое слово, граждане: наш Чижик будет еще и старшим и главным инженером! — многозначительно говорила Наденька, когда «начальства» не было в комнате. — К тому идет!

Высокие должности мало интересовали Кирилла, но разве не видел он, как выходят за пределы стройплощадки, берутся «на вооружение» другими трестами одинцовские, а теперь уже и деминские конструкции. Это ведь не его столы-подмости, отслужившие свою недолгую службу. Новые, более совершенные подмости вытеснили их, как дипломированные специалисты уверенно теснили практиков без образования.

Если сотрудники отдела были для Кирилла как бы членами его семьи, то отдел и вся стройка стали для него вторым домом. Нет, не домом, а жизненным институтом, не менее важным и интересным, чем тот, куда он ездил по вечерам на лекции.

Все дальше и дальше шагали к горизонту башенные краны, а казалось, горизонт приближался к людям. Строительство жилого городка на окраине Москвы, собственно, не городка — целого современного города, стало бескрайним полигоном, исполинской лабораторией для самых смелых экспериментов.

Один из опытных кварталов отвели под дома, которые собирали из крупных панелей системы инженера Лагутенко. Уже не отдельные блоки, а целые панели облегченной конструкции — стены, потолки, перегородки — подавал кран на перекрытия. Уже не

каменщики, а монтажники были безраздельными, хозяевами на участке. Комбinezоны делали их похожими на промышленных рабочих, а стройплощадка все больше напоминала многокилометровый конвейер, с которого за считанные часы сходили готовые квартиры.

— Мы с вами, Кирилл Васильевич, доживем до такого времени, когда дома будут транспортировать по воздуху на вертолетах, — приговаривал руководитель отдела. — Хоррошо? Роль научной организации работ возрастает еще больше, так что набирайтесь ума в своем институте!

...Где же то поле, которое Кирилл застал здесь около года с небольшим назад? Его перерезали кварталы новых жилых корпусов, широкие проспекты со стеклянными газетными киосками на углах, с шеренгами красных автоматов для продажи газированной воды перед магазинами и на автобусных остановках. Каменные громады не лезли друг на друга, не громоздились в беспорядке; простора хватало и для домов, и для ветра, и для солнца.

Кириллу нравилось, сокращая путь, проходить внутренними дворами и проездами, которые он помнил еще как стройплощадки. Не везде территорию успели благоустроить и озеленить, порою дети новоселов играли среди куч неубранной земли, бывших для них то арктическими торосами, то лунными кратерами.

Но уже была сделана остановка троллейбуса новой, продленной линии. Поджидая машину, пассажиры перечитывали надпись на доске, вмурованной в стену девятиэтажного здания из силикатного кирпича:

Здесь живет знатный каменщик столицы

НИКОЛАЙ МАТВЕЕВИЧ ПЕТРУХИН,

положивший в стены дома

свой 10 000 000-й кирпич.

Уложенного им одним за жизнь кирпича

хватило бы на постройку всего этого

здания.

И раньше бывало, что на зданиях высекали имена зодчих, но чтобы фамилию простого каменщика вывели золотом на фасаде — такого не помнили седые ветераны стройки.

Инициатива установки памятной доски принадлежала комсомольцам. Кириллу хотелось, чтобы надпись была в стихах, но руководство треста запротестовало. Даже Лиля Бельская не могла пробить «стену консерватизма», как она выразилась. Однако стихи не пропали; автор прочитал их под аплодисменты присутствующих на новоселье у Петрухина.

Расцеловав поэта, хозяин пообещал повесить стихотворение в рамке под стеклом.

Веселое это было новоселье, много народу собрало оно — и бесчисленную родню каменщика, и членов его бригады, и руководителей стройки! Гостям не хватало места за огромным столом, составленным из нескольких столиков, хозяин сокрушался:

— Эх, не догадался я мальшевские подмости принести, в самый раз были бы!

Громкими криками было встречено появление Драгина, не так давно ушедшего на пенсию. Старик частенько заглядывал на площадку, у многих рабочих становилось веселее на душе, когда они слышали знакомый сипловатый голос отставного прораба: «Что ж ты, Мансуров, еж тебя ешь, груз плохо закрепил?» Или язвительное замечание по адресу любезничавшей среди работы крановщицы: «Эх, Люба, Люба, нерентабельно ты ведешь себя на производстве!» И уж ни одной свадьбы, октябрин или новоселья своих строителей он не пропускал. Когда Борис Ковалев, с которым он столько раз ругался, уезжал с молодой женой Полиной на строительство Братской ГЭС, старик подарил экскаваторщику новенькую стальную рулетку в чехле.

На новоселье у Петрухина Драгин переплясал всех. Казалось, его худые, журавлиные ноги не знают устали. Лишь бывший предпостройкома Жильцов, снова ставший мастером бетонных работ, мог конкурировать с ним своей испытанной чечеткой. Престарелая мать хозяина, сидевшая во главе стола, выпив рюмочку, лишь разводила руками в такт музыке: ни петь, ни плясать она не могла. Петрухин шепотом рассказал гостям, что они с женой чуть ли не через день устраивают горячую ванну старухе — уж больно приятна она ее ревматическим ногам.

Кирилл завидовал бригадиру, так трогательно заботящемуся о старухе матери, завидовал Наденьке, содержащей престарелых родителей. А когда Драгин, подвыпив и расчувствовавшись, предложил почтить память своего лучшего друга Аркадия Ефимовича Пасько, скоропостижно скончавшегося вскоре после ухода на пенсию, Кирилл скрылся на кухне, боясь расплакаться при всех. Все, все напоминало ему о собственной маме, не дожившей ни до новоселья, ни даже до пенсии!

— Ищите, куда окурочек бросить, товарищ техник? — осведомился рослый сын хозяина, развлекавший устроившихся здесь, за недостатком места в комнате, гостей. — Сюда бросайте, не застрянет, мы с папашей на совесть выкладывали! — И приподнял крышку мусоропровода.

И радостно и горько попасть в чужую дружную семью в радостный праздник новоселья!

Во дворе дома, который людская молва уже окрестила «петрухинским», состоялось открытие памятника Маяковскому. Это был, собственно, не памятник, всего-навсего самодельный бюст на постаменте, однако его открытие привлекло много народу. Лиля Бельская пригласила на торжество работников райкома комсомола и районную власть, прибыли корреспонденты газет, играл свой духовой оркестр.

Гриша Львов привел Катю; могла ли она не видеть его нового триумфа. Ведь это ее Гришка «открыл» автора скульптуры, паренька-строителя, лепившего из глины свистульки в форме животных, и заставил его всерьез заняться лепкой в изостудии. Это Гришины питомцы — каменщики, маляры, плотники, электрики — выложили после работы постамент из кирпича, провели к памятнику свет, сделали ограду и скамейки.

Предусмотрительный художник пригласил на открытие памятника Владимира Илларионовича, соратника Маяковского по работе в «Окнах РОСТА». Старый график приехал не один, он привез сестру поэта Людмилу Владимировну Маяковскую, с которой

был давно дружен. Она еле удерживалась от слез, пожимая руки встречающей ее молодежи.

Корреспондент «Вечерней Москвы» сфотографировал выступление Маяковской, стараясь схватить ее лицо в профиль так, чтобы было видно фамильное сходство с поэтом, сфотографировал Гришу, протискавшегося вперед к своим воспитанникам, снял крупным планом бетонщика, читавшего стихи, посвященные Маяковскому:

Маяковский, Маяковский!
Лишь одно обидно нам,
Что на улицах московских
Не греметь твоим шагам...

Низкорослый Гриша все высовывался из толпы у памятника, ища Кирилла; он хотел, чтобы его друг тоже выступил со стихами, посвященными поэту. Но зачем все это Кириллу? Вот если б Лера была на торжестве...

На следующий день Гриша в газетном отчете был назван почему-то «В. Льговым — воспитателем молодежного общежития строителей». Его друзья, читавшие газету, немало потешались над перепутанной фамилией и новым званием художника. Но Гриша был не из тех, кто долго печалится.

— Чешуя! Хорошо смеется тот, кто смеется последним! Памятник стоит, две выставки прошли — кто из моих завистников может похвалиться тем же? — Художник имел в виду выставку своих рисунков, посвященных стройке, которая экспонировалась больше месяца в фойе клуба строителей и выставку «Берегись: пошлость!»; она пользовалась таким успехом, что ее показывали по московскому телевидению. — Посмотрим, что запоют мои дружки, когда я получу квартиру с мастерской в одном из будущих домов треста! Не может же воспитатель жить на каком-то чердаке, вдали от своих любимых питомцев! Особенно когда на повестке дня прибавление семейства! — И он многозначительно подморгнул Кириллу.

* * *

А дома у Мальшевых по-прежнему пусто и тихо. Дальняя родственница пожила совсем немного: не по душе пришлась ей сутолока большого города. Дневала и ночевала теперь у Вари ее любимая подруга Таня. А когда Кирилл бывал дома, сестра приходила в его комнату с шитьем, и ему казалось, что это не Варя, а мать тихо, боясь помешать ему, сидит на диване. Удивительно походила на Антонину Ивановну сестра, особенно когда задумывалась.

Варя пересказывала брату свои сны: чуть ли не каждую ночь она видела маму, беседовала с ней о домашних делах, даже фасон нового платья обсуждала — мама не советовала делать внизу оборку. А ему не везло, он всего дважды видел мать и оба раза умирающей. Это было так тяжело, что он стонал и плакал во сне, проснулся в слезах и больше не мог заснуть.

По субботам он ездил с Варей в зимний бассейн для плавания, где продолжали тренировку наиболее упорные спортсмены стройки. Кирилл все думал, что когда-нибудь встретит здесь Леру, но девушка не показывалась: очевидно, она забросила плавание. Спрашивать о ней у Лешки Шумова он не хотел, а тот, словно понимая его состояние,

никогда не заговаривал о Лере. Его, как тренера, больше интересовали успехи Лили Бельской, он клялся, что к концу сезона девушка добьется спортивного разряда.

Однажды Варя рассказала брату, что видела Леру. Та будто бы даже перешла на другую сторону улицы, заметив ее. Лера, по словам сестры, изменилась в худшую сторону: похудела, выглядела старше. Кстати, платье на ней то же самое, голубое. Видно, живет неважно...

— Мне все это неинтересно, Варя! — прервал ее Кирилл. — Что касается Леры — нет в нее веры!..

— Стихи новые?.. А я уж боялась, что ты совсем забросил поэзию! — подтрунивая над братом-стихотворцем, Варя тем не менее верила в его призвание и желала ему успехов.

— Поэзию?! — повторил он насмешливо. — Вот моя поэзия! — Кирилл показал стихотворный плакатик над столом, выведенный так называемым нормальным шрифтом: «Поэтом можешь ты не быть — специалистом стать обязан!» — До стихов ли мне, Варюша?!

Это было не совсем верно: чем больше он был теперь занят, тем больше успевал и на работе и в учебе. Урывками Кирилл записывал стучавшую в голову строчку или целую строфу, но прятал эти записи от самого себя. Беспokoйный огонек творчества горел где-то внутри, он не хотел, почти боялся раздуть его. Довольно с него и конфуза с поэмой!

Однажды мысли о Лере — злые, беспощадные мысли — отлились в стихотворное послание. Заканчивалось оно не очень-то изящно: поэт плевал себе в душу, чтобы потушить любовь! Но отправить стихи адресату он не смог: Лера уже не работала в своем учреждении, домашнего ее адреса он не знал. Так огнедышащее послание осталось остывать в ящике стола.

Гриша Львов, которого он видел чаще других товарищей, любой разговор ухитрялся переводить на Леру. Художник до сих пор считал непростительной глупостью, если не предательством, со стороны Кирилла то, что тот, по сути дела, сам оттолкнул девушку, добровольно отказался от нее. Гриша — единственный из друзей — знал подробности последнего объяснения с Лерой, историю с кольцом и считал Кирилла во всем неправым.

— Она не только не навязывалась тебе в тот вечер, как ты считаешь со свойственным тебе самомнением, она тебе, медведю, на всю жизнь себя отдавала, — горячился художник. — И разве только тогда? В выражении глаз я кое-что понимаю, профессия обязывает. Разве забыть, как она смотрела на тебя в моей мастерской! И на крыше, и на водной станции, и на концерте ансамбля вашего... А если она чего-то не понимала в жизни, слабо разбиралась в людях, приняла позолоту за чистое золото — чье же дело, как не твое, объяснить ей?.. Ты же умней ее, дурило! И если она оступилась, какое это имеет значение? За битого — двух небитых дают...

— Для меня — имеет! — тупо твердил свое Кирилл.

— Вот ты ничего и не имеешь в результате. Больше тебе ее не увидеть, как своих дурацких ушей! Ну, погоди, голубчик, я разыщу ее, сам сделаю ей предложение. — Гриша крутнул воображаемый мушкетерский ус. — Катьку брошу, если на то пошло. Кто она перед Лерой! Мышь перед Венерой!

Но, встретив Леру, художник забыл свои угрозы и немедленно примчался к другу. Кирилл сидел за конспектами лекции по сопротивлению материалов.

— Сначала бы надо поманежить тебя, олуха царя небесного, да ладно уж, пользуйся моей добротой, — возбужденно начал он с порога. — Знаешь, кто приходил ко мне сегодня?

Кирилл сразу догадался, о ком речь, сердце у него дрогнуло, но спросил он как можно равнодушной:

— Кто же?

— Сейчас ты будешь подпрыгивать, как карась на раскаленной сковородке. — Выдержав паузу, художник выпалил: — Лера твоя — вот кто! Поднялась ко мне будто между прочим, мимо проходила, но я стреляный воробей, меня на мякине не проведешь.

— И что?

— Что, что!.. А то, что ты... пень бесчувственный! Если не притворщик. Поначалу и она хотела изобразить нечто эдакое... А услышала об Антонине Ивановне — всю жилетку мне обрыдала... Спросила, как ты живешь, не женился ли. Вздыхала так, что... но это не передашь словами, это слышать нужно... Сама она, между прочим, не замужем. — Гриша произнес последние слова так значительно, что стало ясно, из-за чего он примчался к Кириллу.

А тот лишь безразлично повел плечами: ну и что?

— Кого хочешь обмануть своей железной выдержкой? Ты лучше скажи, медведь, что передать ей. Она обещала еще зайти.

— Ни-че-го! — отрезал Кирилл.

— Ду-би-на! — в тон ему ответил Гриша. — Черт с тобой, а я буду с нее портрет писать. В ее лице что-то новое появилось, скорбное. Словно у мадонны Мурильо...

Взглянув на часы, Кирилл придвинул к себе конспект: у него есть дела и поважнее, чем какие-то мадонны. Но когда разозлившийся художник ушел, он отложил конспект в сторону. У Гриши побывала, а к нему не зашла. Значит, совесть не чиста, не может решиться...

* * *

Снова в квартире повторялись таинственные звонки: женский голос спрашивал Кирилла, а когда он брал трубку, телефон молчал. Он был уверен, что это Лера, но не хотел прийти к ней на помощь.

Сам он так ни разу и не встретил Леру. Кроме сестры и Гриши, ее видел на улице Лешка Шумов, даже перемолвился с ней словечком. Что ж, у Кирилла нет времени бродить по улицам и искать встреч!

20

Когда-нибудь они должны были увидеться, и, наконец, это произошло.

Теплым весенним вечером Кирилл возвращался на мотоцикле из института. Лекции окончились раньше обычного, и он соображал, успеет ли взять билеты в кино на последний сеанс. У своего дома он резко затормозил и, задрав переднее колесо машины, вкатил ее на тротуар. Подперев ногой дверь парадного, Кирилл стал втаскивать мотоцикл в тамбур. Кто-то помог ему придержать дверь. Подняв глаза, он увидел Леру.

— Вы?.. Вы были у меня?

— Нет, я у тебя не была, Кирилл. Но я хотела тебя видеть. Ты проходи, Кирилл, я подержу дверь.

На похудевшем лице Лерины глаза казались больше, они блестели так, словно у нее был жар.

— Спасибо! — Он поставил мотоцикл на обычное место, под лестницей. — Что ж,

поднимемся ко мне. Правда, я собирался сегодня в кино...

— Иди, я не задерживаю... Я только хотела увидеть тебя... Вот увидела и... и уходить можно. — Она попробовала улыбнуться, но ничего не вышло.

— Зачем же уходить сразу? Можно пройтись немножко. Я даже и не разглядел... — Он старался строить фразы без прямого обращения и запнулся на секунду.

— ...Тебя! — выручила Лера. — Кирилл, если можно, зови меня на «ты». Хотя бы эти несколько минут, пока мы вместе... И не смотри на меня так пристально, я ужасно выгляжу.

— Ты прекрасно выглядишь, — соврал он.

Лера удивленно глядела на него: такого Кирилла — спокойного, холодного, безразличного — она еще не знала.

Они вышли на улицу.

— Посидим в садике напротив, — предложила Лера.

Ему было совершенно все равно, куда идти и что делать. Он даже удивился, до чего все теперь безразлично.

Они сели на свободную скамейку. Хромой водопроводчик Сеня из дома номер восемь играл на мандолине, две подружки-домработницы с безучастными лицами старательно, словно выполняя заданную работу, трамбовали перед ним каблуками землю. Мальчишки, оседлав забор, встречали каждую проходившую в садик пару нехитрой песенкой: «Я вас люблю и у-важа-аю, за хвост беру и провожа-а-аю...» Заводила — дворничихин сын Вовка Борискин — пощадил Кирилла и его даму: с владельцем мотоцикла невыгодно ссориться.

Лера высматривала что-то в просвет между деревьями. Похоже, она ждет, чтобы он спросил, что она там высматривает. Кирилл молчал.

— Не видно, — сказала Лера огорченно. — Обычно я садилась вон на ту лавочку, — она показала на занятую скамейку, — и смотрела на твоё окно, Кирилл. Ведь это твоё окно, да? — Он ничего не ответил. — Жалела, что я не мальчишка, не могу залезть на макушку дерева, как лазил ты в детстве, и подсмотреть, чем ты там занят... А когда гас свет, я уходила.

Раскачивая ногой, Кирилл старался сбить носком башмака головку увядшего одуванчика, это ему не удавалось.

— И вообще я много глупостей делала. Например, звонила тебе, а когда ты брал трубку, молчала. Однажды ты меня выругал наугад, а мне показалось, что я поговорила с тобой, даже на сердце легче стало. — Холодные тонкие пальцы легли на его руку. — До самого последнего времени я не знала, Кирюша, что у тебя... что Антонина Ивановна...

Об этом он не хотел говорить. Осторожно, чтобы не обидеть ее, он высвободил свою руку.

— Ну, а как ты живешь, Лера?

— Хорошо. В нашей архитектурной мастерской замечательный коллектив. Сам Рудник — ты его помнишь? Тот старик, в которого я запустила диском на вашем капустнике, — ко мне чудесно относится. Уже два месяца я исполняю должность чертежницы. — В голосе ее звучала гордость. — Это ты, Кирилл, советовал мне подумать о строительной специальности, помнишь?

Он-то все помнил. В мастерскую Леру звали сразу после ее дебюта в ансамбле. Но ведь потом столько всего было!..

— А я думал, ты в научно-исследовательском...

— Почему? — не поняла она.

— Просто я подумал... Туда наш... инженер один перешел.

Она прямо посмотрела ему в глаза.

— Ты имеешь в виду Виктора Алексеевича?.. Нет, я бы к нему не пошла!.. Ты еще хочешь что-нибудь о нем спросить?

— А я ничего не спрашиваю, я только слушаю. Это ты пришла ко мне и затеяла весь этот разговор.

— Не для того, чтобы ты снова... — голос ее осекся. — Разве не ты сам первый отказался от меня, Кирилл? Если хочешь знать, с этого все и началось.

— Конечно! Я еще и виноват.

— Я ни в чем тебя не виню, — сказала она устало. — Я одна виновата во всем... Но ты... ты не понял ничего. Тебе не понять, что значит остаться без работы, скитаться по чужим углам... Пусть я сама ушла из своего архива, пусть я не захотела стеснять больше тетю... Пусть отказалась от помощи родителей, отец ведь стал сильно прихварывать... Повторяю: я не жалею, я сама во всем виновата. Но от сознания этого не становится легче. — Лера передернула плечами, словно ей было холодно. — Брр, я до того унизилась, что просилась обратно к Егору Никитичу. Слава богу, у него уже была новая сотрудница, и он ограничился проповедью о том, что каждый пожинает то, что сам посеял...

Имя ее бывшего начальника напомнило Кириллу кое-что.

— Лучше уж ко мне бы обратилась...

— После того, как ты... Э, да что говорить! — Вынув из сумочки сигарету, Лера зажгла ее и неумело затянулась. — К счастью, в самую трудную пору я вспомнила фамилию Рудника. И он, как выяснилось, не забыл меня. Он до сих пор зовет меня дискоболкой... — Она заметила его пристальный взгляд. — Не надо было мне сегодня к тебе приходить, Кирилл. Да я и не к тебе пришла, собственно. Я часто старалась вспомнить твое лицо, улыбку... А такого Кирилла я не знаю — уравновешенного, холодного, забывшего все...

А он спокойно, как чужую, разглядывал Леру. Короткая стрижка делала ее похожей на девочку, но что-то женское появилось в ее лице, в ее фигуре. И никакая она не красавица — чего он нафантазировал? Маленькие серые глаза, слишком крупный рот, нижняя губа выдалась вперед — может быть, оттого, что она закусила сигарету.

— Тебе не идет курить, Лера!

— Это еще не самое страшное в жизни... — Она снова затянулась, отчего стали виднее нитяные морщинки в углах губ и на переносице. — Кстати, не думай, что я каяться пришла.

— А я ничего не думаю.

Домработницы, кончив танцевать, завели бесконечную жалобную песню: «Сними-и мне комнату сы-ру-ую, я буду жить там век одна; приди ко мне хоть раз в неделю-ю, я си-равно люблю тебя». Вовка Борискин, перебравшись с забора к парадному, вел с ребятами теоретический подсчет: какое количество живых мух проглотил бы каждый из них, если бы рекордиста поставили за это в ворота «Спартака» на одну игру?

Кириллу удалось, наконец, сбить носком башмака головку одуванчика.

— Ну, и как же ты живешь, Лера?

— Ты уже спрашивал. По-разному.

— На Фрунзенской набережной?

Ее уже, кажется, нельзя было ни удивить, ни обидеть.

— Нет. К сожалению, гораздо дальше. В мастерской обещают дать жилплощадь в новом доме. Через год его начнут строить.

Он мог бы рассказать ей, как комсомольцы треста обратились в Моссовет с просьбой

разрешить им самим построить жилой дом для себя. Разрешение уже получено, комитет ВЛКСМ составил список наиболее нуждающихся в жилплощади. Он не стал записываться: ему с Варей неплохо и в старой квартире. Но зачем все это знать Лере?.. И вообще пусть сама выбирает темы для разговора, если пришла к нему.

— Когда я представляла себе нашу встречу, Кирилл, — сказала Лера, — я думала, что столько всего выскажу тебе.

— Я слушаю.

Он и сам удивлялся своему тону. Было так, словно в нем сидел кто-то другой, спокойный и холодный, а сам он только посматривал со стороны на происходящее.

— Я хотела тому Кириллу рассказать... прежнему.

— А какой он прежде был?

Лера быстро взглянула на него и тут же отвернулась.

— Теперь уж не знаю. Только не такой. Совсем другой.

— И ты была другою.

— Я хуже была, если хочешь знать, — быстро, волнуясь, сказала она. — Я себя не знала, людей не знала. Сейчас немножко знаю. И... чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак. Так, кажется, говорил некий мудрец?

— Ух, ты! Значит, все мужчины обманщики и изменщики?

— Почему все?.. Зимой прилетал мой одноклассник Игорь Потехин. Я тебе о нем как-то рассказывала, не знаю, помнишь ли. В общем тот, который на летчика учился... Игорек сделал мне предложение. А я в ту пору как раз очень бедствовала, жила у Юльки на птичьих правах... Игорь хотел немедленно увезти меня на Дальний Восток.

— С Москвой расстаться непросто, — вставил Кирилл: он помнил слова Леры о том, что она не мыслит жизни вне столицы.

— При чем тут Москва? Просто я не люблю Игоря. Как он плакал, бедный! Он всерьез полагал, что офицерская форма — все... А с любимым я, не задумываясь, в Урду бы уехала...

Это было уже что-то новое: прежняя Лера об Урде не заговорила. Так-то, видно, и бывает в жизни: один плачет из-за того, что не приняли его предложения, а другой, хоть умри, не подумает предложить руку и сердце. Брак для него, видите ли, слишком серьезная сделка.

— Кстати, ты, Лера, не знаешь, на ком женился Одинцов?

— Кстати, не знаю. И, кстати, не интересуюсь. Но если уж ты заговорил о нем, могу сказать: Виктор Алексеевич по-своему несчастный человек. Да, да, глубоко несчастный! Можешь не улыбаться так иронически.

— Я не над ним, я тебя не понимаю, Лера. Игорь — хороший, Одинцов — несчастный... А кто же плохой тогда?

— Ты! — сказала она просто. — Да, да, ты. Ты, которого я считала самым лучшим на свете... Ты Егора Никитича, жалкого червяка, хотел проучить, а когда Виктор Алексеевич... Ну, хочешь знать все?

— Стоп! — Кирилл даже руку поднял, останавливая ее. Он почувствовал, что вот сейчас, в эту минуту, может услышать такое, что перевернет вверх дном его жизнь, налаженную с таким трудом. — Не хочу!

— Впрочем, где тебе, Кирилл, понять жизнь... Считаешь себя романтиком, а на деле просто мальчик. А я женщина!..

Даже в этот миг, когда, быть может, решалась ее судьба, Лера не унизилась до

объяснений. Да и поверит ли Кирилл, больше других знавший Виктора Алексеевича, что этот гордый покоритель сердец, «заманчивой» жених, больше месяца ходил под ее окнами, что он засылал к ней «сватов» и писал чуть ли не ежедневно письма; она их возвращала нераспечатанными. Последнее письмо пришло совсем недавно — отчаянное, сумасшедшее письмо. Она прочла его лишь потому, что адрес на конверте был надписан незнакомой рукой, а внизу стояла неизвестная ей фамилия: «Алексеев». Виктор Алексеевич писал, что в отчаянии женился, не любит свою жену и, если Лера скажет одно только слово...

А было время, Виктор Алексеевич и впрямь нравился ей, волновал ее. Добившись минутной близости, он стал для нее навсегда чужим. Это ли бросило к ее ногам не знавшего поражений гордеца, или пришел и его час в жизни полюбить по-настоящему?.. Глупость, что девушка не может забыть того, кто сорвал первый цвет ее! Это-то она выбросила из памяти. «Ничего не было!» — сказала она себе. А если не было, то незачем знать Кириллу. Он тоже, кажется, стал чужим.

— Поскольку я еще мальчик, мне пора домой.

— И мне. — Она раскурила новую сигарету. — Никто не может войти в положение другого, в этом я твердо убедилась за этот год. Трудный, горький, но... мой год... год моей жизни, которую уже не прожить второй раз по-другому.

— И все же — слышишь, Лера! — если бы можно было начать все сначала, — впервые горячо, заговорил он, — я был бы точно таким же лопухом. Разве только вот этого не разрешил бы тебе! — И, вынув у нее изо рта сигарету, ногой вмял ее в землю.

Леру тронул этот искренний жест, она схватила его руку, прижала к своей щеке.

— Ах, Кирилл, Кирилл, если бы ты знал, как я... Как любила тебя... вот такого, — закончила она тихо.

Вот она и сказала то, чего он так мучительно долго ждал, но лучше бы, кажется, не говорила. Не бьется ответно его сердце, спокойна рука, потрепавшая ее по плечу.

— Об этом... тоже не будем.

— Ничего ты не понимаешь, ничего! Ну, да ладно, не будем, как ты говоришь. Ты ведь до сих пор убежден, наверное, что все дело лишь в том, что кто-то не взял меня замуж... А я и не собираюсь ни за кого выходить... Просто мне выговориться хотелось. Была бы жива Антонина Ивановна, я бы к ней пришла...

На улице стало тихо. Родители давно загнали домой загулявших мальчишек, ушли домработницы с гармонистом Сеней.

— Есть и еще одна причина, почему я пришла. — Лера рылась в сумочке, ища что-то. — В ту ночь, когда мы последний раз виделись, я не заснула, все боялась, что кто-нибудь другой найдет... Вот оно! — В руке ее блеснул какой-то крохотный предмет, свет фонаря попал на камешек, и он бросил в глаза Кирилла фиолетовый снопок. — Возьми, это твое. Даже в самую трудную минуту — а у меня их было предовольно — я не решилась расстаться с ним. А теперь оно мне не нужно.

Она сунула ему в руку колечко.

— Не обижай меня, Лера. Ты нашла его, оно вдвойне принадлежит тебе. — Он сунул кольцо в ее сумочку.

— Но не могу же я носить его.

— Тогда выбрось! — Он встал. — Ух ты, скоро час...

— Уже? Похоже, я опоздала на... — Оборвав фразу на полуслове, Лера поднялась. — И все же я рада, что выговорилась. Если бы ты знал, какой жесткий ком стоял у меня вот здесь,

— она дотронулась до своего горла, — все это время... Ты позвонишь мне когда-нибудь?

— Возможно.

— Запиши номер моего служебного телефона.

— Говори, я так запомню.

— Значит, не позвонишь?.. Тогда и говорить незачем.

— Как хочешь...

Она пошла прочь из садика.

— Проводить тебя, Лера?

— Нет, нет, благодарю! Мне тут близко.

Кирилл смотрел, как фигурка в белом, не раз стиранном пыльнике медленно уходит в темноту. Она не очень-то торопится, хотя метро сейчас закроется. Что ж, ее дело!.. Он пошел домой.

Но почему он без усталости ходит по комнате, перебирая на все лады сказанное Лерой? Может быть, он и впрямь недостаточно доказывал ей свою любовь, не боролся за нее? Но какая же это к черту любовь, если ее надо доказывать, бегать за ней, боясь, чтобы не отнял другой?! Пусть другие бегают, даже скачут, как тот мамин пастух за Ак-Бозат... В свое время и он тоже мог расчувствоваться до того, что пошел бы провожать Леру, а потом полночи добирался до своего дома. Молодец, что выдержал характер до конца!

Но тут Кирилл вспомнил о колечке. В сущности, его очень взволновало то, что он снова увидел его. Немалых трудов, наверное, стоит разыскать такой крохотный предмет в траве под железнодорожным откосом. И сохранить, когда у тебя нет денег на хлеб. Неужели она теперь выбросит его?

О какой чепухе он, собственно, думает? Много ли стоит ничтожное колечко в сравнении с тем, что нашлась сама Лера! Она сказала, что любила его... Глупости, она любит его до сих пор, потому и пришла. И не раз приходила. А он, идиот, разыгрывал перед ней весь вечер роль какого-то блаженного!

Нет, ему не уснуть сегодня! Может быть, выйти прогуляться? На улице так хорошо. А главное, Лера не могла никуда поспеть... Все же он настоящая скотина, что не проводил ее!

...Одевшись, Кирилл сбегает по лестнице, выкатывает на улицу мотоцикл. Свежий ветер вырывает воротник майки из-под кожаной куртки, острые концы его бьют по лицу. У пригородных касс Ленинградского вокзала он прислоняет машину к обочине тротуара. Вот и знакомая платформа, от нее поезда идут на Клин.

Так и есть: маленькая белая фигурка жметесь в глубине крытого навеса. Лера опоздала на последний поезд в Подрезково, теперь ей сидеть здесь до утра, одной, в своем легком пыльнике. Что ж, пусть сидит! А он вернется домой...

Решив так, он продолжает идти по платформе. Лера, перестав вертеть колечко на пальце, подняла голову на звук шагов — изумленная, боясь поверить своим глазам и желая верить. Удивительные глаза, каких больше нет ни у кого на свете, смотрят на него, губы, дрогнув, расплываются в улыбке — лучшей, какую видел в своей жизни Кирилл.



Об авторе

Константин Кириллович Лапин родился в 1914 году в Москве в семье служащего. Рано оставшись без отца, он по окончании средней школы пошел работать на стройку. Был десятником, техником-строителем. Работал в тресте «Кирпичстрой», на строительстве Военной академии имени Фрунзе в Москве, в проектных организациях. Поступил в вечерний строительный институт, но не окончил его, решив переменить специальность. Позднее работал инструктором физкультуры, грузчиком в Батумском порту, репортером газеты «Советская Абхазия», радиокомментатором.

С 1935 года начал регулярно выступать в центральной печати с заметками, очерками, фельетонами. С 1936 года — штатный сотрудник газеты «Красный спорт». Начало литературной деятельности — 1939 год, когда в журнале «Смена» был опубликован первый рассказ К. Лапина «Большая Медведица».

В годы Великой Отечественной войны К. Лапин был военным корреспондентом. С лета 1943 года он сотрудник фронтовой газеты Брянского фронта «На разгром врага». Вместе с частями Советской Армии проделал путь от Москвы до Кенигсберга. Был награжден орденом Красной Звезды и тремя медалями.

После войны К. Лапин работает в «Литературной газете», активно сотрудничает на радио, выступает в печати с очерками, статьями, рассказами. Наиболее известны его выступления по морально-этическим вопросам.

За десять последних лет вышли следующие произведения К. Лапина: очерки «Строители мира» (Профиздат, 1951), сборник рассказов «Военный корреспондент» (Воениздат, 1954), фронтовые рассказы «Переправа» (библиотечка «Советского воина», 1955), сборник «Очерки и рассказы» (Советский писатель, 1956), рассказы «Его невеста» (Воениздат, 1956), сборник очерков о строителях Куйбышевской ГЭС «Покорители Волги» (Куйбышевское издательство, 1956), «Победа на Волге» (издательство «Советская Россия», 1957), документальная книга «В любовь надо верить» («Молодая гвардия», 1957), рассказ «Аленка» (библиотечка «Советской России», 1959), повесть «Что рассказало

простое письмо» (альманах «Парус», Рига, 1959).

Книга К. Лапина «В любовь надо верить», выпущенная нашим издательством, выдержала три массовых издания, она переведена на восемь иностранных языков.

Повесть «Непростая история», над которой автор работал последние годы, носит известный автобиографический характер. Впервые она была опубликована в журнале «Знамя» (№ 5, 6 за 1958 год). Подготавливая это произведение к изданию отдельной книгой, Лапин внес в него ряд существенных изменений.